

Сборник докладов, представленных на конференцию «Маргиналии-2023» в Арзамасе (22-24 сент.)

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Институт философии РАН (Москва)

Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36.)

ОРГКОМИТЕТ

М.Ю. Михеев, доктор филологических наук, в.н.с. отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института Русского языка им. Виноградова РАН (председатель оргкомитета и программного комитета)

А.Г. Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (зам. председателя оргкомитета)

Ф.Н. Блюхер, кандидат философских наук, зав. сектором Института философии РАН

О.В. Никифорова, кандидат филологических наук, декан историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского

КОНТАКТЫ

Михеев Михаил Юрьевич mihej57@yandex.ru

Кравецкий Александр Геннадьевич krav62@mail.ru

Никифорова Ольга Валентиновна nov@arz.unn.ru

Алфавитный список авторов-участников и их тезисов

1. Александрова Т.Л. (Москва). Два Опшиана – одна судьба на двоих
2. Алексеева А.С. (Москва). На периферии древнерусской книжности: рукописные заговоры и апокрифические молитвы
3. Андреева И.В. (Арзамас). Несобственно-прямая речь в ранних рассказах Л. Андреева
4. Афиногенова О.Н. (Москва). Мученики Лесбосские Рафаил, Николай и Ирина: исключительный случай канонизации в современной церковной истории
5. Ахметова М.В. (Москва). Являющиеся привидения, кушающие дети и дырки в носу: между культурой речи и коммуникативным доминированием
6. Бабаева Е.Э. (Москва). Среда обитания: к истории преддискурса российской социологии
7. Бельский В.В. (Сергиев Посад). «Вот, я согрешил...; а эти овцы, что сделали они?»: Царская молитва против эпидемии в древней Передней Азии (на материале ветхозаветных текстов и «чумных» молитв Мурсила II)
8. Бернацкий М.М. (Москва). Греческие подделки в конфессиональной полемике Западной Европы XVI в.: казус Константина Палеокаппы
9. Блюхер Ф.Н. (Москва), Гурко С.Л. (Москва). Логические основания понятий «народ» и «нация»
10. Богумил Т.А. (Барнаул). Оппозиция «центр – периферия» в произведениях писателей Алтая о В.М. Шукшине и В.Г. Шершеневиче
11. Бравин Аличе (Bravin Alice) (Удине, Италия). На границе между искусством и религией: апофатика в поэзии Дмитрия Пригова
12. Брагина Н.Г. (Москва). Неужели коммуникация: ликоугрожающие реплики
13. Букринская И.А., Кармакова О.Е. (Москва). «Темные аллеи» крестьянской любви (диалектные тексты)
14. Валеева Е.В. (Арзамас). Женщина – маньяк в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри»
15. Введенский А.М. (Санкт-Петербург). Маргинальная надпись-граффито и ее литературная параллель

16. Верещагин О.А. (Саров). Конструктивистская философия и ее мировоззренческие и методологические основания
17. Виноградов А. Ю. (Москва). Митрополит Ефрем Киевский (1052–?) — первый религиовед и этнограф на Руси
18. Вирен Д.Г. (Москва). Дебютанты и бунтари в польском кино 1970-х годов
19. Воробьев В.А. (Москва). Студенческая песня XX века: фольклорные переработки стихотворений К. Симонова
20. Галактионова И.В. (Москва). *Вот таков у меня муж: кран течет уже целый месяц!* (об иллюстративном материале в лингвистических текстах)
21. Гептинг Э.Л. (Великий Новгород). «*Лозерья-то теперь и нету*»: Ильменское Поозерье – смерть или трансформация?
22. Гоголев Р.А. (Нижний Новгород – Москва). Другой Шаляпин: бесславная судьба племянника знаменитого певца
23. Головизнин М.В. (Москва). «Вставная новелла» Варлама Шаламова. Что стоит за сюжетом текста
24. Головизнин М.В. (Москва). Еще раз о мотивах письма Варлама Шаламова в редакцию Литературной газеты
25. Гордеева О.В. (Москва). Границы психологического исследования околосмертного опыта
26. Гофман А.А. (Москва). Личность медицинских волонтеров в самоопределяющих автобиографических воспоминаниях
27. Граматчикова Н.Б., Никандрова А.В. (Екатеринбург). Прагматика игры в личной переписке молодых людей (1962–1966 гг.)
28. Графова М.А. (Москва). Развод в 1920-е годы: первый подход к теме с точки зрения архивных эго-документов
29. Грищенко А.И. (Москва). Там, где щебечет *струфт*, читали мы *Фтальмуд*
30. Грубов В.И. (Арзамас). Личный фонд Г.И. Морина в арзамасском госархиве
31. Гусева А.А. (Москва). Россия как иеротопос (Тема золотого века в текстах прот. А. Шмемана)
32. Державина Е.И. (Москва). По страницам журнала «Друг семьи»
33. Дмитренко С.Ю., Станюкович М.В. (Санкт-Петербург). «Ради Бога и арака»: метаморфозы «маргинальных реалий» в русской литературе-2
34. Друговойко-Должанская С.В. (Санкт-Петербург). Чем полмандарина хуже, нежели пол-апельсина и пол-лимона, или О маргинальных правилах раздельных, слитных и полуслитных (дефисных) написаний в системе современной русской орфографии
35. Дьяченко Г.В. (Москва). Богословские маргиналии коммуникации, или коммуникативный характер лингвистической референции
36. Ермаченко И.О. (Санкт-Петербург). КВЖД на открытках: почтовый привет с «модернизационной периферии»
37. Ерохина И.В. (Тула). Несколько замечаний к теме текст и контекст в связи с «Opus incertum» О. Седаковой
38. Ефремов В.А. (Санкт-Петербург). Языковая репрезентация тела и телесности (на примере блокадных текстов Л. Я. Гинзбург)
39. Зализняк Анна А., Добровольский Д.О. Маргинальные глаголы желания: *приспичило* и *норовить*
40. Захарова А.В. (Москва). Дневник участника Троянской войны: вымысел или реальность?
41. Зевахина Т.С. Поэтика писем в повести В.В. Личутина «Сон золотой. Из книги переживаний»
42. Зуев Д.В. (Москва). Булгаков и Диккенс: к истории инсценировки «Посмертных записок Пиквикского клуба» во МХАТе
43. Зыкова Г.В. (Москва). Эпистолярный поэт и историк Андрея Ивановича Плигузова (1990е)
44. Ипполитова А.Б. (Москва). Доктор Лебедев и доктор Лебединский: герой «Открытой книги» и его прототип
45. Исаков А.А. (Арзамас). Личный фонд Михаила Чаадаева в Центральном архиве Нижегородской области
46. Исакова Л.А. (Арзамас). Академическая культура России начала XX века в письмах Ф.В. Тарановского В.Э. Грабарю
47. Ищенко Н.С. (Луганск). Между литературой и богословием: протестантская экклесиология в рассказе Х. Л. Борхеса «Три версии предательства Иуды»
48. Кагарлицкий Ю.В. (Москва). Форт Шаброль: О метафорике крушения старого мира и интертекстуальных совпадениях
49. Касаткина А.Л. (Москва). Масон Семён Иванович Гамалея как объект положительной (восхищённой) и отрицательной (неприятной) мифологизации, начиная с его современников и до наших дней
50. Качинская И.Б. (Москва). Часы для красоты, а время по огороду.
51. Кириченко В.В. (Санкт-Петербург). Автобиографемы в романе Жоржа Перека «Исчезновение»
52. Клеопов Д.А. (Москва). Ризома как предчувствие
53. Климкова Л.А. (Арзамас). Диалектный язык: ретроспектива и перспектива

54. Клойкова Е.А. (Пермь). Повседневная жизнь заводского поселения конца XIX века в автобиографии служащего Майкорского завода
55. Кожина С.А. (Москва). Семантика перехода в произведениях Д. Годровой
56. Королёва С.Ю. (Пермь). Семейные помянники в рукописной традиции русских-юрлинцев
57. Королькова П.В. (Москва). «Парадный» и маргинальный Париж в творчестве хорватских писателей и художников первой половины XX в.
58. Костомарова К.П. (Москва). «Три препаратика приобретает на сто» – о языке продавцов в электричках
59. Кравецкий А.Г. (Москва). Газеты, в которые нельзя заворачивать селедку: массовое производство и оскорбление чувств
60. Кравченко Т.Ю. (Москва). Трансформации «образа врага» в романе Константина Федина «Города и годы»
61. Красин А.А. (Москва). «Они все бессовестные лицемеры...» (Сравнительное исследование бахрейнских дневников и мемуаров Чарльза Белгрейва)
62. Крылов С. А. (Москва). Язык русских универсальных энциклопедий XIX-XXI вв. как «маргинальный предмет» лингвистического исследования
63. Кузнецов А.А. (Нижегород). Писатель Н.И. Кочин между славой и полузабвением, советской лояльностью и оппозицией
64. Кузнецова О.А. (Москва). Заметки на полях басен (XVIII – XIX вв.)
65. Кулакова И.П. (Москва). П.П. Свинын как объект критики "арзамасцев" (к проблеме становления национального самосознания в России)
66. Курдин Ю.А., Панов А.Р. (Арзамас). Автобиография М.Г. Черняева – мемуары опального генерала
67. Лауфер Наташа (Москва). Разыграно (как) по нотам: теория переговоров в исполнении Владимира Высоцкого
68. Левицкая Т.В. (Москва). «Лубочный» патриотизм: русско-японская война 1904–1905 гг. в стихах, песнях и шутках
69. Левкиевская Е.Е. (Москва). «Берегини» на берегах Волги или как создаются мифологические фантомы
70. Левонтина Варвара (Москва). Словесность под стражей
71. Левонтина Ирина (Москва). Детская грамматика
72. Лимеров П.Ф. (Сыктывкар). Поэтика богообщения в вероучении Степана Ермолина, лидера верхневыгодских Бурсьыллысьяс – Певцов Добра
73. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. (Москва). [без тезисов] Судьба одной античной формулы в книжном наследии допетровской Руси
74. Лукин П.В. (Москва). «Параллельный импорт» на периферии: неформальная торговля новгородцев и псковичей с ливонцами в условиях санкционного режима
75. Людоговский Ф.Б. (Банска Быстрица, Словакия). Ученый-самоучка XVIII века Иван Евстратьевич Свешников: биография историческая, художественная и мифическая
76. Лярский А.Б. (Санкт-Петербург). «Ты примешь все, что будет тебе доверено»: из наблюдений за подростковыми дневниками начала 20 века
77. Марьина О.В. (Барнаул). Жанровое своеобразие детского журнала «Трамвай»
78. Миловац Ж.В. (Москва). Хореографический текст как способ художественной интерпретации литературных произведений
79. Михайлова Т.А. (Москва). *Бофреры* и *бельсёры* в русском окружении: коммуникативная стратегия
80. Михеев М.Ю., Эрлих Л.И. (Москва). Можно ли употребление диалектных слов считать полноценным художественным приемом (или: Как обращаться в письмах к женщине, а как – к вождю?)
81. Мишина Е.А. (Москва). Варьирование как средство выразительности в древнерусских памятниках письменности
82. Мороз А.Б. (Москва). Проданный праздник и украденная часовня. Деревенский праздник как символический капитал
83. Мухачёва И.В. (Москва). Арзамас – раз, «Арзамас» – два, Arzamas – три, Арзамас-16: почему у нас столько Арзамасов?
84. Назарьев Е.И. (Москва). О лингвистике и прагматике военно-мемуарного дискурса
85. Никифорова О.В. (Арзамас). Наименование женщины лёгкого поведения в нижегородских говорах
86. Нога София Алексеевна (Санкт-Петербург). Истории для детей о психическом здоровье: на границе науки, искусства и педагогики
87. Нуркова В.В. (Москва). Самоопределяющие автобиографические воспоминания как экзистенциальное высказывание личности
88. Оборнева З. Е. (Москва). Письма «метаморфского митрополита» Неофита: особенности перевода
89. Пантелеев С.А. (Сергиев Посад). Проблема авторства «Послания к монашествующим» Серапиона Тмуитского
90. Пастернак Е.А. (Москва). «Известные всем происшествия и подлинные дела»: о формировании биографии Державина им самим и другими

91. Пенская Елена (Москва). Тело и дело Робера Макера: маргиналии в эго-документах А.В.Сухово-Кобылина
92. Пенькова Я.А. (Москва). Словообразовательные маргиналии: полипрефиксальность и среднерусские начинательные глаголы
93. Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. (Москва). Современные писатели о литературном творчестве сквозь призму метафоры (на материале сборника эссе 2018 г. «Как мы пишем»)
94. Пилипенко Г.П. (Москва). Лингвистический ландшафт уругвайского Сан-Хавьера: между русскоязычным прошлым и испаноязычным настоящим
95. Плетнева А.А. (Москва). Иван Курин вместо Епикура: рифмы и фонетические параллели в раёшных текстах
96. Плотникова А.А. (Москва). *Рајац*, рай и «тот свет»
97. Прибора С.В. (Москва). Художник-реалист, метафизик и художник-исследователь Павел Филонов в эпистолярных признаниях учеников (к 140-летию со дня рождения и Году педагога и наставника в России)
98. Птенцова А.В. (Москва). *А не то в момент узнаешь, как башка слетает с плеч*: из истории ультимативной конструкции *а не то*
99. Радбиль Т.Б. (Нижний Новгород). Арзамас как мифологическое пространство в художественном мире отечественной поэзии
100. Раханская Шура (Москва). История рода Раханских vs записи у границ личного бытия
101. Резниченко А.И. (Москва). «Купно заедино». Материалы Философского Собора «Великое русское исправление имён» и Первого Большого Русского Собора как маргинальный текст
102. Ровинская М.М. (Москва). Ойкодомонимы: естественные и искусственные номинации
103. Ролдугина П.Д. (Москва). Указание на цель в семантике некоторых наречий образа действия (*следом, вслед, вдогонку*)
104. Романова Т.В. (Нижний Новгород). Специфика коммуникации в текстах исповедального типа
105. Рухмаков М.И. (Москва). О переписке братьев Трубецких в контексте исследования философско-богословского наследия Августина Блаженного
106. Рябец В.А. (Калининград). Киево-Печерский патерик в маргиналиях Сергия Шелонина
107. Семенова С.Ю. (Москва). Высказывания о величинах, пограничные по отношению к литературной норме
108. Семенович А.В. (Владимир). Эстетика неопубликованного текста или жизнь после смерти автора
109. Сиверцев Алексей (Alexei Sivertsev, Chicago). Language in the Margins: Synagogue Mosaics and Cross-Language Epigraphic Formulas in Late Roman Palestine
110. Смирнова А.В. (Пермь). «Вот такие мои дела»: характеристика отраженной повседневности в сельском нелитературном дневнике
111. Смирнова Е.А. (Москва). Модусная рамка глосс в Евангелии Тяпинского
112. Смирнова Е.Е. (Москва). Особенности кинодискурса режима Виши
113. Соболева А.Е. (Москва). «Гобѣ подобаетъ пѣснь»: еще раз о языке и тексте Виленской псалтыри.
114. Соболева М.Е. (Сергиев Посад) «Что скрывают монастырские вклады: из жизни богомольцев XIX века»
115. Соколова О.В. (Москва). На границе поэтического и обыденного высказывания: поэзия в интернет-пространстве
116. Степанян Е.В., Кузнецова Т.В. (Москва). Маргинальное творчество, проект «Наивно? Очень!» и князь Мышкин-аутист
117. Суворова К.А. (Москва). Размышления геолога о малой родине
118. Сулим О.С. (Москва). Стабильность и изменчивость самоопределяющих нарративов
119. Сурат И.З. (Москва). «За смолу кругового терпенья...» (из комментариев к стихам Мандельштама)
120. Тер-Аванесова А.В. (Москва). Деревенские рассказы о неудачном замужестве как фольклорные тексты
121. Терентьев А.С. (Сергиев Посад). Явление Пресвятой Богородицы прп. Сергию Радонежскому: некоторые особенности ранних редакций Жития
122. Третьякова М.В. (Арзамас). Русские путешественники 90-х годов XVII века: путевые заметки «неизвестной особы»
123. Турилова М.В. (Калуга). Александр Александрович Сиверс (1894–1929) на страницах мемуаров Т. А. Аксаковой (Сиверс) «Семейная хроника»
124. Уланова А.В. (Москва). Представители Серебряного века в дневниках и воспоминаниях Андрея Николаевича Ильина (1872/73 – 1928) (к 150-летию со дня рождения)
125. Урысон Е.В. (Москва). Мышление в русской языковой картине мира (предварительные заметки)
126. Федосюк М.Ю. (Москва). Военная служба полковника Российской армии Михаила Павловича Федосюка в зеркале протоколов полкового комитета офицерских и солдатских депутатов
127. Фещенко В.В. (Москва). Трактат в облике поэмы: Пограничный жанр и особенности его языковой организации

128. Хусяинов Т.М. (Москва), Жаров Д.О. (Вена). Реконструкция социальной реальности жителей малых городов на рубеже XIX-XX веков посредством корпуса почтовых открыток «Пишу тебе»
129. Черванёва В.А. (Москва). Комментарий сказочника к своему тексту: тематический и прагматический параметры
130. Шаронов И.А. (Москва). Прагматика русских пословиц и поговорок в диалоге
131. Шатько Е.В. (Москва). Книга писем как особый жанр (на материале хорватской и сербской литератур)
132. Шемякин Я.Г. (Москва). О границах экзистенциального пространства личности в свете концепции гуманитарного знания М.М. Бахтина
133. Шемякина О.Д. (Москва). Повседневность человека путешествующего и просвещенческий дискурс: вояж по Европе Д.И. Фонвизина
134. Шеянов Г.Г. (Москва). «По недоумению и усердию» (случай из истории российского патриотизма)
135. Шилкин Р.И. (Сергиев Посад). «Поста́в Христу боготкан явилася еси»: «ткацкий стан» как образ Богородицы и Боговоплощения в гомилиях свт. Прокла Константинопольского
136. Шмелев А.Д. (Москва). Правила русской пунктуации в компьютерных программах
137. Шмелева Е. Я. (Москва). Общение в социальных сетях глазами лингвиста
138. Яблонская О.В. (Арзамас). «Карандаш времени»: фотографии и социальная реальность
139. Ясинская М.В. (Москва). Лингвистический ландшафт в Венецианской Словении: словенский язык в романском окружении

Т.Л. Александрова (Москва)

Два Оппиана – одна судьба на двоих

Судьбы двух поэтов, авторов дидактических поэм «О рыбной ловле» и «Об охоте», живших во 2-й половине II – начале III вв. н.э., слились воедино уже в поздней античности, так что теперь даже невозможно сказать, обоих ли их звали Оппианами, или подражатель позаимствовал имя того, кому уподоблялся, но в византийский период их определенно считали за одну личность. Поэзия обоих была весьма популярна, о чем свидетельствует и богатая рукописная традиция, и наличие нескольких редакций биографий «Оппиана», - честь, которой удостаивались лишь немногие.

Краткую версию этой биографии находим в словаре «Суда», где сообщается, что Оппиан жил при императоре Марке Антонине (т.е. Марке Аврелии) и, когда он прочитал свои поэмы перед императором, тот пришел в такой восторг, что заплатил автору по золотой монете за каждый стих его творения, что в общей сложности составляет 20 тысяч золотых монет.

Более подробно та же история излагается в биографиях Оппиана, где рассказывается также, что он был уроженцем киликийского города Аназарба, и что во время визита на восток императора Севера отец поэта чем-то вызвал его гнев и был сослан на остров Мальту. Сын последовал за ним в изгнание, где и написал свои поэмы «о животных, живущих в воде и на суше, и о ловле их», и представил их сыну Севера, к тому времени уже умершего, Антонину. Нетрудно увидеть, что император здесь упомянут другой.

В обеих поэмах содержится обращение к императору «Антонину», однако самого беглого знакомства с текстом достаточно, чтобы понять, что это два разных поэта, и обращаются они действительно к двум разным императорам: автор поэмы «О рыбной ловле» - к Марку Аврелию (121-180 гг.), автор поэмы «Об охоте» - к Антонину Каракалле (188-217 гг.). Эти и другие несоответствия и привели ученых нового времени к мысли, что мы имеем дело с двумя разными поэтами. Но к кому же из них относится биография?

В настоящее время принято считать, что уроженцем киликийского города Аназарба, упомянутого в биографии, был первый из двух поэтов, автор поэмы «О рыбной ловле» (второй, которого часто именуют Псевдо-Оппианом, происходил из сирийского города Апамеи). В то же время названные в ней императоры – Север и его сын Антонин, это Септимий Север и Каракалла. То есть ошибка в ней есть в любом случае.

О том, что поэма о «Рыбной ловле» была написана в 172 году, сообщает также Евсевий Кесарийский в хронике, переведенной Иеронимом, да и сам автор обращается к двум императорам, отцу и сыну, преимущественно же к отцу. В настоящее время ученые склоняются к тому, что применительно к Оппиану из Аназарба эта датировка близка к истине, но рассказ о ссылке отца поэта и награждении его самого относится к Оппиану из Апамеи. Однако возможно и другое решение этого вопроса: ошибка может состоять не в названии города, а в имени императора. Если относить весь сюжет ко времени Марка Аврелия, то речь должна идти не о Септимии Севере, а о соправителе Марка Аврелия Луции Вере (131-169 гг.), командовавшем армией во время войны с парфянами и поэтому находившемся в Малой Азии. Тогда оказывается, что биография целиком относится к первому Оппиану.

Источники

Oppianus. Halieutica. Sammlung Wissenschaftlicher Commentare / ed. F. Fajen. Stuttgart and Leipzig: B.G. Teubner, 1999.

Ps.-Oppian. Kynegetica // hrsg. S. Renker. Berlin – Boston: De Gruyter, 2021.

[Hamblenne](#) P. La légende d'Oppien // [L'Antiquité Classique](#), Т. 37, Fasc. 2 (1968), pp. 589-619.

Татьяна Львовна Александрова
д.ф.н., в.н.с. Института мировой литературы РАН

А.С. Алексеева (Москва)

На периферии древнерусской книжности: рукописные заговоры и апокрифические молитвы

В качестве магических средств для достижения той или иной цели восточные славяне использовали заговоры и «отреченные» молитвы. Массовая фиксация текстов начинается в первой пол. XVII в., однако, их возникновение следует относить к более раннему периоду, поскольку некоторые тексты имеют в своем составе формулы дохристианского происхождения (РЗРИ, с. 8).

Изучение славянских рукописных заговоров и апокрифических молитв берет свое начало в сер. XIX в. Ввиду особенностей сложения и бытования эти тексты не всегда поддаются строгой дифференциации. Как пишет А.Л. Топорков, граница между заговорами и молитвами подчас довольно подвижна, поскольку многие тексты содержат черты обоих жанров. С другой стороны, тексты могут менять жанровую природу: так, «ложные» молитвы, вобрав в себя фольклорные мотивы и образы, становятся заговорами, а фольклорные заговоры, включая в себя библейские имена и фрагменты молитвенного содержания, трансформируются в молитвы (РЗРИ, с. 13).

Представляется, что один из ответов на вопрос о сущности рукописных заговоров и апокрифических молитв может дать язык, а именно, изучение морфологической вариативности в рамках теории регистров, актуальной для письменности XVII–XVIII вв. Как показало исследование тетрадок 9 писцов, живших в XVII в., апокрифические молитвы редко отклоняются от церковнославянского языка, в то время как рукописные заговоры – так же, как большинство инструкций к двум типам текстов – тяготеют к гибриднему регистру нестройной ориентации. Различия языковой организации следует связывать с происхождением и бытованием текстов: апокрифические молитвы усваивают церковнославянский язык из своих источников, а рукописные заговоры воспринимают маркеры книжности из соседствующих с ними «отреченных» молитв.

И.В. Андреева (Арзамас)

Несобственно-прямая речь в ранних рассказах Л. Андреева

В докладе рассматривается вопрос об использовании в текстах рассказов Л. Андреева такого способа передачи чужой речи, как несобственно-прямая речь.

В несобственно-прямой речи наблюдается совмещение черт прямой и косвенной речи: в авторскую речь включаются отдельные слова, словосочетания, предложения из чужой речи без каких-либо показателей их принадлежности чужому лицу.

Особенность несобственно-прямой речи заключается в том, что автор излагает мысли и речь персонажей от своего лица, но воспроизводит те или иные особенности речи говорящего (персонажа). В результате высказывание становится двуплановым: передается «внутренняя речь» персонажа и отношение к ней автора; объективная оценка событий сочетается с преломлением их сквозь призму восприятия персонажа.

Несобственно-прямая речь не имеет особых синтаксических форм и грамматических признаков. Отражение речи автора сближает несобственно-прямую речь с косвенной: в ней тоже происходит замена лица глагола и местоимения, она может иметь форму придаточного предложения и в этом случае занимает место после главного предложения. С прямой речью несобственно-прямая сближается через передачу речи героя. В этих разновидностях используются различные интонационные типы речи, в том числе различные конструкции вопросительных и восклицательных предложений, междометные предложения, обращения, различные частицы, характерные для живой разговорной речи, которые в косвенной речи переданы быть не могут: «В притихшей зале не хватает воздуха. Колосов задыхается. Он закрывает глаза и, как преступник перед казнью, видит в глубокой дали солнце, зеленые луга, голубое чистое небо. *Как тихо и спокойно сейчас у него дома! Дети спят в своих кроватках. Хорошо бы пойти к ним. Стать на колена и припасть головой, ища защиты, к их чистенькому тельцу. Бежать от этого ужаса! Бежать!..*» (Л.Н. Андреев «Защита»).

Несобственно-прямая речь отражает лексические и синтаксические особенности чужого высказывания, эмоциональную окраску, свойственную речи героя, манеру речи говорящего. Своеобразие несобственно-прямой речи проявляется прежде всего в лексике, заимствованной из речи персонажей, обычно экспрессивно окрашенной, и широком употреблении вопросительных и отрицательных предложений, выделяющихся в эмоциональном и интонационном плане на фоне нейтрального авторского повествования.

Отдельные способы передачи чужой речи (прямая, косвенная, несобственно-прямая речь) у Л. Андреева взаимодействуют между собой, в стилистических целях они могут быть объединены в одном тексте. Такой тип повествования в современной лингвистике обозначается термином «свободный косвенный дискурс», его отличительной чертой признается многоплановость повествования, основанная на сложном соединении голосов персонажей и автора.

Несобственно-прямая речь как особый стилистический прием широко используется в произведениях Л. Андреева. Широкие стилистические возможности, большая выразительность и яркость, эмоциональное богатство и образность, заложенные в несобственно-прямой речи, делают ее прекрасным средством оживления повествования.

Высказывания, содержащие несобственно-прямую речь, четче и лаконичнее, так как в них обычно отсутствуют вводные прямую и косвенную речь глаголы речи / мысли, поэтому повествование с несобственно-прямой речью динамичнее. Кроме того, несобственно-прямая речь является средством психологического раскрытия героя, его индивидуальной языковой характеристики и авторской оценки.

Таким образом, контаминация особенностей прямой и косвенной речи в рамках несобственно-прямой речи создает семантически глубокую и структурно простую форму передачи чужой речи, являющуюся у Л. Андреева ярким стилистическим приемом создания многопланового, полифонического повествования.

Андреева Ирина Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент,
Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
кафедра русского языка и литературы, доцент,

О.Н. Афиногенова (Москва)

Мученики Лесбосские Рафаил, Николай и Ирина: исключительный случай канонизации в современной церковной истории

В 1959 г. на Лесбосе проводилась реконструкция часовни. На руинах древней постройки местные жители ежегодно во вторник Светлой седмицы собирались на литургию, хотя не могли объяснить происхождение этой традиции. Во время строительных работ один из рабочих обнаружил древнее погребение, но не придавал находке значения, и пренебрежительно обошелся с останками, которые представляли собой скелет со сложенными на груди руками и с отделенной головой, лежащей на камне. Неожиданно руки строителя парализовало, и он выздоровел только после того, как с трудом осенил себя крестным знаменем. Тогда он понял, что найденные останки — это мощи неизвестного святого. Рабочий начал рассказывать жителям острова об этих событиях. Многим островитянам, как наяву, так и во сне стал являться человек в виде иеромонаха; он либо молчал, либо сообщал свое имя — «Рафаил». Позже кому-то из островитян он подробно рассказал о своей жизни и кончине, на основании чего был записан следующий рассказ. Прмч. Рафаил родился в 1410 г. в семье Ласкаридис. Он получил блестящее образование, принял монашеский постриг и через некоторое время был рукоположен во иереи с возведением в сан архимандрита. Константинопольский патриарх направил способного иеромонаха во Францию в г. Морле с дипломатической миссией. Там Рафаил познакомился с соотечественником Николаем, принявшим постриг и сан иеродиакона. Вскоре они вернулись в Константинополь, но после захвата его Мехметом II в 1453 г. бежали на Лесбос, где поселились в монастыре во имя Рождества Божией Матери.

В 1463 г. турки напали на Лесбос, захватили монастырь, подвергли Рафаила страшным пыткам и, наконец, обезглавили, отпилив нижнюю челюсть. Повреждения на найденном в часовне скелете в точности соответствовали рассказу являющегося лесбосцам иеромонаха: голова была отделена от туловища, нижняя челюсть была обнаружена рядом с останками.

Через некоторое время после явлений Рафаила прмч. Николай также стал являться островитянам и указал место своего погребения, которое было обнаружено в 1960 г. Святой в видениях также подробно рассказал свою биографию и обстоятельства смерти. Тогда же одной девочке с Лесбоса явилась некая отроковица и поведала свою историю. В 1463 г., когда турки захватили Лесбос, она с родителями укрылась в вышеупомянутом

монастыре. Требуя у ее отца показать местонахождение повстанцев, турки на его глазах отрубили Ирине правую руку, залили кипятком в горло и, в конце концов, сожгли в глиняном котле. 9 апреля 1960 г. во вторник Светлой седмицы мощи Ирины были обнаружены, рядом был найден глиняный котел, в котором сожгли девочку.

Канонизация мучеников, которая состоялась в 1960 г. (местная) и в 1970 г. (общецерковная) представляет собой исключительный случай в современной церковной истории, т. к. единственным источником сведений о них служат рассказы местных жителей, по их словам, услышанные во сне или в видениях, продолжавшихся на протяжении 2 лет, причем являлись по очереди сразу несколько святых, детально описавших свою биографию. После проверки всех сообщений и археологических данных, митрополит Митилинский Иаков составил доклад для канонической комиссии Константинопольского патриархата.

Лит.: Афиногенова О. Н. Рафаил, Николай преподобномученики, Ирина мц, и др. новомученики Лесбосские // Православная Энциклопедия. М. 2020. Т. 59. С. 377–378.

Афиногенова Ольга Николаевна
к.ист.н., заведующая редакцией Восточных христианских Церквей Православной Энциклопедии,
доцент МДА

М.В. Ахметова (Москва)

Являющиеся привидения, кушающие дети и дырки в носу: между культурой речи и коммуникативным доминированием

В докладе рассматривается один из типов вербальной реакции на словоупотребление, представляющееся говорящему нерелевантным. Подобные реплики помещают цитату из речи собеседника в другой контекст и обычно содержат информацию о релевантном словоупотреблении.

В качестве нерелевантных выступают обычно стилистически маркированные лексические единицы vs. нейтральные (ср. *Кушают дети и дорогие гости (евреи, короли, больные и т. д.), а все остальные едят*) и профессионализмы vs. их разговорные синонимы (ср. у футболистов: *Стоит слон в зоопарке (ведро и т. д.), а вратарь играет*). При описании нерелевантной единицы могут привлекаться маргинальные контексты и значения, для большинства современных носителей языка неактуальные (ср. *пожарник 'погорелец' или 'поджигатель' vs. нормативное обозначение профессии пожарный*).

Подобные высказывания как конструируются окказионально, так и используются систематически, противопоставляя «свое», «правильное» и «чужое», «неправильное» словоупотребление. В силу своей экспрессивности (и часто яркой образности) они могут иметь мнемоническую и развлекательную функции. Но прежде всего представляется возможным говорить о них как о реализующих стратегию коммуникативного доминирования: говорящий, во-первых, претендует на регулирование выбора собеседником тех или иных лексических средств, во-вторых, выстраивает иерархические отношения между собой и собеседником. Неслучайно клишированные реплики такого рода особенно свойственны узусу иерархизированных сообществ (прежде всего таких, как армия, школа или иное учебное заведение), а в профессиональных группах часто адресуются новичкам или младшим (либо «чужим»). Для них может быть характерна агрессивная и/или обесценивающая составляющая: нерелевантный термин помещается не только в сниженный, в том числе обценный контекст (например, у моряков: *Плавают г..., а корабли ходят*), но и в контекст, затрагивающий личность собеседника (ср. реплики

учителей труда: *Дырка у тебя в носу (на штанах и т. д.), а в детали отверстие; Гладить кота (мужа) будешь, шов утюжат).*

В предельном случае о том, что на первый план выходит именно интенция подавления собеседника (а не стремление «научить» его «правильному» словоупотреблению) свидетельствует наличие клишированных высказываний, связываемых с синонимичными вариантами, «правильность» которых определяется произвольно. Например, в армии ответом на «[Имярек] (по вашему приказанию) явился», служит *Являются привидения (черти, святые и т. д.)*; а ответом на «... прибыл» — *Прибывают поезда.*

Примечательно, что благодаря широкой известности формул такого рода может происходить их дрейф между узусами различных сообществ. Например, армейское высказывание *Являются привидения (черти, святые и т. д.)* заимствуется более широкими сообществами, работающими с речью (преподаватели вузов, журналисты, редакторы и т. д.), как реакция на использование глагола *являться* (в высказываниях типа *X является Y*), воспринимаемого как неуместное клише, элемент канцелярита и т. д.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ахметова Мария Вячеславовна
к. ф. н., старший научный сотрудник,
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
заместитель главного редактора журнала «Шаги / Steps»

Е.Э. Бабаева (Москва)

Среда обитания: к истории преддискурса российской социологии

9 января 1836 года в Париже был казнен знаменитый преступник Пьер-Франсуа Ласнер. В своих мемуарах («*Mémoires, révélations et poésie de Lacenaire*»), опубликованных в 1836 г., он утверждал, что мстил обществу, которое еще в юности ввергло его в пучину несчастий. Незадолго до казни, беседуя в тюрьме с одним из посетителей, Ласнер заявил, что стал *жертвой общества*. Личность Ласнера, как хорошо известно, поразила воображение Ф.М. Достоевского. Редакция журнала «Время», в которую входил Ф.М. Достоевский, начала серию публикаций, посвященных судебным процессам XIX века, именно очерком «Процесс Ласнера».

«*Заедающая среда*», «любимое теперь учение наше», как писал Ф.М. Достоевский, начиная с 1860-х гг. становится модной темой: *Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогресс, / И что кто-то заеден средою* (А.К. Толстой). Развитие этой темы, несомненно, связано с органицизмом — моделью объяснения социальных явлений, опирающейся на биологию. Представителями этого направления в России второй половины XIX в. являлись П.Ф. Лилиенфельд и А.И. Стронин. Понятие влияние *окружающей среды* на живые существа разрабатывалось отчасти в натурфилософии; в конце XVIII – в начале XIX в. слово *среда* становится элементом научного языка естествознания. В первой половине XIX в. оно выступает в качестве своего рода прототермина социологии. Доклад посвящен эволюции данного слова в 30-50-е гг. XIX в., когда происходил отбор лексики, которая впоследствии вошла в дискурс новой научной дисциплины.

В.В. Бельский (Сергиев Посад)

«Вот, я согрешил...; а эти овцы, что сделали они?»: Царская молитва против эпидемии в древней Передней Азии (на материале ветхозаветных текстов и «чумных» молитв Мурсила II)

На древнем Ближнем Востоке фигура царя традиционно рассматривалась в качестве заступника и ходатая за подданных перед высшими силами. Такой взгляд определялся представлением о сакральном происхождении и сакральном статусе царской власти. Заступничество царя как священной персоны предполагалось в случаях, когда население подчиненного ему государства подвергалось бедствиям самого разного рода (война, неурожай, голод, эпидемия), и реализовывалось в действиях культового характера. Прагматическая цель указанных действий сводилась к восстановлению отношений, нарушение которых повлекло за собой гнев высших сил (именно в качестве выражения этого гнева рассматривалось постигшее подданных царя бедствие).

Особенный интерес в рамках изучения данного феномена представляют древнейшие евхологические тексты, адресантом которых обозначен хеттский царь Мурсили(с) II (кон. XIV – нач. XIII в. до н. э.). Эти молитвы, прагматическая цель которых связана с прошением о прекращении чумы в царстве, довольно давно обратили на себя внимание не только востоковедов, но и специалистов в области литургики и библеистики. Дело в том, что коммуникативная ситуация и структура этих евхологических текстов (хетт. *arkuwar*) совпадает со структурой текстов молитв (др.-евр. *tēpillā*), зафиксированных в ветхозаветных библейских книгах (совершенно иной будет структура, скажем, аккадских «молитв» вроде *šu.il.la* и проч.). Кроме того, Вторая книга Царств содержит повествование о действиях царя Давида в связи с мором в Иерусалиме, в том числе и тексты покаянного содержания (2Цар 24:10. 17).

В связи с вышенаписанным для изучения древнейших текстов евхологического типа принципиально важным является определение коммуникативной цели этих молитв в контексте других действий монарха, направленных на прекращение эпидемии в стране. Решение этой проблемы возможно через сравнение библейского текста, повествующего о чуме в Израиле, и небиблейской молитвы, произнесенной/зафиксированной по случаю чумы в Хеттском царстве. Основанием для правомерности такого сравнения является наличие как относительно обширных нарративных блоков в молитвах Мурсила, так и близких к евхологическому типу текстов в нарративе 2Цар 24.

Бельский Владимир Викторович,
кандидат богословия, преподаватель
кафедры церковной истории
и кафедры церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии

М. М. Бернацкий (Москва)

Греческие подделки в конфессиональной полемике Западной Европы XVI в.: казус Константина Палеокаппы

Наш доклад посвящен важной, но мало изученной и междисциплинарной теме — созданию греческих литературных фальсификаций в Западной Европе в XVI в. в контексте конфессиональной полемики между католиками и протестантами. Написание подделок исторического, философского и теологического содержания становится в то время массовым явлением. Безусловно, мотивы создания подделок для перебравшихся в Западную Европу греков носили, в частности, меркантильный характер, однако искусность составления и актуальность затронутой в них проблематики для всех сторон, вовлеченных в споры, обеспечила популярность изданным сочинениям, начиная с XVII в.

Наряду с Андреем Дармарием и митрополитом Макарием Мелиссином, ярким примером здесь является личность критского переписчика рукописей Константина Палеокаппы, который в 50-х годах XVI в. находился под покровительством знаменитого кардинала Шарля де Гиза (1524–1574) и работал над созданием каталога греческих рукописей в королевской библиотеке замка Фонтенбло (основа будущего собрания рукописей Национальной библиотеки Франции). Палеокаппа создавал подделки по совершенно разным темам: литературоведению (например, пересказ «Виолариум» (Ἰωνία) — греческих басен — от имени византийской императрицы Евдокии Макремволитиссы (1021–1096)), астрономии (брошюра об астрологии некоего Египтяя), философии (схолии псевдо-Василия Кесарийского к «Никомаховой этике»), антииудейской полемике, актуальной для Европы XVI в., и проч.

Однако наибольший резонанс в истории вызвали поддельные сочинения, созданные им для знаменитого парижского полемического издания 1560 г. Том, подготовленный к печати литургистом Иоанном де Сент-Андре, содержит тексты Божественных литургий, а также сочинения отцов и писателей восточной церкви, посвященные таинству Евхаристии. Палеокаппа переписал по заказу кардинала де Гиза несколько литургико-богословских флорилегиев (автографы Paris. Suppl. gr. 146 и 303), которые были положены в основу парижского издания. Издание должно было оказать католикам помощь в полемике с гугенотами по вопросам сакраментологии. В рамках этих флорилегиев появляются три псевдоэпиграфа Палеокаппы. Кроме того, он вносит ряд исправлений в доступную ему редакцию текста Литургии апостола Иакова.

Мы рассмотрим те литературные уловки, которыми пользовался Палеокаппа для выполнения актуального для той эпохи полемического и гуманистического заказа. Искусность подделок вводила в заблуждение позднейших писателей и полемистов XVII–XIX вв. (Ж. Гоар, Досифей Иерусалимский, Никодим Святогорец) и исследователей вплоть до XX века.

Бернацкий Михаил Михайлович
научный сотрудник

лаборатории исследования церковных институций ПСТГУ

Ф.Н. Блюхер (Москва), С.Л. Гурко (Москва)

Логические основания понятий «народ» и «нация»

Последние 20 лет в стране активно обсуждается идея «российской нации». Такое впечатление, что нет ни одного политика, которой не высказался бы на эту тему. Более того, сформировались крайние позиции, одну из которых озвучил академик Е.Г. Ясин,

заявивший, что в России «нация не возникла». Одновременно с этим в соседнем государстве идет та же самая дискуссия, центром которой является понятие «политической нации». При всем накале политических и идеологических страстей парадоксальным является то, что с точки зрения логики у нас существует только два способа образования общих понятий, которые могут быть использованы в научном определении «нации» или «народа». Под научным мы имеем в виду использование таких логических средств, как создание классификаций и количественного подхода в рамках дефиниции. Первый, стандартный родовидовой подход, основанный на выделении некоторых признаков, характеризующих множество предметов в рамках одного общего понятия. В методологии понятия, созданные на основании такой операции, получили название «абстрактно общих». Второй – понятия, описывающие некоторую целостность, которую характеризуют неотделимые от него части. Если мы к такой целостности применяем исторический анализ, то получаем «конкретно общие» понятия. Так, знаменитое определение И.В. Сталина, что нация – «исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада» является абстрактно общим, потому что каждый из признаков (язык, территория, экономика и психический склад) рассматривается как существующий отдельно, сам по себе. С другой стороны, «конкретно общим» понятием может быть «единый национальный рынок», где отдельные экономические части страны функционируют как незаменимые части одного рыночного пространства. По существу, все остальные различия в определениях наций возникают из-за разной предметной определенности, обобщающиеся логическими средствами, например, территория, язык, право, вера, армия, экономика, история и т.п.

Мы считаем, что при объяснении национальной идентичности конструктивизм предпочтительнее примордиализма, но настаиваем на его историзме. В разные эпохи возникновение «нации» может происходить по разным основаниям, в зависимости от тех исторических условий, в которых оказывается народ. В этом плане израильтяне второй половины XX века не могут быть идентичны не только средневековым сиенцам, но и современным украинцам или русским XIX века. При этом мы не можем сказать, что «нация» – целиком сконструированное понятие: экономическую, политическую, религиозную или языковую общность населяющих территорию людей отменить невозможно. Так же, как невозможно изменить историю взаимодействия этих людей друг с другом. Но именно история и приобретает форму символического рассказа, лежащего в основах национального мифотворчества, которую используют политики. Условность национальной идентичности имеет ограниченный характер. Так, если две родные сестры из русско-эстонской семьи в 1991 году выбрали разную национальную идентичность, то сами они еще понимают условность этого выбора, но их внуки уже с полным основанием относят себя к разным национальностям.

Блюхер Федор Николаевич
к.ф.н., ведущий н.с. Института философии РАН;

Гурко Сергей Львович

Т.А. Богумил (Барнаул)

Оппозиция «центр – периферия» в произведениях писателей Алтая о В.М. Шукшине и В.Г. Шершеневиче¹

Любой локальный сверхтекст включает в себя знаковых людей, чьи имена ассоциируются с данным пространством. На Алтае это, в первую очередь, В. М. Шукшин. Парадоксально, что в процесс художественной рефлексии о самобытности региона не вовлечен автор, тесно связанный с территорией своей биографией и творческим становлением (В. Я. Шишков), и напротив, В. Г. Шершеневич, который попал в Барнаул незадолго до смерти и никак не отразил его в своих произведениях, неоднократно упомянут в барнаульской поэзии и прозе.

Гипотетически, включение образа известного писателя в локальный сверхтекст определяется не только и не столько его вкладом в литературное освоение какой-либо местности, сколько связью с этим пространством решающих фактов его биографии: рождения (Шукшин) и смерти (Шершеневич). Вектор судеб данных авторов противоположен. В случае с алтайским прозаиком прослеживаются контуры «ломоносовского мифа». Путь писателя от периферии (с. Сростки) к центру (г. Москва) воплощает успешную жизненную стратегию. У Шершеневича логика обратная: всю сознательную жизнь провел в столице, а умер и похоронен в провинциальной «глуши» (по отзывам мемуаристов).

Образы знаменитых людей в местной литературе обязательно связаны с их краеведческой ценностью. В региональной шукшиниане подчеркивается связь писателя с малой родиной, актуальна тема литературной преемственности земляков. Сибирь, Алтай, Сростки, Пикет, Чуйский тракт, Катунь – все эти топонимы мыслятся знаками Шукшина, который, в свою очередь, преобразуется в *genius loci* и туристический «бренд». Пространство воспринимается сквозь призму человека, подвергается антропологизации, т.е. становится геопоэтическим явлением.

В барнаульских текстах о Шершеневиче, в основном, задействована моральная тематика. Факт смерти и захоронения столичного автора в провинциальном городке является знаковым явлением для региональной самоидентификации. Описание последних дней жизни поэта вписывает его в городской ландшафт; его могила становится семантически продуктивным элементом локуса. Базовые мотивы, моделирующие образ «последнего имажиниста», связаны со сменой полюсов оппозиций «центр – периферия», «слава – забвение», «свой – чужой (иностраный)», «гений – посредственность», «дружба – вражда» с С.А. Есениным. Алтайские писатели проецируют литературно-исторические факты, связанные с Шершеневичем, на свое творчество и судьбу. Намечена тенденция к превращению поэта в *genius loci*.

Богумил Татьяна Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный педагогический университет»

Аличе Бравин (Bravin Alice) (Удине, Италия)

На границе между искусством и религией: апофатика в поэзии Дмитрия Пригова

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00496, <https://rscf.ru/project/23-28-00496/>

В 1991 году Дмитрий Александрович Пригов, важнейший представитель московского концептуализма, составляет стихотворный сборник *Апофатическая катафатика*. Парадоксальная формула названия прямо указывает на связь с теориями катафатики и апофатики и косвенно дает отсылку на любимого Приговым Псевдо-Дионисия Ареопагита, одного из самых почитаемых в России богословов. Стихотворения тоже по-разному отсылают к теологии Дионисия и к другим философским и религиозным теориям, в оригинальной попытке синкретизирования различных традиций в художественном тексте. Намеки на апофатизм и на Псевдо-Дионисия обнаруживаются также в других произведениях Пригова. В 1977 году, например, поэт создал цикл из четырех визуальных стихотворений (*БОГ, ОТЕЦ, СЫН* и *ДУХ*) под названием *Имя Бога*, которое напоминает известный трактат Ареопагита *О Божественных именах*.

Почему в своих текстах Пригов так часто обращается к апофатической модели, которую он своеобразным образом обновляет? Автор применяет целый набор лингвистических и стилистических приемов, обеспечивающих практическую реализацию апофатической модели, из которой он заимствует также идеи, созвучные собственному представлению о поэзии.

Приводя конкретные примеры из произведений Пригова и учитывая также его теоретические высказывания – об отношениях искусства/культуры с религией, о понятии “сакро-куляризации”² и о роли “сакрального” в искусстве, – анализ покажет переосмысление, преобразование и деконструкцию, которым подвергается апофатическое учение в текстах поэта-концептуалиста. В универсальном художественном проекте ДАП, где взламываются всякие границы и совмещаются жанры, поэт/художник имеет в своем распоряжении совокупность источников (в том числе такие религиозные, “высокие” модели, как апофатическая богословская традиция): он переводит их в совсем новый контекст, в пространство художественного произведения, и возвращает их в новое оригинальное и не каноническое использование. При этом абсолютно свободно, т. е. без чисто пародийных или комических целей. Любые модели, даже если принципиально далекие от художественного мира, достойны войти в богатейший инструментарий поэта, значительно обогащая его. В докладе предлагается рассмотреть эту важную междисциплинарную особенность приговского творчества.

Бравин Аличе (Bravin Alice)

Кандидат филологических наук (PhD), Научный сотрудник на кафедре русского языка и русской литературы в Университете г. Удине (Università degli Studi di Udine), Италия.

Н.Г. Брагина (Москва)

Невежливая коммуникация: ликоугрожающие реплики*

В докладе будет обсуждаться невежливая коммуникация и принципы ее описания. Предлагается рассмотреть некоторые виды ликоугрожающих реплик: а) «возвратные» реплики с опорным компонентом *сам (-а, -и)*: *Сам(-а, -и) + повтор слова / словосочетания*; – *Сам(-а) ты / Сами вы + повтор слова / словосочетания*; *Сам(-а, -и) такой (-ая, -ие)*; б) ответные реплики как реакция на неверное / некорректное, с точки зрения говорящего, обращение: – *Как(ой)ая я тебе / вам + повтор слова / словосочетания?* – *Какие мы тебе/вам + повтор слова / словосочетания?* в) рифмованные псевдоответы, выраженные речевыми формулами: – *Откуда?* – *От верблюда*.

² См. его <https://www.livelib.ru/book/3674/readpart-mysli-dmitrij-prigov/~23>

Будут описаны особенности «коммуникативного бумеранга» (Н.Д. Арутюнова), его функции в диалогической речи и ситуации его употребления.

*Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/> The reported study is funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Брагина Наталья Георгиевна
д.ф.н., профессор
профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина / профессор кафедры русского языка Института лингвистики, РГГУ

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова (Москва)

«Темные аллеи» крестьянской любви (диалектные тексты)

Всё проходит, да не всё забывается.
И.А.Бунин

Полевые исследования, которые ведет отдел диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН, дают нам в руки обширный текстовый материал по говорам Европейской части России. Это прежде всего записи нарративов: автобиографий, случаев из жизни, драматических или забавных историй, фольклора. Диалектная речь имеет много общего с обиходно-бытовой разговорной речью горожан, но есть в ней, помимо лингвистических особенностей, отличия ментального характера, связанные с особым взглядом на мир деревенских жителей, с иной шкалой ценностей, со специфическими поведенческими стереотипами и внутренними установками, что особенно ярко проявляется у представителей старшего поколения.

Обычно диалектологи в качестве респондентов выбирают пожилых женщин – хранительниц традиционного говора, поэтому в записанных текстах в первую очередь фигурируют рассказы о трудно прожитой жизни, военном лихолетье, голодном детстве, семье, а рассказы о любви встречаются значительно реже, это маргинальная тема в диалектных повествованиях. В крестьянской среде замужество не всегда было связано с чувствами, чаще – с житейской необходимостью: желанием уйти от родителей, стремлением мачехи избавиться от падчерицы, поиском лучшей жизни. Но и когда брак скреплен любовью, крестьянская сдержанность не всегда позволяет рассказывать об этом чужому человеку, вот почему так ценны нарративы о любви.

Рассмотрим несколько любовных сюжетов, некоторые из них имеют аналоги в литературе. История 1. Бегство жениха через окно. Приведем фрагмент монолога В. И. Маряевой (1931 г. р., Нижегородская обл.). Полностью этот рассказ, как и рассказ истории 2, опубликован в [1]:

Я первый раз выходила замуж, но с тем не пошла у нас жизнь, только один месяц прожили. Так получилось – троюродная сестра у меня его отбила. Она с ним гуляла по-плохому, забеременела, а со мной он гулял по-хорошему. Председатель приходил, потом агроном приходил сватами. Меня пропили, а она бегала вокруг дома нашего, кулдовала. И он у меня вот в это окошко выпрыгнул, когда мы пошли спать. Он ушел вперёд меня, я гляжу: батюшки! Окошко раскрыто, а его нет. Я говорю: "Его нету! Он убежал, он убежал к ней!"...

Но в отличие от литературного сюжета здесь есть любовная магия: она бегала вокруг дома нашего, кулдовала. В диалектных рассказах о любви, как правило,

присутствует тема колдовства, ворожбы, порчи, что является отражением архаического сознания, сохраняющегося до сих пор в деревенском социуме.

История 2. Моя любой ценой! (Так не доставайся ж ты никому! «Бесприданница») Это драматический рассказ о замужестве Л.Д. Морозовой (1925 г. р., Вологодская обл.): парень, ее любивший, сначала столкнулся с плотины, где она гуляла с другим, и девушка едва не утонула, а потом чуть не лишил руки.

И он пришёл в нашу бригаду пилить, и он мне хотел отрезать руку, да. Вот, и он как включил вот <...> эту пилу, у меня стало захватывать подол-то платья-то в пилу. <...> Говорят ему, что же ты хотел, Павел, сделать, ты же ей [её] искалечил, ты такую девицу хотел искалечить. А он: «А хоть бы ни за кого не вышла, и без руки бы была, а моя была». Вот так за его и вышла.

История 3. Любовь благородного к крестьянке. Из рассказа А.И. Антоновой (1902 г. р., Нижегородская обл.), полностью см. [2]:

Князь Трубецкой ехал из Горького, и на колодце девушка воду катает [достаёт]. Этот барин пить захотел, выпрыгнул из калитки, подбегает к колодцу: «Девушка! Угостите водичкой!» Она: «Пожалуйста!» – «А как вас звать?» – Она говорит: «Василисой». – «Ой, бляха-муха, какое имя-то красивоё». Записал [запомнил] эту Василису. Стал называть Васса, Васса Владимировна. Взял он женился на ёй. Князя раскурóчили: не имейшь права деревенскую взять. Из князей выгнали.

Рассказ-апокриф соответствует реальным событиям и является пересказом истории, слышанной от очевидцев, т.е. передается из поколения в поколение.

В докладе предполагается более подробно рассмотреть эти и другие сюжеты о крестьянской любви, их структурные и жанровые особенности.

Литература

1. Русская деревня в рассказах её жителей / Под ред. Л. Л. Касаткина. – М.: 2009.
2. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина / Отв. ред. О.Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. М.–Саратов, 2015.

Букринская Ирина Анатольевна
снс, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

Кармакова Ольга Евгеньевна
кфн, внс, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е.В. Валеева (Арзамас)

Женщина – маньяк в романе П. Акройда «Процесс Элизабет Кри»

Главная героиня романа П. Акройда – Элизабет, женщина-маньяк, отравившая своего мужа крысиным ядом и совершившая ряд жестоких убийств (хотя читатель ни в чем не может быть уверен). С ее казни начинается повествование, которое строится как серия вопросов и ответов, в виде дневника ее мужа, в котором тот якобы рассказывает о совершенных им преступлениях. Лишь на последних страницах романа мы узнаем, что Лиззи с Болотной улицы сама устраивала кровавые оргии, а дневник сочинила от имени мужа, чтобы его выставить злодеем, от которого она будто бы спасла мир. Лиззи с Болотной улицы будет устраивать собственные кровавые «спектакли» после неудачной постановки «Перекрестка беды» – пьесы ее мужа, которую Элизабет закончит за месяц и сыграет в ней главную роль, конечно, в тайне от мужа. Но зрители превратили трагедию в

фарс. Она будет мучительно переживать собственное унижение. И тогда и начнет неожиданно появляться загадочный Голем.

Главная героиня (Лиззи с Болотной улицы – актриса в мюзикл-холле, Элизабет Кри – примерная жена Джона Кри) – романтическая личность, артистичная натура, находящаяся в разладе с окружающей действительностью. Убийство для Элизабет – это разрешение конфликта творческой личности с миром. Было время, когда Лиззи очень волновалась, когда в театре ей предложили впервые сыграть на сцене роль убийцы.

Анализ жизни Элизабет Кри, скромной жены, талантливой актрисы Лиззи и искусственно созданного существа Голема, проецируется на визуальное поле через судебный процесс, подавление собственной субъективности, вместе с этим рождается овеществление и объективирование стадий творческого процесса вхождения в роль, драматичной биографии актрисы, важнейших экзистенциальных проблем ее сознания и судьбы. Женщина сегодня, что как раз и демонстрирует роман Акройда, возвысилась над мужчинами, отдалилась от них, потребовала жертвенных «ритуалов», исполнение которых придает этим трансформированным существам особый духовный статус и щемящее чувство утраты. Даже ее решение написать дневник от лица мужа – это маленький спектакль, это еще одна попытка продемонстрировать его слабость.

Источник

1. Акройд П. Процесс Элизабет Кри // Иностранная литература, 1997, № 5

Валеева Елена Викторовна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
Историко-филологического факультета,
Арзамасского филиала Нижегородского
государственного университета им. Н.И. Лобачевского

А.М. Введенский (Санкт-Петербург)

Маргинальная надпись-граффито и ее литературная параллель

Знаменитая надпись в новгородском соборе Спаса на Нередице, написанная в две строки («не по у се чь / пя су» в XIII в.), привлекает внимание туристов, которые пытаются разгадать смысл данной надписи. В надписи записаны подряд названия дней недели, сокращенные до первой гласной, поэтому «вторник» обозначен буквой *у*. Сходная запись была найдена и в Софийском соборе Новгорода. Буквы, обозначающие дни недели, расположены там в виде креста и обведены в рамку: по вертикали *птвсч*, а по горизонтали слева от *в* написано *п*, а справа – *с*. Таким образом, в этой надписи сокращение шло лишь по первым буквам. Вписывание в крест начальных букв дней недели можно трактовать как просьбу к Богу о защите, которую христианин желает получать ежедневно. На наш взгляд, надпись в Спаса на Нередице следует трактовать схожим образом, как просьбу о защите во все дни недельного цикла.

В современной России люди привыкли сокращать названия дней недели тоже до двух букв, но эти буквы – две первые согласные в слове.

Удивительным образом, к новгородской надписи в Спаса на Нередице находится точная литературная параллель из XX века. В своем романе «Пнин», В. В. Набоков, объясняя почему герой не празднует свой день рождения, пишет: «...and partly because during the academic year he existed mainly on **motuweth frisas** basis». Сергей Ильин в своем переводе «разрушил» эту прекрасную конструкцию, переведя: «Он жил в основном от понедельника до пятницы». А вот в переводе Геннадия Барабтарло перевод «побуквенный» – «его жизнь главным образом следовала ритму **«повтосрече – пясувос»**».

В. В. Набоков, как и неизвестный по имени новгородец XIII в., использовал первые две буквы в названиях дней недели. Любопытно, что несмотря на то, что Набоков начал отсчет с понедельника, он разбил фразу на два «слова». Точно так же сделал и новгородец, начав новую строку с обозначения пятницы.

Безусловно, учитывая данную литературную параллель, которая, как можно убедиться, введя данную фразу в любой интернет-поисковик, является уникальной, следует говорить о «странном сближении» мыслей двух людей, живших в разное время, но нашедших одинаковую форму для выражения цикличности жизни.

Введенский Антон Михайлович,
старший преподаватель НИУ ВШЭ,
научный сотрудник СПб ИИ РАН

О.А. Верещагин (Саров)

Конструктивистская философия и ее мировоззренческие и методологические основания

Дискуссия о статусе конструктивистской философии (методологии) в общем концептуальном пространстве современной эпистемологии представляет собой некий локальный сюжет из истории идей постнеклассической философии науки, который, тем не менее, вписывается в единый контекст сегодняшних рассуждений и рефлексий о природе и сущности человеческого знания. Безусловно, существует несколько общих мест, традиционных сложившихся интерпретаций в понимании указанного эпистемического феномена. Как правило, конструктивистский проект, в той ее части, которая поименована академической наукой термином «радикальный конструктивизм», соотносится с интенциями и интуициями антиреализма и антирепрезентационизма.

Специально делается акцент на том, что философско-методологический конструктивизм, имеющий глубокую идейно-философскую предысторию, в своей нынешней версии предельно радикализуется, последовательно реализуя «антиреалистскую программу, и «критикуя и отвергая любые трактовки знания как отображения реальной действительности» [1, с. 142]. Необходимо подчеркнуть, что речь все-таки идет о разных смысловых проекциях конструктивистской методологии, о разных «конструктивизмах», в их очевидной стилевой сопряженности и содержательной вариативности. То есть существуют как общие интенции и принципы конструктивистского дискурса, так и различные его теоретические экспликации, определяемые характером и свойством конкретной исследовательской задачи или предметной области. Фиксируемые distinctions в конструктивистской метатеории не отменяют того общего интегративного основания, на котором строится соответствующий набор релевантных суждений, в частности утверждение о том, «что любое знание конструируется субъектом» [2], в качестве которого может выступать отдельный наблюдатель, живой организм или когнитивная аутопоэтическая система.

В указанной связи, корректнее и правильнее было бы не ограничивать конструктивизм рамками целостной философско-методологической программы, а представить его в статусе влиятельного интеллектуального движения или научно-философского дискурса, сформированного в широком междисциплинарном пространстве современного естествознания и социогуманитаристики.

Таким образом, конструктивистский дискурс зарождался и выкристаллизовывался как результат совместных интеллектуальных усилий естествоиспытателей и

гуманитариев, приобретая общефилософскую значимость и определенность лишь в своих наиболее зрелых и ретроспективных формах.

Базовые интуиции конструктивизма рассредоточены не только в разных предметных областях, но и разбросаны в различных историко-культурных циклах становления философской мысли. Представляется, что мыслить «конструктивистски» является вполне традиционным способом философской рефлексии, своеобразным дискурсивным стилем или методологическим средством, прочно укорененным в интеллектуальных практиках прошлого и настоящего.

Простая апелляция, а также прямое обращение к современным первоисточникам концептуализации и теоретического оформления конструктивистских идей сразу же снимает вопрос о беспочвенности и радикализме указанного междисциплинарного направления как в мировоззренческом, так и методологическом плане.

Общеизвестно, что нынешняя реактуализация конструктивистской философии (методологемы) связана с творчеством американо-австрийского психолога П. Вацлавика и его наиболее ранней монографии, посвященной теме «конструирования реальности» [3]. Идея Вацлавика о создании и перевоссоздании реальности в коммуникативном акте («общение создает то, что мы называем реальностью») может показаться странным утверждением лишь для тех, кто по идейно-мировоззренческим или методологическим соображениям не приемлет гипотезу многомерности реальности, многослойности ее структуры, и поэтому в той же степени сторонится очевидного факта существования множества различных версий реальности, которые противоречат друг другу, но в любом случае являются результатом общения, а не репрезентацией объективных онтологических констант и незыблемых истин.

В этом смысле – тесная связь между реальностью и коммуникацией, это действительно лишь относительно новая идея, которая вызывает недоумение только у тех, кто мыслит чересчур онтологически, оказываясь неспособным воспринять максимум гносеологизации философского мышления и оценивает все происходящее в категориях форсированной и радикальной деонтологизации.

Феноменологическая, и отчасти прагматическая философская оптика ставит вопрос иначе, допуская онтологию лишь в ее доктринальных рамках и смещая акцент на исследование наиболее актуальных проблемы адаптируемости и выживаемости природы, социума и человека. Как неоднократно повторяет Э. Глазерсфельд, положения конструктивистской теории не носят характер онтологических утверждений, это просто эпистемологическая интерпретация природы человеческого знания, которое «независимо от того, как оно определяется, находится в головах людей», поэтому у мыслящего субъекта нет альтернативы, кроме как конструировать то, что он или она знает, на основе своего собственного опыта» [4, p.18]. Хотя так называемый «собственный опыт», из которого мы реконструируем альтернативные версии реальности, не существует и не может существовать вне контекста тех смысловых транзакций и интеракций, которые его результируют и формируют.

В этой связи можно согласиться Н. Винером, утверждавшим, что мир действительно «можно рассматривать как множество сообщений, к которым он может относиться» [4, p 18]. Мир, воспроизводимый на уровне наших образов и представлений, это, по сути, эпифеномен знаниевых и информационных коммуникаций, то есть те самые сообщения, которые призваны интегрировать и преобразовать наш совокупный познавательный опыт в систему аутентичных моделей репрезентации. Представляется, что подобные теоретические выводы и суждения конструктивистов оказываются релевантны сегодняшней мировоззренческой повестке «информационного общества» и в значительной степени коррелятивны и комплементарны относительно принципов и стандартов постнеклассической науки.

1. Филатов В.П., Касавин И. Т., Антоновский А. Ю., Рузавин Г. И. Обсуждаем о конструктивизме // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2009. Т. XX. № 2. С. 142-156
2. Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания. – Мюнхен: Phren 2000. 333с.
3. Glaserfeld E. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. // *Studies in Mathematics Education Series: 6*. London ; Washington, D.C. : Falmer Press, 1995. 231p.
4. Watzlawick P. How Real Is Real? Vintage Books. N.Y.: Vintage Books .1977. 266p.

Верещагин Олег Александрович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, обществознания и права
историко-филологического факультета Арзамасского филиала ННГУ

А. Ю. Виноградов (Москва)

Митрополит Ефрем Киевский (1052–?) — первый религиовед и этнограф на Руси

Обнаруженное И. С. Чичуровым в каноническо-полемическом сборнике Vat. gr. 828 «Написание, данное Ефремом, боголюбивейшим митрополитом России, для посрамления совершаемого латинянами вопреки [обычаю], господствующему в нашей святой, Божьей, соборной и апостольской Церкви из евангельских и отеческих преданий» оказалось недооценено в науке. Частично повторяя обвинения латинян, имеющиеся в письме патриарха Михаила Кирулария (Filioque, служение на опресноках, пост в субботу, изменение норм великопостного цикла и целибат духовенства, нарушение поста монахами, отклонения в чине Крещения, участие духовенства в военных действиях, ношение епископами колец, непочитание икон, недопустимые браки) оно значительно расширяет список латинских «вин».

Расширение это сделано на основе «религиоведческо-этнографических» наблюдений, отмечающих детали церковной жизни в странах латинской Европы, от Рима и Италии до сопредельных с Русью Польши и Скандинавии. Ефрем первым из восточно-христианских авторов сообщает о таких практиках, как принятие римлянами служения на опресноках от немцев, пост в пятницу и субботу на Господские праздники, разная длина Великого поста в разных латинских странах, изображение и целование креста на полу церкви, вкушение мертвечины, крови и мяса медведя, бобра и шакала, мясоедение у епископов и больных монахов, частичная отмена поста в Великий Четверг и, для детей, в воскресенье Великого поста, почитание скульптурных Распятый вместо икон, именование Богородицы святой Марией, общедоступность алтаря и синтрона, разноцветные шелковые облачения, помазание крещаемого слюной, конфирмация, наречение крещаемых именами животных, крестное знамение пятью пальцами и большим пальцем, непение аллилуйя Великим постом, богослужение только на трех языках, долгое непогребение епископов вкупе с затыканием срамных удов воском и вытягиванием рук у всех покойников, многократное служение литургии в один день в одном храме. Притом в некоторых случаях (конфирмация, бальзамирование с использованием воска, простираие на полу церкви) Ефрем одним из первых или даже вообще первым в истории сообщает о таких западных обычаях.

Благодаря всем этим наблюдениям Ефрем значительно расширил взгляд Востока на количество латинских «вин», и неудивительно, что его «Написание» стало одной из основ для почти всей последующей традиции таких списков. С одной стороны, его текст был использован во всех древнерусских антилатинских произведениях, надписанных именами последующих русских митрополитов второй половины XI — начала XII в.: Георгия,

Иоанна II и Никифора Киевских и Леона Переяславского, а также в «Слове о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского и в «беседе философа» из «Повести временных лет», т.е., по сути, во всем корпусе домонгольской антилатинской литературы. С другой стороны, все греческие списки латинских «вин», содержащие новации «Написания», датируются временем не ранее конца XI в. и явно восходят к нему, напрямую или опосредованно.

Виноградов Андрей Юрьевич,
д.ф.н., профессор Школы исторических наук НИУ ВШЭ

Д.Г. Вирен (Москва)

Дебютанты и бунтари в польском кино 1970-х годов

Польский кинематограф 1970-х годов в отечественной науке традиционно ассоциируется с направлением «морального беспокойства», которое в определенный момент действительно стало доминирующей линией национального киноискусства. Тем не менее не стоит забывать, что это произошло ближе к концу десятилетия, и социально-политическими высказываниями поиски кинематографистов в те годы не исчерпывались. Истоки «морального беспокойства» исследователи находят еще на рубеже 1960-1970-х, но тогда же появился целый ряд картин, которые с трудом вписываются в эту концепцию.

Польское кино данного десятилетия отличается удивительным разнообразием жанровой палитры: комедия, психологическая драма, мелодрама, ретро... Целая плеяда замечательных режиссеров работала в известном смысле параллельно основным тенденциям, активизируя поэтические возможности кинематографа – среди них в первую очередь нужно назвать Войчеха Хаса, Януша Маевского, Тадеуша Конвицкого. Некоторые из них (например, Хас) вполне открыто выражали весьма неприязненное отношение к кино, снимавшемуся на злобу дня, и отстаивали право художника на свободное творчество безотносительно текущих реалий.

Пожалуй, особенно интересны в этом контексте дебютные фильмы, возникшие в начале 1970-х годов. В польской киноведческой традиции, вслед за выдающимся историком Тадеушем Любельским, их принято относить к направлению «кино „Молодой культуры”». Это был удивительный момент в истории киноискусства Польши, потому что буквально в течение нескольких лет заявили о себе многие неординарные авторы. Их судьбы впоследствии сложились очень по-разному. Марек Пивовский («Рейс», 1970) так и не смог снять ничего лучше дебюта, ставшего на родине культовым; Анджей Жулавский («Третья часть ночи», 1971) был вынужден эмигрировать после запрета второй картины; Гжегож Круликевич («Навылет», 1972) на протяжении всей жизни воспринимался как *enfant terrible* польского кино; Эдвард Жебровский («Спасение», 1972) остался в истории преимущественно благодаря сотрудничеству с Кшиштофом Занусси; Антоний Краузе («Перст Божий», 1972) просто оказался в тени более успешных коллег...

Доклад будет посвящен проблеме дебютного фильма в контексте поисковых процессов, расширяющих художественные границы кино в Польше 1970-х годов. Перечисленные ленты было бы несправедливо называть маргинальными, но и главными для этого десятилетия они не стали. Сегодня представляется необходимым уточнить их место, значение и актуальность для польского кинематографа. Эта задача согласуется с общемировой тенденцией, заключающейся в необходимости постоянного обновления канона, переопределения центральных и периферийных явлений, ведь в зависимости от

состояния культуры сегодняшнего дня неизбежно меняется оптика рассмотрения прошлого.

Вирен Денис Георгиевич,
кандидат философских наук,
заведующий сектором современного искусства Запада
Государственного института искусствознания,
старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

В.А. Воробьев (Москва)

Студенческая песня XX века: фольклорные переработки стихотворений К. Симонова

Предметом моего доклада будут две студенческие песни, созданные на основе стихотворений К.М. Симонова – «В первые минуты...» и «Убей его». Фольклоризация русской поэзии – широко распространенное явление, перечень фольклоризуемых поэтов велик. В начале XIX века известны случаи переработки стихов Ломоносова, Буниной и еще нескольких поэтов XVIII столетия. В более позднее время (с середины XIX века и дальше) процессы переработки русской поэзии только набирают обороты, это касается текстов Веневитинова, Жуковского, Полонского и многих других авторов, творивших в XIX столетии. В XX веке по отношению к русской поэзии активнее бытует форма полноценной переделки текста, которая впоследствии фольклоризуется уже как самостоятельный текст. Переделанные тексты были широко распространены и в песенных практиках студентов в XX веке.

В докладе я остановлюсь на феномене традирования двух текстов К. Симонова в студенческой среде. Рассмотрю прежде всего переделку «Корреспондентской застольной», первоначальную «студенческую» версию которой, вероятно, написал Владлен Бахнов, а в дальнейшем она продолжила активное самостоятельное бытование. Песня распространяется во множестве вариантов, обрастает дополнительными куплетами (в том числе контаминируется с другой студенческой песней XX века), обретает отдельную жизнь в качестве цитат. Содержательно песня во многом пародирует сюжет поэтапного шестидневного творения мира и «обосновывает» происхождение студентов. Многочисленные варианты включают факты студенческого быта: распределение студентов после выпуска, отсутствие тяги к обучению, поступление в аспирантуру и др.

Второй случай переработки текста Симонова не обрел такую широкую популярность и бытовал в довольно ограниченном кругу – на Восточном факультете Ленинградского университета. Это переделка стихотворения Симонова, которое в ряде публикаций называется «Убей его», автором переработки предположительно была З.Н. Ворожейкина. Бытование текста в поздних случаях снова сокращается до цитирования фрагментов. В этом смысле судьба текстов схожа – их путь начинается с полноценной переработки авторского текста, а заканчивается знанием цитат у более поздних поколений студентов.

Переработка именно этих текстов и их содержательное наполнение представляются мне обоснованными. Песня «В первые минуты...» вписывается в ряд студенческих песен, которые являются фактом пародирования религиозных текстов. Фольклоризация стихотворения «Убей его» могла быть попыткой маргинализации официальных текстов, какими являлись и стихи К. Симонова. Факты подобных переделок в высшей степени характерны для студенческих песен XX века, хотя чаще обрабатывались именно популярные и официальные песни, а не стихотворения.

И.В. Галактионова (Москва)

Вот таков у меня муж: кран течет уже целый месяц! (об иллюстративном материале в лингвистических текстах)

Очевидно, что никакое лингвистическое исследование не может обойтись без языкового материала. В каких-то случаях достаточно перечислить слова или морфемы, но работы по семантике и грамматике – морфологии и особенно синтаксису – требуют приведения контекстов употребления языковых единиц. Все уважающие себя словари дают примеры употребления слов. Разнообразные учебники и пособия по русскому языку, включая справочники по пунктуации, также должны содержать иллюстративный материал.

Существует два типа иллюстративных материалов – это *речения* и *цитаты*. Первые составляет сам лингвист, возможно – на основе примеров, извлеченных из текстов; речения могут представлять собой как словосочетания, так и предложения (сюда же можно отнести искусственные конструкции типа известной *глокой куздры* Л. В. Щербы). Вторые извлекаются из различных источников – из художественной литературы, из публицистики, из газет – и снабжаются указанием на этот источник. И тот и другой тип могут быть представлены «отрицательным» языковым материалом, на важности учета которого настаивал тот же Л. В. Щерба.

Методические принципы отбора иллюстративного материала для учебников по русскому языку становятся темой диссертационных исследований. Принципами же отбора такого материала для лингвистических работ вряд ли кто-то занимался. Требования к иллюстрациям можно найти в инструкциях по составлению словарей, они обычно носят довольно общий характер. Например, в Инструкции по составлению словарных статей Активного словаря русского языка, написанной Ю. Д. Апресяном, по поводу подбора материала для зоны «Иллюстрации» сказано следующее: «Иллюстрации из литературы имеют целью показать разнообразные возможности и условия употребления лексем, не выходящие за пределы литературной нормы. Предпочитаются не слишком длинные тексты (не более двух-трех строк) современных авторов. Возможны иллюстрации из классики, однако при условии, что цитируемый текст соответствует современной литературной норме».

В докладе предполагается рассмотреть некоторые лингвистические сочинения, написанные на русском языке и на материале русского языка, с точки зрения предпочтения в них иллюстративного материала в виде речений или, напротив, в виде цитат, а также с точки зрения отражения в каждом из используемых типов иллюстративных материалов «образа автора». Материалом послужат коллективные научные работы («Русская грамматика» 1980 года, изданная в Москве, и «Русская грамматика» 1979 года, изданная в Праге), индивидуальные монографии (работы И. А. Мельчука и А. Мустайоки), учебные тексты (учебник «Русский язык» для 5 класса под ред. М. В. Панова и учебник для вузов «Современный русский язык» под ред. В. А. Белошапковой), а также, возможно, и другие работы.

В заглавие вынесено речение, представленное в одном из упомянутых текстов.

Э.Л. Гептинг (Великий Новгород)

«Позерья-то теперь и нету»: Ильменское Поозерье – смерть или трансформация?

Ильменское Поозерье – микрорегион, который, несмотря на свои малые размеры, сыграл значительную роль в новгородской истории, был самой населённой и экономически развитой территорией в окрестностях Новгорода. Изучению этой исторической местности и её жителей, поозёров, посвящены работы исследователей и писателей XIX-XX вв.

В XXI веке экскурсоводы рассказывают туристам о Поозерье, используя в речи исключительно прошедшее время. А от новгородского краеведа можно услышать: «Я еще с бабками, родившимися в 19 веке, общался! Сегодня там записывать уже нечего и некого!».

Итак, специалисты констатировали «смерть» Поозерья. Однако исследовательское любопытство оказалось сильнее распространенных суждений о свершившейся «смерти сообщества». Начатое в 2020 году изучение Ильменского Поозерья, в частности, локальной идентичности его жителей, было вызвано представлением о наличии некой «умирающей культуры», «уходящей традиции», «исчезающего говора», которые ещё можно успеть уловить, зафиксировать, сохранить. Краевед оказался не прав: в Поозерье и сегодня удается записать интересные сюжеты, причем на диалекте! За три полевых сезона было опрошено более 30 человек (конечно, не в XIX веке родившихся, но кто сказал, что их информация менее ценная?), среди которых – немало консервативных носителей местного говора. В ходе исследования было выявлено, что локальная идентичность у опрошенных жителей Поозерья присутствует в достаточно выраженном виде и проявляется через идентификацию с местом рождения, с местным говором, с чертами коллективного поведения и т.п. Информанты называют себя поозёрами и чётко осознают принадлежность к своей местности.

И в то же время краевед оказался прав. В воспоминаниях самих местных жителей присутствует представление о Поозерье как о чем-то навсегда утраченном: *«Дак вот теперь Позерья-то, Поозерья-то, оно ушло, Позерья-то теперь и нету. В том концы, там никова нету... Умёрло, умёрло, все-все умёрли...»* (1928 г.р., д. Неронов Бор). Ср.: *«У нас веселье было раньше. В Успенъё праздники были. Как было народу-то много! Этых молодежи-то с гармошкой! Как по деревне прйдут с песней! Ох! А теперь что? Теперь и праздники вси дома посидя вот так, поью чайку, да поедя, да и всё. А раньше как гулянки были! Ооо! А теперь всё забыто»* (1935 г.р., д. Яровицы). Ср.: *«Раньше-то весело было. А теперь выйдешь с дому – никомушки не выдааать! Ой, это прямо с ума сойтить, что такое! Ой-ой-ой!»* (1933 г.р., д. Еруново).

В действительности само существование подобных общих сюжетов демонстрирует, что сообщество существует, хотя и кажется исчезнувшим для местных жителей. Посредством ностальгии фрагментированные сообщества представляются целостными и едиными: «ностальгия становится способом создания связей» [Savage et al. 2010: 117] и формирует сюжеты о принадлежности, в основе которых лежит конкретное место. Например, некоторые поозёры, переехавшие в город, продолжают собираться вместе, чтобы «сохранить эмоционально устойчивое ощущение места и идентичности в городе»

[Блокланд 2023: 41]: *«Щас с подружками собираемся, начнём вспоминать вот эти старые песни. Вчера вот только собирались, посидели, повспоминали, попели... И с сестрой отношения поддерживаем, посидим-поокаем, песни поём. Да, всё это уходит»* (1955 г.р).

Практика ностальгирования о тех временах, когда Поозерье еще «было живо» демонстрируют, что сообщество не умерло, а трансформировалось, ведь «ностальгия и сообщество идут рука об руку, поскольку ностальгия придаёт смысл актуальным переживаниям самости и идентичности» [Блокланд 2023: 12].

Литература

1. Блокланд Т. Сообщество как городская практика/ Талья Блокланд: пер.с англ. Н.Проценко. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 232 с.
2. Savage M., Allen C., Atkinson R.G. et al. (2010) Focus Article // Housing, Theory and Society. № 27 (2). P. 115-161.

Эльвира Львовна Гептинг,
кандидат филологических наук,
Новгородский Государственный Университет имени Ярослава Мудрого;
НОЦ «Гуманитарная Урбанистика», ведущий научный сотрудник.

Р.А. Гоголев (Нижний Новгород – Москва)

Другой Шаляпин: бесславная судьба племянника знаменитого певца

В 2023 году исполнилось 150 лет со дня рождения великого Федора Ивановича Шаляпина (1873-1938). Сегодня по всему миру есть улицы и проспекты, носящие его имя, воздвигаются памятники, открываются музеи и учреждения культуры, посвященные певцу. Может даже сложиться впечатление, что отношения с Родиной у Шаляпина складывались безоблачно, а могила на Новодевичьем кладбище служит тому лучшим подтверждением.

Однако отъезд Шаляпина из Советской России в 1921 году и нежелание возвращаться обратно сделали его на многие десятилетия персоной non grata. Более того, связи с Шаляпиным могли быть стать основанием для репрессий со стороны государства. Так случилось и с родным племянником артиста – Игорем Васильевичем Шаляпиным (1904-1981). Противоречивость ситуации состоит и в том, что первая семья Шаляпина оставалась невредимой и проживала в СССР до начала 1960-х гг., когда первая жена – И.И.Торнаги с детьми (кроме Ирины Федоровны) покинула страну.

Игорь Шаляпин родился в семье младшего брата певца – Василия Ивановича (1884-1920), служившего в тот момент фельдшером в городе Ветлуга Костромской (ныне Нижегородской губернии). Своё имя мальчик получил в честь умершего незадолго до этого первенца Ф.И.Шаляпина – Игоря (1899-1903). Вероятно, таким образом Василий старался не только поддержать старшего брата, но и выразить благодарность за помощь и внимание. Впрочем, возможно, это была и попытка наладить отношения в семье, которые между братьями были небезоблачные. Актриса И.Ф.Бакшеева (1900-1978) – старшая дочь Федора Ивановича, распорядившаяся его архивом, сделала приписку на единственном, сохранившемся письме Василия к старшему брату: «на все доброе, ему сделанное, ответил недостойными поступками: пьянством и даже нечестным поведением».

Характерно, что хронический алкоголизм и вызванное им девиантное поведение, в соответствии с представлениями эпохи, опознаются не как болезнь, а как нравственное несовершенство. Между тем отмечается, что В.И.Шаляпин не только отправился медиком

на I Мировую войну, но скончался при исполнении врачебного долга – сражаясь с эпидемией сыпного тифа в Ветлуге в 1920 г.

После смерти В.И.Шаляпина его сын Игорь был принят на воспитание в семью Шаляпиных. С некоторыми перерывами он воспитывается в семье знаменитого дяди с 1920 по 1930 г. в его доме на Новинском бульваре. Несмотря на отъезд за границу, Ф.И.Шаляпин продолжал содержать первую семью и переводить деньги вдове брата – А.А.Шаляпиной. Очевидно, что юноша был трудным подростком, но этим не исчерпывались его странности. Их объясняли испорченностью характера, что, однако, не отменяет психоневрологического заболевания, которое было диагностировано в 1928 году, о чем он сам сообщает в письме к А.М.Горькому. Особенности психического склада сначала сделали его изгоем в обществе – с большим трудом, по возвращении в Ветлугу ему удалось устроиться тапером в кинотеатр. Но и тут его психические особенности вызвали отчуждение – его обвиняли в контрреволюционных настроениях, связях с покинувшим родину буржуазным элементом Ф.И.Шаляпиным и даже в получении от него из-за границы инструкций и средств для проведения подрывной, антиколхозной деятельности. В 1934 году шельмование достигло своего пика – 24 декабря он был лишен избирательных прав и уволен с работы. Вероятно, письмо к А.М.Горькому, где И.В.Шаляпин просит помощи «не ради дяди, а ради правосудия», просто не попало к адресату.

Дальнейшая судьба его сложилась драматически. В 1937 году он был репрессирован и первый срок до 1942 года провел в Воркуте. Однако в том же году он был снова репрессирован и пробыл в заключении до конца 1958 года. После освобождения из тюрьмы И.В.Шаляпин вернулся в родной город с инвалидностью (получил увечье в заключении) и оставшуюся жизнь прожил в одиночестве, давая уроки музыки и постоянно посещая церковь.

Все его попытки связаться с родными после многолетней разлуки остались тщетными. Двоюродной сестре И.В.Шаляпин написал 4 письма: первое еще из мест заключения в июне 1958 г. В каждом письме он просит прощения за нанесенные обиды, сообщает о своей судьбе и здоровье. На обороте конверта последнего письма, датированного апрелем 1961 г., рукой И.Ф.Бакшеевой значится: «не отвечать»...

Незадолго до своей смерти, последовавшей в 1981 году, И.В.Шаляпин подарил музыкальной школе родного города Ветлуга свой рояль. При этом он попросил, чтобы каждая ножка инструмента стояла на стеклянном шарике, дескать, именно так было в доме дяди – Федора Ивановича на Новинском бульваре.

Биография Игоря Васильевича Шаляпина раскрывает трагедию человека, проживающего свою жизнь на границе безумия и нормальности (в общепринятом понимании этих понятий). Потеря отца в подростковом возрасте, переезд в столичную Москву в высшее общество со своим укладом и, наконец, новая семья, которая столкнулась сразу и с ментальными особенностями провинциального родственника, и с переходным возрастом. Вероятно, одно с другим входило в резонанс, чем и объясняется экстравагантное поведение юноши. По этой же причине он, вероятно, не смог построить отношений, которые бы привели к созданию семьи. Возвращение на родину принесло ему только горечь и разочарование. Земляки тоже не приняли его инаковости. Сказалось воспитание и привитые в семье Шаляпиных манеры, а также своеобразные иронические музыкальные комментарии к немым фильмам, которыми он прославился во время работы в кинотеатре. Все это привело к стигматизации его как «несоветского человека». Общественный остракизм, в свою очередь, сделал его беспомощным и перед государственной репрессивной машиной. Два десятилетия, которые провел И.В.Шаляпин в заключении, не смягчило отношения к нему знатных родственников. Понятно, что контакты с репрессированными по политическим статьям не приветствовались (реабилитация произошла только в 1989 г.), да и И.И.Торнаги в тот момент собиралась с детьми покинуть СССР. Однако есть основания считать, что более вероятной причиной

было именно отсутствие готовности принять в семью больного психически и физически человека. И в этом нельзя винить только Шаляпиных – советское общество было закрыто не только для людей с любой формой инвалидности. Отсутствие культуры принятия «другого» - в лице Шаляпина Игоря Васильевича - являлось характерной чертой политического режима, активно эксплуатировавшего образ чрезвычайно успешного и знаменитого Шаляпина Федора Ивановича...

Гоголев Роман Александрович,
к.филос.н., старший научный сотрудник
Института мировой литературы РАН

М.В. Головизнин (Москва)

Еще раз о мотивах письма Варлама Шаламова в редакцию Литературной газеты

В данном сообщении мы вернемся к драматическому вопросу о протестном письме Шаламова, связанном с неавторизованным выходом его рассказов в эмигрантских изданиях «Посев» и «Новый журнал», подключая к анализу некоторые документы из архива писателя. Сам автор в записных книжках в частности, указал: «К сожалению, я поздно узнал о всем этом зловещем «Посеве» — только 25 января 1972 года от редактора своей книги в «Советском писателе», а то бы поднял тревогу и год назад. При моей и без того трудной биографии только связи с эмигрантами мне не хватало». Эту фразу дополняет дневниковое свидетельство драматурга А.К. Гладкова, обсуждавшего с Шаламовым данную тему:

“28 февраля 1972. <...> еду к Шаламову. Он рассказывает мне историю своего письма в редакцию. Как я и думал, у него заблокировали книгу стихов в «Советском писателе» и цикл стихов в «Литгазете». При выяснении причин узнает, что всё упирается в Союз писателей. Он не член Союза. Разговор с Марковым — Мы вас примем, но вот вас всё печатают за рубежом. Мы знаем, что Вы сами не передаете, что это делается без разрешения, но напишите мне об этом, а я покажу это письмо в приемной комиссии <...> В.Т. написал, Марков передал письмо, выбросив обращение и один абзац в «Лит.газету». По-видимому, на основании этой дневниковой записи появилось суждение, что письмо Шаламова в редакцию Литгазеты, дескать, на деле адресовано ... чиновникам из приемной комиссии Союза, которых надо убедить, что «проблематика Колымских рассказов» снята жизнью», – точнее, так теперь думает Шаламов, соискатель членства в СП СССР”.

Анализ черновиков шаламовского письма в Литературную газету показывает, что дело обстояло сложнее и гораздо трагичнее. Если начать с деталей, то Г.М. Марков, первый секретарь правления СП СССР, был не единственным и не первым адресатом Шаламова в этом вопросе. В архиве Шаламова имеются черновики писем в адрес Н.В. Лесючевского, П.Н. Демичева, А.Б. Чаковского, Б.Н. Полевого, Г.М. Маркова, написанные 14-15 февраля 1972 года. Многочисленные авторские правки в черновиках и подборы формулировок исключают версию, что Шаламов направил в Литературную газету заранее заготовленный текст, написанный кем-то другим. Другой вопрос, почему Шаламов вообще начал диалог с властью предрержащими, от которых он вряд ли мог ожидать взаимопонимания. В этом отношении заслуживает внимание личное письмо Шаламова Борису Полевому, главному редактору журнала Юность, с которым у Шаламова сложились долгие деловые отношения. Касательно журнала «Посев» Шаламов

пишет: «Прошу Вас верить, что я никогда не вступал ни в какие контакты с издателями этого презренного антисоветского листка. *Как бы ни сложилась моя судьба*, я отдаю себе полный отчет о значении 20-го съезда партии в моей личной жизни и жизни всей страны. Проблемы Колымских рассказов сняты самой жизнью» (курсив наш, М.Г.). Еще более точно смысл «как бы ни сложилась моя судьба» выражен в черновом варианте письма в ЛГ, адресованном Г.М. Маркову: «...Зачем же им понадобился я в свои шестьдесят пять лет? *Для нового костра? Для нового судебного процесса?* <...> Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью <...> (Курсив наш, М.Г.). Нельзя не заметить, что в данном контексте фраза «проблематика Колымских рассказов давно снята жизнью» не имеет того мировоззренческого характера «отречения», какой ей придают некоторые комментаторы письма Шаламова. Она как минимум ситуативна и требует знака вопроса: либо новый судебный процесс, либо «проблематика снята жизнью». Смысл этой ситуативности был высказан нами ранее. Одним из побудительных факторов письма в «Литгазету» могла быть публикация в 1967 году шаламовского анонимного текста «Письмо старому другу», где автор, хотя и со знаком вопроса, но говорит о половинчатых «покаяниях» государства за сталинизм на XX и XXII съездах. Тем не менее, этот текст был признан антисоветским на суде над А. Гинзбургом и Ю. Галансковым – составителями «Белой книги» по делу А. Синявского и Ю. Даниеля, которым также инкриминировалась связь с «Посевом», мол, засылавшим в СССР свою нелегальную агентуру. Элементарный здравый смысл должен был подсказать Шаламову, что регулярное появление его рассказов в изданиях «Посева» может быть легко увязано с делом о «Белой книге», где находился и его авторский текст, и которая в силу не зависящих от него обстоятельств была издана в том же издательстве «Посев». Это в 1970-е годы было достаточно для полицейского преследования, которого 65-тилетний писатель вряд ли смог перенести. Единственно правильным решением в такой ситуации было превентивно, жестко и публично отмежеваться от «Посева». Возвращаясь к членству Шаламова в Союзе писателей, надо сказать, что в черновике обращения к Г. Маркову действительно есть преамбула «Я подал заявление в члены Союза писателей СССР и считаю себя обязанным обратиться к Вам по одному острому и важному вопросу», позже исключенная из текста письма, которая носит формальный характер и никак не представляет Шаламова деморализованным просителем.

Марк Васильевич Головизнин
К.м.н. доцент МГМСУ им. А.И.Евдокимова,
Член Совета Ассоциации медицинских антропологов

М.В. Головизнин (Москва)

«Вставная новелла» Варлама Шаламова. Что стоит за сюжетом текста

«Вставная новелла» - поздний рассказ Шаламова, впервые опубликованный в 1994 году, где автор в своей интерпретации пересказывает напряженный диалог со старым колымским товарищем Борисом Лесняком, происходивший более 20 лет назад. Данный эпизод беседы в Магаданском КГБ, но без последующего разговора с Шаламовым имеется и в воспоминаниях Б.Н. Лесняка в главе «Испытание страхом». И Шаламов и Лесняк во «Вставной новелле» выведены под вымышленными именами. В записных книжках Шаламова, однако, есть запись: «Десятого ноября 1971 года Лесняк, представитель «прогрессивного человечества» (ПЧ), ... принес весть, что его допрашивали в Магадане 15 мая 1971 года, следователь Тарасов, отобрали мои рассказы, некоторые из «К. Р.» я ему дал, и стихи мои, два сборника. Более всего следователей

обижал рассказ «Калигула».... Сюжет «Вставной новеллы» строится вокруг обстоятельств вызова Б.Н. Лесняка в магаданское отделение КГБ, где ему были предъявлены самиздатовские тексты, которые Лесняк получал по почте и передавал другим людям. Шаламовская оценка поведения Лесняка в рассказе подчеркнута негативна. Надо сказать, что публикация «Вставной новеллы» и ее обсуждение проходили на фоне скажем так, различной оценки личности и творчества Шаламова в воспоминаниях Б.Н. Лесняка («Мой Шаламов») и И.П. Сиротинской («Нет мемуаров, есть мемуаристы»). Негативная характеристика Б.Н. Лесняка поддерживается и биографом Шаламова В.В. Есиповым (В.В. Есипов. Шаламов. ЖЗЛ. 2012) где автор, имея в виду фразу шаламовского прототипа Горданова «Вот так ты и назвал мою фамилию» пишет, что Б.Н. Лесняк, дескать «откровенно заложил писателя, который давал ему читать свои «Колымские рассказы»

На наш взгляд мысль В.В. Есипова, что Лесняк «заложил» Шаламова, т.е. вскрыл авторство «Колымских рассказов» как минимум странная, т.к. из текста «Вставной новеллы» очевидно, что и их авторство и взаимоотношения Б.Н. Лесняка с Шаламовым для КГБ было хорошо известно заранее. Цель вызова Лесняка туда была совсем другой, что мы покажем ниже. Вот выдержка из диалога Лесняка с офицером КГБ видимо записанного Шаламовым по памяти со слов Лесняка: «Теперь перейдем ко второй части нашего знакомства. Вы ведь собираетесь лететь в отпуск? — Да, в последний годовой отпуск — Москву, конечно, будете проезжать? <...> — Вы, наверное, пользуетесь его личным доверием? <...> — Вот-вот. Только нам <..> нужно нечто более гражданственное. Например, где, когда, сколько договоров им подписано, цифры, даты, записывайте все, чтобы нам потом вас не проверять. Это — элементарно на вашем новом поприще. На что он живет? — На пенсию. — Сколько? — Семьдесят два рубля в месяц.— На эти деньги жить нельзя. Поэтому сугубое внимание, а мы его оформим сразу как тунеядца, если его годовой заработок, баланс, будет не в его пользу. Я считаю вас советским человеком, который сам отдаст в руки то, что, по его мнению, может представлять интерес для такого учреждения, как наше.». Данный диалог, точно отражает процесс вербовки Лесняка. Эзоповский язык магаданского функционера с учетом контекста 1971 года, когда сведения о зарубежных публикациях «Колымских рассказов» попали в поле зрения КГБ, не следует понимать буквально. Очевидно, что КГБ не интересовали ни договоры Шаламова с издательством «Советский писатель» ни его якобы тунеядство. Это не входило в задачи данного ведомства. Лесняку делался намек, что «договоры» и «дополнительные доходы» его товарища могут быть в виде гонораров за зарубежные издания, а документальные подтверждения таковых — основанием для привлечения по статье за незаконный оборот иностранной валюты, что предусматривало в СССР суровое наказание вплоть до высшей меры. Очевидно из диалога, что раз Лесняк, дескать пользуется полным доверием Шаламова, то ему, под тем или иным предлогом, не составит труда выявить наличие издательских контрактов, Шаламова, которые обошли официальные советские каналы. Эти мысли находят параллели со свидетельством Жан-Жака Мари — французского филолога, историка и публициста — первого переводчика «Колымских рассказов» на французский язык в 1969 году, который также переводил произведения А. Битова, И. Бродского и других. Мы знали, говорит Ж.Ж. Мари, что, во-первых, СССР не подписывал Бернскую конвенцию об авторских правах, во-вторых, то, что в Советском Союзе все издательские контракты идут только через госструктуры, а индивидуальное получение автором денег из-за границы может попасть под уголовное преследование за незаконный оборот валюты. Очень часто было, так, что авторы получали гонорары от зарубежных издательств спустя много лет после выхода их книг, уже после эмиграции из СССР.

Возвращаясь к сюжету «Вставной новеллы», нам представляется, *что приехав в Москву, Борис Лесняк поступил самым достойным образом: он пришел к Шаламову и рассказал ему все как есть, в подробностях о содержании своей беседы в магаданском КГБ.* (Курсив наш. МГ). А в ходе беседы к тому же выяснилось, что никаких контрактов,

кроме официальных, у Шаламова нет. Думается, что вследствие этого вербовка Лесняка была признана неперспективной. Нам представляется, что и сюжет и тональность «Вставной новеллы» могут быть правильно поняты только с учетом обстоятельств написания протестного письма Шаламова в Литературную газету. Хотя в рассказе дата беседы Шаламова и Лесняка обозначена 25.05.1972 года, по-видимому, встреча имела место в 1971 году, а сам рассказ был написан годом позже, уже после истории с письмом Шаламова в редакцию Литгазеты и негативных откликов на него со стороны «ПЧ». Этим объясняется тональность рассказа. Ранее мы задавали себе вопрос, почему Шаламов, протестуя против публикации своих текстах в «Посеве» не упомянул в письме переводы КР на немецкий и французский язык, вышедшие отдельными книгами в 1967-1969 годах. Оказывается, это не совсем так. В черновиках письма Шаламов указывает, «Мне стало известно, что несколько лет назад во Франции, в буржуазном издательстве Даниэль и в Западной Германии, в издательстве Миддельхауз вышли мои Колымские рассказы». Более того, в последний день перед выходом номера ЛГ от 23.02.72 г. Шаламов пытался дополнить текст своего письма, указав про переводы «Колымских рассказов» на Западе, которые «были написаны 15 лет назад и сданы в советские издательства более 10-ти лет назад». Фрагмент не вошел в опубликованный текст в ЛГ – либо по причине его опоздания к верстке номера, либо редакция не сочла необходимым привлекать излишнее внимание читателей к «Колымским рассказам», - «художественной прозе, не претендующей на документальность».

Марк Васильевич Головизнин
(см. выше)

О.В. Гордеева (Москва)

Границы психологического исследования околосмертного опыта

Околосмертный опыт (ОСО) – особое измененное состояние сознания, переживаемое в момент близости к смерти и характеризующееся появлением специфического паттерна психологических феноменов, или элементов ОСО (таких как обзор жизни, темный туннель, внетелесный опыт, видения иной реальности и др.), объединяемых сценарием «путешествия в иную реальность». ОСО является предметом исследования психологов, выясняющих его специфику в различных группах и культурах; материалом для анализа обычно являются данные самоотчетов (в рамках ретро- или проспективного методов), полученные при спонтанном описании респондентом пережитого в момент смерти или в ходе полуструктурированного интервью (когда задаются вопросы о наличии определенного феномена ОСО).

Один из основных вопросов психологического изучения ОСО – это проблема его детерминации, поиск объяснений функций этого опыта, предикторов и механизмов его появления. Один из аспектов этой проблемы – необходимость объяснить, почему в момент умирания появляются именно такие образы (например, образ границы, преодолеваемой на пути человека в иной мир, или образ светящегося существа, обладающего такими характеристиками как авторитетность, любовь, принятие и пр.); этот вопрос смыкается с другим – почему эти образы достаточно универсальны, особенно если респонденты принадлежат одной культуре (что мы обнаружили и при изучении ОСО россиян). Для ответа на эти вопросы психологу необходимо выйти в область исследований культуры.

Универсальность паттерна ОСО обычно объясняется наличием в каждой культуре определенной модели, «образца» ОСО – совокупности представлений об этом опыте, явных или имплицитных, существующих в обществе и влияющих на формирование данного опыта у конкретного человека. Такая культурная модель присваивается представителем данной культуры в процессе его социализации (это присвоение выражается, в частности, в дополнении культурных образцов «своей», индивидуальной семантикой). Носителями этих моделей в традиционном обществе обычно являются мифы, табу и ритуалы как составляющие религиозной практики, в индустриальном – сказки, фольклор (например, былички и бывальщины), религиозная практика, включая религиозную изобразительную культуру и литературу, светское искусство, ритуалы. Представители современного постиндустриального общества узнают о переживаниях человека в момент смерти из художественной и научно-популярной литературы, кинематографа, рассказов переживших в Интернете.

Изучение фиксированных в различных носителях моделей ОСО выходит за рамки психологического исследования в области культурологии, фольклористики, истории, социологии, этнографии. При таких переходах границ (то есть при исследовании смежных областей) данные границы, становясь проходимыми, проницаемыми, одновременно с этим очерчиваются и определяются: проблемой, выступающей предметом именно психологии остается вопрос о механизмах порождения (по существующим в культуре образцам) индивидуального ОСО.

Гордеева Ольга Владимировна,
канд. психол. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова,
доцент кафедры общей психологии факультета психологии

А.А. Гофман (Москва)

Личность медицинских волонтеров в самоопределяющих автобиографических воспоминаниях³

В период пандемии COVID-19 медицинское волонтерство стало одной из самых востребованных форм гражданской активности.

Беспрецедентный спрос на медицинское волонтерство вдохновил нас на центральные вопросы этого исследования. Что побуждает людей, не имеющих медицинского образования, добровольно работать в чрезвычайно опасных и сложных условиях «красных зон», и каковы особенности личности этих людей? В поисках ответов на эти вопросы нами было проведено комплексное исследование четырех женщин, дважды в качестве медицинских добровольцев, прошедших через «красные зоны» госпиталей COVID-19 во время первой (май-июнь 2020 г.) и второй волн (октябрь-ноябрь 2020) пандемии в России (г. Москва).

Материалом для анализа выступили автобиографические воспоминания участниц, эксплицированные с помощью графической методики «Линия жизни» (детство, взрослость, будущее) [1]; самоопределяющие воспоминания относительно различных жизненных этапов и опыта работы в «красной зоне» [5]. Качественная методология исследования сопровождалась пересмотренной многомерной шкалой мотивации к работе (MWMS-R), разработанной в рамках теории самоопределения (SDT). Для более объективной характеристики участников и проверки интерпретации автобиографических

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ 22-28-00368.

данных использовались две короткие шкалы, оценивающие субъективное благополучие: шкала субъективного счастья и шкала удовлетворенности жизнью.

В рамках исследования мы опирались на представления о том, что стратегия проживания глобального кризиса в первую очередь зависит от мировоззрения и ценностей личности. Прямая экспликация ценностей, побудивших участниц избрать для совладания с вызовами пандемии путь медицинского волонтерства, присутствовала в содержаниях самоопределяющих воспоминаний об этом опыте. Все участницы демонстрировали выраженные показатели волонтерской идентичности, описывая свой опыт работы в «красных зонах». Кроме того, нами была отмечена тематическая связанность опыта волонтерства с более широким контекстом жизни участниц, подобная согласованность интерпретировалась как показатель продуктивной автобиографической идентичности [3].

Анализируя автобиографические воспоминания участниц, и присутствующие в них повторяющиеся сюжетные паттерны, нами были идентифицированы четыре типа ценностных идентичностей: стремление ощущать себя проводником нравственных норм религии; стремление к справедливому упорядочиванию мира; стремление к опеке над более слабыми; стремление к саморазвитию и личностному росту.

Анализируя «Линии жизни» будущего участниц мы обнаружили крайне высокие показатели их позитивности, а также выделили два противоположных типа временной перспективы: протяженная перспектива и короткая. Субъективная протяженность перспективы будущего выступила важным индикатором степени автономности мотивации волонтерской деятельности, короткая перспектива показала связь с интроецированной регуляцией ожиданиями значимых других и идентифицированной регуляцией моральными обязательствами, а долгая перспектива – с интегрированной регуляцией полностью присвоенными ценностями, осознаваемыми как неотъемлемая часть идентичности, и интернальной регуляцией.

На наш взгляд, результаты исследования, являются шагом к пониманию автобиографической идентичности как основы самодостаточности и устойчивости личности в активном преодолении глобальных вызовов, и самоопределяющих воспоминаниях как продуктивном методическом решении анализа этой идентичности.

Литература

1. Нуркова В.В. Методика «Линия жизни» как фактор формирования зоны ближайшего развития исторического аспекта самосознания личности // «Зона ближайшего развития» в теоретической и практической психологии: Материалы XI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 15–17 ноября 2010 г. М.: РГГУ, 2010. С. 88–95.
2. Habermas, T., & Bluck, S. Getting a life: The emergence of the life story in adolescence. *Psychological Bulletin*. 2000. V. 126. № 5. P. 748–769.
3. Nourkova V., Gofman A. Everyday heroes: Graphical life stories and self-defining memories in Covid -19 medical volunteers // *Journal of Personality*. 2023. V. 91. № 1. P. 85–104.
4. Singer, J. A., Blagov, P. Classification system and scoring manual for self-defining memories. New London, CT: Connecticut College, 2002. 39 p.

Гофман Алена Алексеевна
научный сотрудник, лаборатория междисциплинарных исследований памяти человека,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Н.Б. Граматчикова, А.В. Никандрова (Екатеринбург)

Прагматика игры в личной переписке молодых людей (1962–1966 гг.)

Обширные коллекции эго-документов «простых людей» нечасто попадают в поле внимания исследователей: семейные архивы не ориентированы на сохранение «повседневности» и слабо доступны научному сообществу. Однако исследовательский взор может обратиться к документам собственной семейной истории. Материалом нашего исследования стала часть семейного архива Никандровых – коллекция писем старшего поколения семьи. Переписка Никандрова Николая Александровича и Шичевой Лилии Петровны за время службы Николая в Морфлоте в 1962–1966 гг. составляет более 500 писем. Находясь в вынужденной разлуке (а Николай – еще и в ситуации специфической изоляции), молодые люди в переписке не просто поддерживали общение до возвращения Николая со службы, но прожили важный период своего личностного становления и развития отношений (ГраMATчикова, Никандрова 2023).

Письма относятся к эго-документам, где и отражается, и конструируется идентичность человека, если понимать таковую как «текущую» и дискурсивно обусловленную (Дж. Батлер, Р. Брубейкер). Обретаемые идентификационные модели имеют множественный характер и постоянно переопределяются (Сурина 2008: 57), что мы как раз и наблюдаем в письмах. Хотя для каждого из молодых людей в определенный период можно выделить ведущую модель (у Николая это профессиональный тип, у Лилии – гендерный), в письмах можно выделить несколько виртуальных общих «пространств», где происходит активное общение наших героев.

На предыдущих этапах исследования мы анализировали процесс «воспитания чувств» молодых людей советской эпохи, идущий с опорой на фильмы, которые они смотрят и обсуждают, песни, которые цитируют, и бытовые ситуациями, отношение к которым выражают (Никандрова 2022).

В общении двух молодых людей есть темы, сложные для обсуждения, но важные для их дальнейшей совместной жизни: прежде всего они касаются категории «должного» в семейных и (будущих) детско-родительских отношениях. Учитывая высокую сенситивность этих тем (в первую очередь, для девушки) и взаимное стремление к «серьезным чувствам», молодые люди открывают для себя необычную игровую практику, к которой прибегают на протяжении нескольких лет. В письмах они представляют себя родителями, их вымышленные дети получают имена – Андрейка и Маринка. Они описывают малышей как реальных членов семьи, дети растут, «переезжают» от отца к матери и др. (*«Ну как чувствует себя Андрейка? Как интересно, для всех он совершенно посторонний «человек», а для нас он является таким необходимым в жизни как-будто нет ничего важнее этого создания» [Л. Шичева, 14.04.66]*). Именно общий «ребенок» эмоционально связывает молодых людей, перемещение Андрейки из вымышленного мира в реальный мыслится как достижимое: *«Однажды писал тебе, это мне хочется Андрюшки и он в последствии обязательно будет. Заверяю, ты согласна. Да?» [Н. Никандров, 14.01.1963]*).

Эти перспективные ролевые игры в паре «запускаются» эпизодом «разночтения» Николая и Лилии относительно их статуса по отношению друг к другу: Николай для сослуживцев называет Лилию женой, для нее даже «замужество на бумаге» – серьезный рубеж, которого она ждет и робеет (*«Барколька ну и голубчик же ты у меня, надо же сказать, что жена или ты шутишь что так сказал или действительно сказал, но ребята не поверили, а впрочем могли и поверить, скажут девчонка бы не стала писать каждый день».* [Л. Шичева, 30.12.1962]).

Игровая практика молодых людей тем примечательнее, что задействует все смыслы игры, описанные многочисленными теоретиками (об этом подробнее – ГраMATчикова 2004). Игра моделирует активность субъекта-игрока, она всеобъемлюща и позволяет включить в себя все без исключения феномены бытия; игра создает безопасное пространство и правила, дарит удовольствие от процесса и учит одновременно, а главное – не противостоит «серьезному», а устремлена к нему (Р. Кайуа). Виртуальные «дети» этой пары не перешли затем из эпистолярной игры в жизнь, но позволили безболезненно

для юной девушки принять новую роль, расширив репертуар идентификационных моделей и подготовили пару к их будущей плодотворной и нелегкой родительской судьбе.

Литература

ГраMATчикова Н. Б. Игровые стратегии в литературе серебряного века (М. Волошин, Н. Гумилев, М. Кузмин). Автореф...канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. – 20 с.

ГраMATчикова Н. Б., Никандрова А. В. «Трудно было сначала ходить в ногу»: письма с флота как практика преодоления изоляции (1960-е) // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт. Молодая наука. Вып. 12. 2023. № 1. (В печати).

Кайуа Р. Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. Пер. С. Н. Зенкина. М., 2007.

Никандрова А. В. Песни в переписке 1960-х: функциональный аспект // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения: сборник статей молодых ученых. Екатеринбург: УГИ УрФУ, 2022. С. 147–152.

Суpова Е. Э. Идентичность, идентификация и идентификационные модели // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2008. С. 56–67.

ГраMATчикова Наталья Борисовна,
кандидат филологических наук,
ст. науч. сотр. Центра истории литературы
Института истории и археологии УрО РАН;

Никандрова Алена Владимировна,
студент бакалавриата Филологического факультета
Уральского Федерального университета им. Б.Н. Ельцина

М.А. Графова (Москва)

Развод в 1920-е годы: первый подход к теме с точки зрения архивных эго-документов

Границы нормы человеческого поведения особенно ярко заметны в ситуации кризиса и экстремального перелома. Годы Гражданской войны и нэпа в Советской России предоставили массу возможностей для проверки границ нормативности и их модификации. Одна из сфер, в которых разительные перемены оказались наиболее очевидными – это семья и брак. Принятие прогрессивного (радикально прогрессивного на тот момент) брачного законодательства было скорее политическим жестом, призванным обозначить идеологический вектор социальной политики новой власти, нежели продуманной мерой. «Традиционный» брак давал хоть какие-то гарантии, прежде всего женщине и матери, новый, «гражданский» – практически никаких, кроме личной порядочности (не самая надежная опора) и привычных социокультурных рамок, которые были особенно сильны в деревне. Фактический распад семей в тех случаях, когда муж уходил работать в город, например, на фабрику, а жена оставалась с детьми и хозяйством в деревне, был нередким явлением и до революции. Но после введения упрощенной процедуры развода, который до того был практически недоступен большинству, эти драматические ситуации обрели новое измерение: судебное, в виде массы исков на предмет расторжения брака и присуждения алиментов. Среди этих дел встречаются разные, например, вполне безобидные варианты, когда совсем молодые люди, поженившись и не нажив за год-два детей, убеждались в том, что просто не подходят другу, и мирно расставались. Бывало, что «пострадавшей» стороной выступал мужчина, жена которого скрылась в неизвестном направлении или просто ушла из дому, а то и оставив ему детей; причём никаких социальных механизмов воздействия на беглянку у него уже не было. Бывало – довольно часто – что крестьянин разводился, быстро убедившись, что молодая супруга по нездоровью или воспитанию к неизбежному

тяжелому труду неспособна. Но всё же стандартна и наиболее интересна с точки зрения историка ситуация жены с детьми, оставленной мужем, обычно вследствие переселения его в город. В составе таких дел (связанных с исками по разводу и алиментам, вплоть до злостной их неуплаты) встречаются выразительные эго-документы: объяснительные записки, заявления, жалобы, свидетельские показания. Коллизии, лежащие в основе этих бракоразводных и «алиментных» процессов, самого разного свойства, однако общий вывод вполне совпадает с теми выводами, к которым я уже приходила в результате работы с источниками эпохи: несмотря на то, что раннее советское законодательство предоставляло женщине беспрецедентные права и свободы, оно в результате зачастую оказывалось весьма невыгодным для женщины с точки зрения её интересов в различных областях. В чём заключалось это противоречие? В реальности свобода развода оборачивалась в основном правом для мужчины уйти из семьи по любому удобному ему поводу и если и платить алименты, то обычно такие, что всерьёз говорить о том, чтобы содержать и растить на них ребёнка (или детей), было нельзя. В городе женщине, у которой обычно не было востребованной специальности и квалификации, угрожала безработица, деревенское хозяйство вести без мужского участия в большинстве случаев было очень трудно. Медицинской и социальной помощи, детских учреждений не хватало всюду. В докладе будет рассмотрено, как реализовывалось это противоречие в повседневности Советской России 1920-х годов.

Графова Мария Александровна.
Кандидат искусствоведения.

Доцент департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики
НИУ ВШЭ, Москва

А.И. Грищенко (Москва)

Там, где щебечет *струфт*, читали мы *Фтальмуд*

Когда именно и по каким причинам в древнерусской книжной традиции стали регулярно путаться буквы «ферт» (Ф) и «ѿита» (Ѧ), передающие греческие «фи» Ф /f/ и «тэту» Ѧ /θ/ соответственно, а потому употреблявшиеся только в грецизмах, — сначала, видимо, в произношении, затем и в написании, — когда окончательно установилась путаница между ними в восточнославянском изводе церковнославянского языка и в живой речи, достоверно пока не изучено, особенно учитывая тот факт, что в подавляющем большинстве случаев греческая Ѧ в древнейших, глаголических по графике памятниках церковнославянской письменности передавалась через «твердо» (Т). В более поздней южнославянской, уже кириллической, письменности «ферт» и «ѿита» в целом довольно хорошо — в отличие от письменности восточнославянской — различались, и их употребление было в основном этимологически верным, опиравшимся на оригинальные греческие формы.

Тенденция к этимологическому написанию букв «ферт» и «ѿита» в восточнославянской книжности всегда связана с грецизацией письма: поначалу она как будто бы проявлялась в эпоху второго южнославянского влияния (см. беглое замечание Б. А. Успенского [1], при этом в перечне основных графико-орфографических признаков одного влияния, подробно структурированном М. Г. Гальченко, стремление к этимологическому написанию этих двух букв не указано [2]), а затем окончательно установилось после лексикографических трудов рутенских книжников («Лексис» Лаврентия Зизания 1596 г. и «Лексикон славеноросский» Памвы Берынды 1627 г., «Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1619 г., а также её московское переиздание 1648 г.) и после никоновской справки, опиравшейся на рутенскую традицию.

Однако Б. А. Успенским в той же рутенской традиции (называемой им «юго-западнорусской») была обнаружена особая манера чтения «ѳиты» — в качестве сочетания /ft/, что отражалось на письме в виде ФТ или ѲТ (некоторые примеры опубликованы в [3], тогда как подробнее этот вопрос рассмотрен в его докторской диссертации [4]). Эта манера была характерна по преимуществу для староукраинского ареала, считалась «провинциальной» (в отличие от стандартного чтения «ѳиты» как /f/), хотя восходит к одной из разновидностей церковного произношения, и большая часть свидетельств о ней относится к XVIII веку, хотя самые ранние письменные примеры известны Б. А. Успенскому с начала предшествующего столетия.

Чтение «ѳиты» как /ft/ можно удревить более чем на век, если обратиться к другим источникам, не привлекавшимся Б. А. Успенским. Прежде всего, это переводы с латыни ветхозаветных книг и прочих сочинений, осуществлявшиеся в книжном кружке новгородского архиепископа Геннадия (Гонзова) в конце XV — начале XVI в. Так, к характерным орфографическим чертам Геннадиевского кружка В. А. Ромодановская относит «передач[у] латинского сочетания *th*, соответствующего греческой букве *θ*, кириллическим *т* с выносной фитою (*т^о*). Необходимо однако оговориться, что подобное сочетание, будучи наглядной иллюстрацией схоластического отношения переводчиков к своей работе, было непривычно и для писцов-современников, в связи с чем даже в списках XV в. оно имеет большое число разночтений» [5]. Чтение такого рода написаний вполне могло начинаться с буквы, написанной над строкой, а не в строке, т. е. именно как /ft/. В самой Геннадиевской Библии соответствующие примеры встречаются в глоссах, например в Толковых Пророчествах (ср. к Иер 46:11): «по еврескїи клеи лѣкарными [в Вульгате — *resina* ‘смола, камедь’. — *А. Г.*] зове^тса *т^оурїа* и^ж знаменуеть *т^оурїакъ*» (РГБ Тр.-Серг. 63, 1490-е гг.), ср. ту же глоссу в основном списке Геннадиевской Библии 1499 г., где последнее слово записано как *ѳуриакъ* (ГИМ Син. 915). *ѳуриакъ* — это, конечно, греческий териак (*θηριακή*). В другом переводе Геннадиевского кружка, выполненном Дмитрием Герасимовым также с латыни, но несколько позже, на рубеже XV–XVI вв., — в трактате «Доказательство пришествия Христа» Николая де Лиры — название ‘Талмуд’ передаётся вслед за латинским *Thalmud* как *таѳлму^о*, *таѳльму^о*, *тавьлмудь* или *т^оалму^о* (по списку пер. пол. XVIII в., где исходная запись была уже сильно искажена [6]). В связи с этим представляется довольно странной нормализация этой формы как *тафльмуд*, или *тавьлмудь* (равно как и возведение её напрямую к др.-евр. *talmūd*, где первый согласный взрывной) в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» [7].

В другом памятнике, который, безусловно, повлиял на Геннадиевскую Библию и получил распространение в большом количестве списков конца XV — тр. четв. XVI в., — в Правленном славяно-русском Пятикнижии, созданном рутенскими библеистами во второй половине XV в. предположительно в Киеве (см. о нём подробнее в [8]), — также есть следы произношения /ft/ на месте греч. *θ*, лат. *th* и др.-евр. *ṭ* (щелевой вариант произношения буквы «тав»), напр.: *Нафтануиль* (ср. греч. *Ναθαναήλ*, лат. *Nathanahel* — из др.-евр. *Nəṭan ‘ēl*), *Кааѳтъ / Каафтъ* (ср. греч. *Καάθ*, лат. *Caath* — из др.-евр. *Qəḥāṭ*).

Наконец, традиция произношения греч. «тэты» как /ft/, причём в словах, воспринимаемых как русские (или церковнославянские?), сохранилась и в таком позднем примере славяно-еврейского взаимодействия, как черновые триязычные записи Авраама Самуиловича Фирковича (1787–1874), по происхождению луцкого караима. Так, в «Триязычной молитве» 1830-х гг. ‘кирпич’ он называет в русском (sic!) тексте *plinf* (именно так читается запись *פֿלִינֶף* в еврейской графике) — явное заимствование из греч. *πλίθος*; а ‘воробей’ в славянской части перечня нечистых птиц 1860-х гг. называется словом *struft* (*פֿטרוֹפֿט* в еврейской графике) — из греч. *στρουθός*. Каковы были источники А. С. Фирковича, в т. ч. в этой специфической манере передачи греческой «тэты», остаётся совершеннейшей загадкой, хотя есть некоторые данные о том, что они были связаны с тем же Правленным Пятикнижием (или по меньшей мере с материалами для его

правки, которая, как нами уже было выяснено, опиралась на иудео-тюркский перевод библейских книг).

Литература

1. *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 304.
2. *Гальченко М. Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М., 2001. С. 325–440.
3. *Успенский Б. А.* Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М., 1969. С. 250–252.
4. *Успенский Б. А.* Книжное произношение в России: Опыт ист. исследования (Дисс. ... д-ра филол. наук, М., 1971). С. 379–400.
5. *Ромодановская В. А.* Геннадиевская библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 281.
6. *Федорова Е. С.* Школа перевода в Древней Руси на рубеже XV–XVI вв. Nicolaus de Lyra и Дмитрий Герасимов. 2-е изд. М., 2021. С. 417.
7. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 29. М., 2011. С. 226.
8. *Грищенко А. И.* Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения. М., 2018.

Грищенко Александр Игоревич, д-р филол. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Института славяноведения РАН

В.И. Грубов (Арзамас)

Личный фонд Г.И. Морина в арзамасском госархиве

В Государственном архиве Нижегородской области, г. Арзамас, хранится более 444 тыс. дел конца XVII – начала XXI вв., объединенных в 3.269 фондов⁴. Наряду с документами органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений образования, здравоохранения, культуры, промышленных и сельхозпредприятий и т.п., арзамасский госархив комплектуется и документами личного происхождения. События и факты реальной жизни отражены в них через личностное восприятие конкретных людей. Такие источники в совокупности с официальными документами позволяют дать представление об ушедшем времени во всем его многообразии.

В арзамасском архиве хранится несколько личных фондов наших земляков – ветеранов МВД. Кратко охарактеризуем один из них.

Фонд *Р-3263 – Морин Геннадий Иванович (15.02.1931 – 01.04.2005), ветеран внутренних дел, краевед.* Г.И. Морин родился в селе Елевка Перевозского района Горьковской области. После восьми классов средней школы в 1948 г. поступил в лесотехнический техникум в поселке Пошатово. Окончив его, получил направление на работу в «Якутлестрест».

С 1953 г. Морин учился в Харьковском погранучилище, а по его окончании являлся слушателем спецшколы в Ленинграде. Там же в феврале 1956 г. – декабре 1957 г. был командиром взвода инженерно-противохимического полка.

В 1958 г. Г.И. Морина перевели в спецчасть МВД, где он охранял объекты государственной важности и сопровождал спецгрузы этих объектов. С этого времени и до

⁴ Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГКУ ГАНО, г. Арзамас) // Государственная архивная служба Нижегородской области. URL: <https://www.archive-nnov.ru/?id=1025>

увольнения на пенсию в 1978 г. он служил в разных спецчастях на должностях среднего состава.

Документы Г.И. Морина поступали на архивное хранение дважды (в 2004 и 2005 гг.) на основании договора о дарении. В 2007 г. на них была составлена опись из семи разделов. В первый из них вошли рукописи, машинописные варианты воспоминаний, повестей, рассказов с пометами автора, а также вырезки из газет с опубликованными произведениями Г.И. Морина.

Второй раздел содержит переписку Геннадия Ивановича с уроженцем Ичалковской волости Княгининского уезда (ныне Перевозского района) Нижегородской губернии генерал-лейтенантом И.Ф. Бариновым (1891–1968), сотрудницей Ичалковского краеведческого музея В.Ф. Веденеевой и др.

Третий раздел включает в себя корреспонденцию разных лиц Геннадию Ивановичу (в т.ч., письма по вопросам краеведения).

В четвертый раздел описи входят сборники стихов и лирики с автографами О. Поскребышева, удмуртского поэта Ф. Васильева, арзамасца А. Плотникова и других на титульных листах.

Пятый раздел состоит из подразделов: личные документы, материалы служебной и общественной деятельности, материалы о награждении. Эти документы позволяют проследить географию службы фондообразователя в разные годы, а также направления его служебной деятельности.

Шестой раздел содержит выписки из документов областного и арзамасского архивов, из книг и газет. Среди документов этого раздела – сведения о работе военного дознавателя, в качестве которого Г.И. Морин в 1968 г. расследовал факты грубого нарушения воинской дисциплины и караульной службы. Здесь же еще один чрезвычайно интересный документ – черновик письма призывников (1965 г.) министру обороны СССР. В письме подробно излагаются проявления бандитизма и неприязни на национальной почве, исходившие от группы призванных в армию лиц во время следования воинского эшелона из Еревана в Новосибирск⁵.

Седьмой раздел описи включает в себя фотоизображения поселка Елевка, станции Перевоз, г. Волгограда, а также фото самого Г.И. Морина, его друзей и знакомых.

В целом, материалы архивных фондов личного происхождения имеют немалое историческое, социальное, политическое и культурное значение. Содержащиеся в них источники позволяют раскрывать те стороны существования общества, которые не фиксируются официальной документацией: жизнь обычных людей, через призму восприятия которых отражаются события государственного и общемирового масштаба. С их помощью становится возможным восстановить характерные детали и приметы, саму «атмосферу» ушедшего времени.

Грубов Владимир Иванович,
кандидат исторических наук, доцент,
Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
доцент кафедры истории, обществознания и права

А.А. Гусева (Москва)

Россия как иеротопос (Тема золотого века в текстах прот. А. Шмемана)

⁵ Письмо опубликовано. См.: Грубов В.И. «Это печально скажется на дальнейшем призыве молодежи в Армию»: документы об инцидентах во время следования группы призывников к месту военной службы в 1965 г. // Научный поиск: сборник научных статей и публикаций / Отв. ред. С.А. Лиманова. Вып. 4. М.: Архив РАН, 2021. С. 281–296. URL: https://arran.ru/files/_arpoisk4.pdf

Русские религиозные мыслители, оказавшиеся в эмиграции и принявшие на себя все тяготы ее первой волны, оставили особый тип философствования о России, связанный с ретротопическим сознанием. Одной из ведущих тем таких размышлений были поиски иеротопоса, сопряженные с ожиданием возвращения «домой», что отражалось и в литургическом опыте. Преломление темы золотого века как «русского» иеротопоса прослеживается в «Дневниках» прот. А. Шмемана, в его лекциях и литургических беседах.

Среда, сформировавшая о. Александра, жила воспоминаниями о великой России, переставшей существовать после революции 1917-го г. Такое прерывание истории и перенос ее в другое пространство (которое могло восприниматься как антипространство, «историческая дыра» - или, напротив, как «вознесение за пределы мира» до будущих времен, эта проблема решается в русле выбора между эскапизмом и утопизмом) было характерно для представителей первого поколения той волны.

Пространство России в представлении эмигрантской среды постепенно становится надмирным⁶, незаметно принимая черты т. н. закрытого иеротопоса, места, куда невозможно попасть, - и куда невозможно совершить паломничество⁷.

Вратами, ведущими в русское пространство, была Церковь. О возможности национального начала Церкви велись споры - так, для о. Александра идеал Церкви вселенской вступает в противоречие с образом русского православия, которое он описывает как «отрешенное» исторически, онтологически от остального, «нормального» христианского мира, что приводит или к благочестивому примирению со злом, или же к благочестивому манихейству. Однако для многих эмигрантов, например, для И.Ф. Стравинского, Церковь и богослужение были именно тем, что связывало их с Россией, давало ощущение дома и своей истории, считающейся, например, в службах Великого поста⁸.

Для прот. Александра Шмемана подобное понимание, все же, было неприемлемо: «...мы постоянно ищем в нашей истории некий золотой век... о котором можно было бы сказать: “Вот это была настоящая Россия!”»⁹. Точкой отсчета может быть царствование Алексея Михайловича (Московская Русь), или Киевская Русь, которую прот. Г. Флоровский назвал «золотым мериллом русской истории», или культурный расцвет между Петром и Александром III. Но в русской истории, пишет о. Александр, всегда существовало «борение» двух традиций - первую он определяет как традицию «исторической гордыни» (митрополит Иларион и позже идея Третьего Рима) или период славы при Петре; вторая линия - евангельская, ведь хотя мы и стремились взглядом в Царьград, но «душа Руси с момента ее крещения мистически пребывала ... в Иерусалиме», «там, где игумен Даниил ставил свечку за Русскую землю»¹⁰. Выход, как замечает прот. А. Шмеман, один - отказ от «исторической гордыни» и всех золотых веков, поскольку золотой век способен создать некое антипространство, в котором слышится

⁶ Ср. образ небесной Сербии, сложившийся в сербском историческом сознании после Косовской битвы. Видовдан, не игравший особенной роли в сербском историческом сознании до 1389 г., обернул поражение духовной победой и дал начало «небесному воинству», оставив россыпи образов в исторической мифологии и фольклоре.

⁷ Образ России в историческом сознании эмиграции первой волны постепенно стал тем, что можно назвать закрытым топосом - «местом, в которое невозможно попасть». Сакрализованное пространство может стать местом паломничества, в этом случае можно говорить об открытом (иеро)топосе, или местом, перенесенным в надмирную область, в индивидуальной или социальной исторической памяти, - назовем это закрытым (иеро)топосом.

⁸ Доклад, прочитанный на русском симпозиуме в церкви Иконы Казанской Божьей Матери в городе Си-Клифф, штат Нью-Йорк, в апреле 1977 г. (Возможно, такое выстраивание памяти напоминает бергсоновское.)

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

поступь византийского императорского космоса, где среди «благочестия», «традиций», «славы» нет места человеку, идущего к Богу. Так Церковь как «точка памяти» в данном ключе тихо угасает и перестает быть хранительницей русскости и особенной исторической памяти, дающей возможность пережить состояние «беглеца», - даруя возможность жить внутри Священной истории, или даже, как ни парадоксально, без нее, что становится довольно трудной задачей для эмигрантского сознания XX века.

Гусева Анна Андреевна,
кандидат философских наук, научный сотрудник
Института философии РАН

Е.И. Державина (Москва)

По страницам журнала «Друг семьи»

История своей семьи, своего рода стала в последнее время темой, которой интересуются многие. В русле этих исследований лежит и данное сообщение. В нем рассмотрена история семьи священнослужителей Ярославской губернии нач. XIX – нач. XX вв. В основу легли тексты из чудом сохранившегося рукописного семейного журнала «Друг семьи», в котором среди многих других произведений (стихотворений, рассказов и др.) содержатся и воспоминания о жизни разных поколений одной большой семьи. Самые ранние из них относятся, видимо, к XVIII веку. Идея издания журнала принадлежит А.М. Державину (богослову, исследователю творчества Димитрия Ростовского, поэту) и его дяде К.М. Ярославскому (известному ярославскому краеведу). Оба они были людьми незаурядными, оба – священники, занимались также и литературным творчеством. В своем журнале они предполагали дать возможность на его страницах высказаться всем членам семьи, пожелавшим написать на свое усмотрение какой-либо текст. Журнал был рукописным и не предполагался к изданию, а только лишь для чтения в пределах семьи и близких к ней людей. Первый номер журнала вышел в 1892 году.

Для доклада выбраны наиболее яркие и представительные материалы. Так в результате обращения К.М. Ярославского к изучению ревизских сказок за XVIII век, он восстановил канву жизни своего прадеда – Григория Яковлевича «Отрепьева» (это шуточное прозвание было ему дано за удалство), родившегося в 1765 году. Он рано осиротел и в 17 лет был определен пономарем ружной (т.е. церкви бедной, безземельной) церкви села Пищалева Борисоглебского уезда. Другим интересным фактом является то, что служение прадедов было в селениях, расположенных недалеко от имений Некрасовых и Тютчевых, родственников родных известных русских поэтов.

Исторические очерки журнала отражают особенности повседневной жизни священнослужителей, описывают их внешний вид, повествуют об интересных случаях, трудовой жизни, а также литературных занятиях представителей большой семьи.

Другой темой, широко представленной в журнале, являются путевые заметки и описания различных мест, где жили представители семьи. В основном – это различные селения Ярославской области (села Никольское на Молокше, Знаменское на Кадке, Рождественское на Ворсме), также Петербург и Москва. Однако есть и описания более далеких объектов, увиденных во время путешествий по Волге и в Святую землю. Описания путешествий позволяют современному человеку как бы увидеть глазами авторов те места, которых сейчас уже подчас нет (Югская Дорофеева пустынь) или же они очень изменились. Сказанное можно отнести ко многим объектам по берегам Волги. В частности – к Николо-Бабаевскому монастырю, почти совершенно разрушенному в советское время, к городам по берегам Волги, таким как Плес и Кинешма. Не слишком

благоприятное впечатление на путешественников произвел «русский Манчестер», как автор называет Иваново-Вознесенск. Подробно описана К.М.Ярославским его деловая поездка в Петербург и Кронштадт, где он встречался с о. Иоанном Кронштадским.

Единственное заграничное путешествие – в Святую землю. Описание этой поездки, предпринятой К. М. Ярославским, некоторым образом входит в ряд традиционных паломничеств. Рассказ о нем начинается с описания города Яффы, куда путешественники прибыли на пароходе 27 февраля 1887 года. Автор рассказывает о посещении храма Воскресения Господня, Иосафатовой долины, Гефсимании. Сравнивая современные рассказы о Святой земле, читатели получают возможность увидеть произошедшие изменения.

Думаю, что материалы журнала позволяют читателям дополнить свои представления о жизни того, прошедшего, периода русской истории и узнать черты внешней и внутренней жизни представителей социального слоя священнослужителей русского общества нач. XX века.

Державина Елена Игоревна,
канд.филол.наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

С.Ю. Дмитренко, М.В. Станюкович (Санкт-Петербург)

«Ради Бога и арака»: метаморфозы «маргинальных реалий» в русской литературе-2

Доклад продолжает тему восточных реалий в русском языке и литературе, начатую на прошлой конференции сообщением про жевательную смесь бетель. Предметом рассмотрения на этот раз стал термин арак(а), возможно, самое распространенное в мире обозначение крепкого алкоголя (Дмитренко, Станюкович 2021; Станюкович 2018; Станюкович, Дмитренко 2018). Зона его бытования - от островной Юго-Восточной Азии (arak, alak – Филиппины, Индонезия, Малайзия), через Индокитай (arak, alak – ряд австронезийских и бахнарических народов Индокитая, моны), арабские страны (ʕa'raʕ), европейское Средиземноморье (ракия), на Кавказ (арахь – осетинский, aragh – армянский, araqi – грузинский) до Сибири и Монголии (араки – нанайский, араки – эвенкийский, ороцкий, арыгы – якутский, архи – монгольский). В русском языке и в ряде славянских, германских и романских термин ‘арак’ не стал обобщающим термином и не заместил основные традиционные названия алкогольных напитков. Однако и в этих языках он присутствует как в высокой культуре, так и в низовой.

В русской поэзии начиная с XXVIII века арак воспринимался как атрибут дворянской мужской пирушки: И.И. Дмитриев («О арак, арак чудесный! / Ты весну нам возвратил»; «Пусть арак ума убавит / Между нас у остряков!»), «Чаще пунш с араком пить», 1795); А. С. Нахимов (Нет, будет платье дорогое / И пить вы станете арак», 1805-1814), А.С. Пушкин («Двоится штоф с араком», 1814), А. В. Кольцов («Сосед мой пьет арак; / Так, видно, не дурак», 1827). Отношение к араку как к изысканному напитку достойных унаследовал И. Э. Мандельштам: «Кому зима — арак и пунш голубоглазый, / Кому душистое с корицею вино», 1922.

У П. А. Вяземского в стихах Денису Давыдову отношение к араку проще: «с разогретого арака, / Желтеющего за стеклом / При дымном пламени бивака!» (1814-1815), а в «Матросской песне» и вовсе как к простонародному питью: «И прогоним их, / Да прогоны с них / Мы же тут сдерем / На арак и ром» (П. А. Вяземский, 1855). В XX веке у

Б.Л. Пастернака арак совсем теряет лоск: «И, будто вороша каштаны, / Совком к жаровням в кучу сгреб / Мужчин — арак, а горожанок — / Иллюминованный сироп» (1916).

Эта двойственность не случайна. В русских низовых говорах тот же корень, в основном в форме «арака», существовал издавна, он зафиксирован в словарях (СРЛ XI–XVII в., СРЛ XVIII в., Словарь русских народных говоров). Словарь М. Фасмера объясняет это так: «**аракá, араки́** (нескл.) «молочная водка», сиб. Уже в Домостр. К. 47. Заимств. из крым.-тат, тат., алт. araku — то же; см. Радлов 1, 250; напротив, западное заимств. *арáк*, вероятно, через франц. *arack* (то же) арабского происхождения; см. Доза.» Действительно, в 47 разделе «Домостроя» читаем: «А вино курити самому <...>, да смечать, по сколку ис котла араки первой и другой и последу уточат» («Самому и вино курить <...>, да замечать, по сколку выгонят из котла араки в первый, во второй и в последний раз»). Множество примеров употребления слова «арака» в контексте «простонародных» и «путешественных» описаний находим в НКРЯ, начиная с работ Н. Тярина (1827), Ф. В. Булгарина (1830), А. Ф. Вельтмана (1833, 1839), Н. Н. Муравьева-Амурского (1850).

Таким образом, слово «арак(а)» документировано в русской литературе по крайней мере с XVI века; в форме «арак» - преимущественно в романтической поэзии, а в форме «арака» - в бытовых описаниях жизни низших слоев общества и «инородцев», а также в «путешественных описаниях».

Литература

Дмитренко С. Ю., Станюкович М. В. Арак(а): алкоголь в обряде и социальной жизни от Филиппин и Индокитая до Кавказа и Сибири // В сборнике: XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. Национальный исследовательский Томский государственный университет. 2021. С. 686.

Станюкович М.В. Кокосовая чарка, бамбуковый стакан. Этнография и этноботаника хмельной культуры Юго-Восточной Азии / Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании. Сборник МАЭ. Т. LXV. 2018. С. 29-49.

Станюкович М.В., Дмитренко С.Ю. Рисовая брага/кувшинное вино. Сопоставительный анализ лексики филиппинских и бахнарических языков / Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы конференции (Санкт-Петербург, 30 октября – 1 ноября 2018 года) [сборник статей] / Отв. ред. Е.Н. Колпачкова. СПбГУ, Восточный ф-т, МГУ, ИЛИ РАН – СПб.: Издательство ЦСО, 2018. С. 274-284.

Дмитренко Сергей Юрьевич,
к.ф.н., заместитель директора по науке ИЛИ РАН,
зав. Кафедрой филологии Юго-Восточной Азии Восточного ф-та СПбГУ;

Станюкович Мария Владимировна,
к.и.н., ведущий научный сотрудник,
зав. Отделом Австралии, Океании и Индонезии МАЭ (Кунсткамера) РАН.

С.В. Друговейко-Должанская (Санкт-Петербург)

Чем полмандарина хуже, нежели пол-апельсина и пол-лимона, или О маргинальных правилах отдельных, слитных и полуслитных (дефисных) написаний в системе современной русской орфографии

В докладе рассматривается:

– история сложения правил отдельных, слитных и полуслитных (дефисных) в системе русской орфографии;

- различные основания, которые определяют выбор того или иного написания, признанного нормативным в современном русском письме;
- противоречивость рекомендаций современных орфографических словарей.

Как следует орфографически оформлять такое, например, прилагательное: *общественнополезный* (если мы ориентируемся на словообразовательно-грамматический критерий, который устанавливает зависимость написания сложных прилагательных от способа их образования), *общественно-полезный* (если в основу выбора положен формально-грамматический критерий, который диктует дефисное написание сложных прилагательных, первая часть которых имеет формально выраженную основу прилагательного, то есть суффикса) или *общественно полезный* (если в основе выбора лежит лексико-синтаксический критерий, разграничивающий написание частей слова и частей словосочетания)?

Почему мы пишем наречие *навзничь* слитно, а наречие *под мышкой* раздельно (хотя в современном русском языке нет как существительного **взничь*, так и существительного **мышка* в значении ‘часть тела’), а написание *(в)даль* зависит от глагола (*смотреть вдаль*, но *всматриваться в даль*)?

Почему написания *полмандарина*, но *пол-апельсина* и *пол-лимона* ставятся в зависимость от того, с какой буквы начинаются названия цитрусовых?

И нельзя ли, следуя рекомендациям булгаковского Шарикова, «взять всё, да и поделить» – то есть упростить систему правил раздельных, слитных и полуслитных (дефисных) написаний в современной русской орфографии?

Друговейко-Должанская Светлана Викторовна,
старший преподаватель СПбГУ

Г.В. Дьяченко (Москва)

БОГОСЛОВСКИЕ МАРГИНАЛИИ КОММУНИКАЦИИ, ИЛИ КОММУНИКАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕФЕРЕНЦИИ

Как следует понимать совет современного греческого богослова архим. Эмилиана (Вафидиса) (1934–2019) согласиться с собеседником, говорящим, что «осёл летает», и не спорить с ним?¹¹ Будет ли это согласие ложью? Ответы на эти вопросы вводят в само средоточие проблем лингвистической теории референции, или соотношения языковых знаков с действительностью, а выяснение того, что конкретно имел в виду афонский теоретик и практик позитивного межличностного взаимодействия, даёт исключительную возможность уточнить и заострить основные звенья референциальных схем.

Подвижничество современной эпохи игумен Эмилиан соединяет с древним опытом, предлагая желающим нравственного совершенства толкование наставлений преподобного аввы Исаии, в творениях которого обобщён опыт первых египетских монахов IV – V вв.¹² Подвижников благочестия египетский пустынный учил прежде всего общаться с людьми: *«Не спорьте друг с другом и ни о ком не злословьте, не судите никого, не унижайте, ни на кого не ропщите, вообще да не изыдет ложь из уст ваших.*

11 Эмилиан (Вафидис), архим. Толкование на подвижнические слова аввы Исаии. 2-ое изд-е. М.: Зачатьевский ставропигиальный женский монастырь; Екатеринбург: Изд-во Александро-Невского Ново-Тихвинского женского монастыря, 2015. 576 с. С. 76.

12 Зайцев Д. В. Исаия Скитский // Православная энциклопедия. Т. XXVII: «Исаак Сирийский – Исторические книги». М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2011. 752 с. С. 155-157. С. 155.

*Не желайте сказать или услышать что-то бесполезное для себя*¹³. Толкуя именно это наставление древнего святого, современный носитель той же духовной традиции архим. Эмилиан отменяет коммуникативную стратегию противоречия собеседнику как таковую: «Спор – это отрицание, это “нет”. Но “нет” не существует. Тебе говорят, что осел летает? И ты скажи: “Да, осел летает”. Дело кончено. Ничего не говори противного кому-либо и не веди себя пренебрежительно. Закрой уши и займись своим тайным делом»¹⁴. Согласно истолкователю, «сказать противное» ближнему – значит не меньше, чем «пренебречь» им как человеком, но это принципиально исключено на уровне когнитивно-мотивационных пресуппозиций о любви к ближнему и Богу в христианстве. Таким образом, речь в толковании не о том, что нельзя употреблять само слово «нет», но о том, что в бесконфликтной коммуникации не существует неприятия другого.

Общение христианами подвижниками понимается фундаментально, оно не сводится лишь к вербально-коммуникативной активности человека, а имеет богословскую глубину. Общение – это единство с людьми в широком и принципиальном смысле, которым обусловлено само единство с Богом. Для человека, стремящегося к созерцанию Бога, именно отношения с людьми становятся фактором, имеющим решающее значение для духовной жизни: «Божественное созерцание – это глубинная сторона духовной жизни, которая соединяет нас с Богом. Тем не менее Бог не даст вам это созерцание, если вы <...> не склонитесь перед волей и всяким суждением ближнего, если не научитесь смотреть на него с нежностью, <...> если не будете снисходить к его чувствительности, если у вас не будет полного единства с ближними. Без этого вы не сможете сделать ничего. А если у вас это будет, то Бог благословит вас»¹⁵. Таким образом, единство с Богом и благословение Божие для всякого человека обусловлены единством его с людьми. Вот почему мирные отношения с окружающими представляют первейший интерес для православных богословов. При этом становится очевидным, что, будучи важнейшей, задача единения с людьми и Богом не может не накладывать особых требований на коммуникативную сферу человека, не может особым образом кардинально не видоизменять её и не преформировать.

Заострённая в христианской практике коммуникативная диспозиция высвечивает важные характеристики речевого взаимодействия в целом. Если для сохранения единства с собеседником адресат призван согласиться, что «осёл летает», то отсюда следует, во-первых, что знание фактической стороны действительности (назовём эти результаты познания окружающего мира коммуникантом *онтологической референцией*) не играет определяющей и ведущей роли в коммуникации. В самом деле, в речи высказывается не действительность через человека, а сам человек на основе неё, самовластно подчиняющий результаты своей познавательной деятельности и всегда определяющий себя каким-либо образом по отношению к ним. Коммуникация описывается кооперативными, ответственными и волевыми личностными параметрами, поэтому онтологическая референция, или познание действительности – хотя осуществляется непрерывно и без когнитивной укоренённости в действительности никакая коммуникация невозможна – тем не менее является подчинённым моментом в лично параметризованной комплексной *референции коммуникативной*, которая определяет вес, направление, основные содержательные параметры и целевое назначение онтологических данных, облакаемых в вербальные формы. С этим связано второе следствие: также и общеязыковая семантика вербальных знаков не играет определяющей и ведущей роли в коммуникации. Не языковые значения определяют содержание того, что хочет сказать коммуникант (не язык

13 Эмилиан (Вафидис), архим. Толкование на подвижнические слова Аввы Исаии. С. 76. См. также: С. 83.

14 Эмилиан (Вафидис), архим. Толкование на подвижнические слова Аввы Исаии. С. 76.

15 Эмилиан (Вафидис), архим. Толкование на подвижнические слова Аввы Исаии. С. 149.

говорит через человека), а говорящий сам наполняет общий и приблизительный языковой код конкретными и полноценными, личностными и ответственными означающими.

В своём призыве согласиться, что «осёл летает», архим. Эмилиан заостряет это подлинное соотношение онтологического, семантического и – рамочного для них – коммуникативного моментов. Интерпретатор святоотеческого опыта межличностного общения не только показывает, что логическое и языковое подчинены личностному, но и то, что они должны быть подчинены ему правильно – с целью сохранения мира и приязни между коммуникантами. В этом соотношении – ключ, почему в случае согласия с «ослом летающим» нет лжи. Адресат призван согласиться и принять самого говорящего, а не соскальзывать в иную интенцию совершенного иного коммуникативного акта, в котором действительно был поставлен вопрос относительно возможностей ослиной природы.

Галина Викторовна Дьяченко,
кандидат филологических наук, кандидат богословия,
научный сотрудник сектора теоретического языкознания,
Институт языкознания Российской Академии Наук

И.О. Ермаченко (Санкт-Петербург)

КВЖД на открытках: почтовый привет с «модернизационной периферии»

Неологизм «модернизационная периферия» в пределах предлагаемой темы находит терминологическую опору в относительно недавно введенном в оборот понятии «модернизационный колониализм» (Ф. Купер, Д.Б. Павлов и др.). Подразумевалась, в частности, арендованная Россией у Китая Квантунская область, воспринятая на рубеже XIX и XX вв. как «наша первая колония на Дальнем Востоке», непредставимая без коммуникации по Китайско-Восточной железной дороге. Однако подобные интенции широко проявлялись и после утраты Россией Квантуна в 1905 г. Так, министр финансов В.Н. Коковцов во время своего трансевразийского железнодорожного вояжа 1909 г. подчеркнул на встрече с общественностью Харбина значение «дороги, создавшей город, затратившей громадные средства на его нужды», выслушав в ответ отчет о «значении Харбина как пионера дела экономического сближения России с Китаем и завоевания для русской промышленности нового рынка» (РГИА. Ф.560. Оп.28. Д.417. Л.159). Подобным установкам была подчинена деятельность Общества КВЖД и его правления, соответствующих отделов ключевых министерств, заметное отражение получили они и в текущей публицистике. Позднее, особенно в постсоветский период, эти аспекты привлекли большое внимание историков, став предметом и междисциплинарного изучения.

Тем не менее в нем до сих пор остаются существенные лакуны, к числу которых относится сравнительный анализ визуального ряда открыток с изображением линии КВЖД или непосредственно связанных с ней объектов. Многочисленность таких почтовых карточек была обеспечена 1) реальными коммуникативными запросами значительного русского населения зоны КВЖД с ее особой юрисдикцией и непростой военно-политической историей; 2) общественным вниманием к актуальному и одновременно экзотическому сюжету отечественной политики; 3) большой активностью в области издания открыток с провинциальными видами в целом, характерной для того периода. В то же время сам момент коммуникационной уникальности отправления и получения подобного изображения диктовал его авторам определенные принципы отбора образов, которые рассматриваются нами в репрезентативном контексте упомянутой модернизационной парадигмы. Помимо «внутреннего» сопоставления визуального

материала, представленного открытками всего имперского периода функционирования КВЖД, проводится и «внешнее», в целях более углубленного понимания его специфики – 1) с иллюстративным рядом статей в прессе и книг, посвященных КВЖД в те же годы, с учетом также их текстовой составляющей; 2) с общими принципами изображения сходных сюжетов, в том числе на открытках, в эмигрантско-советский период истории магистрали; 3) с некоторыми другими символическими характеристиками предметной среды КВЖД.

В итоге можно зафиксировать несколько характерных тенденций, представленных с разной степенью частотности, выделив среди них три наиболее показательных: 1) демонстративное сведение на многих открытках технологических достижений «цивилизации» с дикой «туземной» природой, подразумевающее пафос ее покорения; 2) более редкое, но художественно выразительное противопоставление традиционного китайского быта и менталитета прогрессистски трактуемой железнодорожной символике; 3) распространение последней на максимально широкое образное поле в качестве презентации места «европейского порядка» в картине западно-восточного синтеза, выходящей далеко за пределы объектов филокартии (восприятие КВЖД как «стержня» всей зоны русских поселений, а Харбина – как «столицы» КВЖД; рисунок мчащегося паровоза на бонах Русско-Азиатского банка и т.д.).

Ермаченко Игорь Олегович,
к. и. н., доцент, доцент кафедры всеобщей истории
Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

И.В. Ерохина (Тула)

Несколько замечаний к теме текст и контекст в связи с «Opus incertum» О. Седаковой

На официальном сайте Ольги Седаковой есть подготовленный ею к первой годовщине со дня смерти Елены Шварц файл буклета. В нем три части: избранные стихотворения Шварц, эссе «L'antica fiamma» и несколько общих фотографий, сделанных во время их последней встречи в ноябре 2006 года на Дантовских торжествах во Флоренции. И если эссе «L'antica fiamma Елена Шварц», написанное Седаковой сразу после кончины поэта («27 марта 2010 года, Лазарева суббота»), было опубликовано в журнале НЛО (2010, №3), то ее небольшие заметки к этим флорентийским фотографиям почти никто не знает. А между тем они – драгоценный материал к теме Седакова – Шварц – Данте и не прямой комментарий к прозе «Opus incertum», писавшейся тогда же – в 2010-2011 годах.

Повествование о приключениях автора и Франчески в «Opus incertum» помещено в ассоциативно-смысловое поле Данте. Его имя открыто звучит в нескольких эпизодах и, что особенно важно, в начале и конце, создавая смысловую раму. И не будет читательской вольностью перенести на Данте то, что Седакова писала о Рембрандте: «Рембрандт – не предмет моего знания, а в каком-то отношении его автор». Мы помним, что «Путешествие с закрытыми глазами» начинается с разговора о зрении. О зрении не только и не столько как о физиологической способности человека воспринимать прямые и отраженные световые лучи, но прежде всего о зрении как гносеологической чувствительности и о видении как понимании. Так, в «Опусе» все происходящее освещается («...зрение – тоже световое устройство, освещающий прибор») зрением Данте. Без осознания того, что все персонажи и события произведения Седаковой помещены в перспективу его антропологии, читатель оказывается в состоянии расфокусировки рецептивной оптики.

Один из главных образов «Opus incertum» – образ моря. Это и море бытия (дантовское «gran mare dell'essere»), и море нашей жизни (Mare nostrum, Наше море), и море Божьей воли, к

которому стекается все Им сотворенное. Теперь, после выхода книги Седаковой «Мудрость надежды и другие разговоры о Данте», мы можем найти к этому развернутый авторский комментарий (см. главу «Круг, крест, человек»). Море прямо связано с темой души и темой поэта: «— Наши души носятся на волнах. — Кто это? — спросила я. — Архилох! — удивленно ответила она. Кто же, дескать, не знает? <...> Да, истинно так: на волнах носятся наши души. Поэты знают, что говорят». В том числе и в эпизоде, где обнаруживает себя прямая цитата из Шварц: «Все другое мы терпим, — сказала я моей душе, бредя по берегу, — но вот это, не правда ли, это, наконец, мы сами? Мы — это неистощимое расчисленное волнение вод и света, этой благосклонной синей глубины. Моря и сердца их». Последнее предложение — отсылка к одной из «Элегий на стороны света»:

Так что ж я такое? Я — хляби предвечной сосуд,
Во мне средиземное море приливом, отливом мерцает.
Я уши заткну и услышу, что в ракушке, шум,
И сохнут моря и сердца их.

Е. Шварц. «Западная» (из «Элегий на стороны света»)

А теперь вернемся к заметкам о флорентийских фотографиях 2006 года. Эти снимки были сделаны Франческой Кесса, с которой Седакова еще в начале 70-х начинала читать Данте по-итальянски и которая стала героиней ее «Opus incertum». Есть в нем и упоминание о той самой поездке во Флоренцию: «С той, волчьей шубой дело было на дантовских чтениях два года назад» (волчья шуба, конечно, тоже пробуждает дантовские ассоциации). Помимо этого из заметок мы узнаем, что не только последняя, но и первая личная встреча поэтов оказалась освящена именем Данте: «След этой нашей флорентийской встречи остался в цикле Елены Шварц "Сельвы позднего лета" (2007). Selva — чаща, запутанный лес из первых стихов "Комедии": "Mi ritrovai in una selva oscura", а также жанр ренессансной поэзии. Этот цикл открывается обращением ко мне <...> Может быть, это мимолетное воспоминание связано не только с Флоренцией, нашей последней встречей. Слово сельва звучало и во время нашей первой встречи, в 1976 или 1977 году, когда я читала Лене только что написанные стихи с дантовским названием «Selva selvaggia». На одной из этих флорентийских фотографий мы и стоим под таким темным дождем, ночью, возле дантовского Сан Джованни».

В «Балладе продолжения» ОС, входящей в триптих «Selva selvaggia», есть строки, перекликающиеся с западной «Элегией» Шварц, написанной примерно через год после этой встречи:

И страшно, и холодно стало в лесу.
Куда он зашел? И зачем на весу
судьбу его держат, короткую воду
в стакане безумном, в стекле из природы,
из слабости: вдруг раскатиться, как ртуть.

О. Седакова. «Баллада продолжения»

Общее здесь — образ сосуда как метафоры человека («хляби предвечной сосуд» — «стакан безумный», «стекло из природы, из слабости»), которая восходит к общему библейскому образу горшка, сотворенного Горшечником, «скудельного сосуда», и связанные с ним темы смертности, слабости человека. Наполнен этот хрупкий сосуд морем, «предвечной хлябью», но сохнувшей, «короткой водой» (неожиданное определение «короткая вода», возможно, тоже восходит к Данте: «Так низко он пал, что любые средства / для его спасения были уже коротки (corti), тем более что речь идет об одном и том же моменте сюжета). Одновременно появление образа Христа (распятия, креста — у Шварц, хозяина дома, хлеба — у Седаковой) в финалах текстов опрокидывает первоначальную смысловую доминанту: «Граната зерном утолишь ты и голод, и жажду», «И тут раздалось, обрывая его: /— Я ум и свобода, но ты — торжество». «Мы — это неистощимое расчисленное волнение вод и света, этой благосклонной синей глубины» — «Имамы же сокровище сие в скудельных сосудах...». Человек — сосуд, в котором бесконечное море — море Жизни (жизни и как bios и как zoe: он в хороводе душ, предводитель которого, khoregos tes zoe — Святой Дух). «Поэты знают, что говорят».

В этот контекст должно быть включено и эссе Шварц «О, грациозное и доброе животное (Цель поэзии)», и размышления Седаковой о поэзии как антропологическом опыте, и ее эссе о

Шварц с дантовским названием «L'antica fiamma». Человек поэтический и у Седаковой, и у Шварц идет на зов первоначального замысла о себе и своего воскресения. И его отклик на этот зов – слова Иова «Верю, что плоть моя сия узрит Господа». (Теперь у нас есть еще «Круг, крест, человек» Седаковой и мы можем быть уверены, что эти слова Иова, вспоминаемые в «Opus incertum», связаны с дантовской темой воскресения человека во плоти, в полноте и торжестве его тварности).

Ерохина Ирина Владиславовна
к.фил.н., доцент ТГПУ им. Л.Н. Толстого

Ефремов В.А. (Санкт-Петербург)

Языковая репрезентация тела и телесности (на примере блокадных текстов Л. Я. Гинзбург)

Языковая репрезентация «человека телесного» составляет одну из особенностей идиостиля дневниковых и мемуарных текстов Л. Я. Гинзбург. Доклад посвящен многовекторному анализу вербализации телесности в цикле «Четыре повествования»: эти гетерожанровые эго-тексты позволяют эксплицировать особенности телесного восприятия и воплощения в военное время, а также трансформации телесности блокадного человека.

Военный нарратив помещается в повествование о жизни частной, подробно описанной через телесные ощущения людей, травмированных не только войной, но и голодом, холодом, болезнями, – людей, потерявших связь с собственным телом. Более того, телесный опыт блокадного человека описывается практически как телесный опыт умирающего человека.

К наиболее ярким элементам идиостиля Л. Я. Гинзбург, связанным с вербализацией телесности, следует отнести широкую метафоризацию соматизмов, подробное описание переживаний травмированного тела, материально-образное переосмысление эмоционального состояния («физиологизация эмоций»), неординарные семантические трансформации ключевой лексемы *тело*.

Ефремов Валерий Анатольевич,
доктор филологических наук
профессор кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

Анна А. Зализняк, Д.О. Добровольский

Маргинальные глаголы желания: *приспичило* и *норовить*

В докладе излагаются результаты применения «монофокусного» метода контрастного анализа на материале немецкого параллельного подкорпуса НКРЯ и построенной на его основе надкорпусной базы данных конструкций с немецкими модальными глаголами и их русских соответствий. Предлагается описание двух русских слов сложной семантики – маргинальных глаголов желания/намерения *приспичило* и *норовить*. Анализ «стимулов» появления этих слов в переводах с немецкого на русский и «моделей» их переводов с русского на немецкий позволил выявить, помимо модальной составляющей, также другие неочевидные компоненты их значения, детерминирующие особенности их семантики и употребления, а именно: непреодолимость желания (которое превращается в необходимость) и его неуместность для *приспичило*; константность намерения, приложение усилий к осуществлению определенных действий и их желательность для субъекта – для *норовить*.

В обоих глаголах обнаруживается, кроме того, компонент «внешней» отрицательной оценки: в случае *приспичило* говорящий считает возникновение желания немедленно совершить некоторое действие нерациональным, и выражает свое неодобрение человека, который этому желанию поддается; в случае *норовить* говорящий осуждает сам тот тип действий, склонность к которому обнаруживает субъект. При этом *норовить* можно только «по мелочи»: где-то сжульничать, недоплатить, погулять за чужой счет и т.п. Но, например, ограбить банк или убить старушку – это действия, описание которых плохо сочетается с *норовить*, даже если речь идет о чьей-то склонности к такого рода дурным поступкам.

Для обоих глаголов затруднено употребление в 1-м л. (для безличного *приспичило* – с дативным субъектом *мне*). С оценкой, принадлежащей модальной рамке, говорящий вынужден солидаризироваться – что возможно только в том случае, если он дистанцируется от себя как субъекта описываемого действия, т.е. оценивает свой поступок постфактум (ср *меня угораздило простудиться в такую жару*). Но для установок типа *норовить* и *приспичило*, описывающих состояния, актуальные в момент речи, употребление в 1-м л. возможно лишь при некоторых особых условиях.

Зализняк Анна Андреевна
дфн, гнс ИЯЗ РАН;

Добровольский Дмитрий Олегович
дфн, гнс ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН

А.В. Захарова (Москва)

Дневник участника Троянской войны: вымысел или реальность?

Гегемония Гомера в греческой образованности с нижних ее ступеней (чтение Гомера в начальной школе) до верхних (рассуждения о нем греческих ученых и философов) приводила к двум обстоятельствам. Первое из них то, что любое сведение, содержащееся в «Илиаде» или «Одиссее» хоть однажды (если не значительно чаще) было как-нибудь истолковано и домыслено. Второе – то, что Гомер наскучил эллинскому читателю как ни один другой писатель, и его «домысливание» – особенно для аудитории с не самым высоким образовательным уровнем – часто производилось таким образом, чтобы гомеровская информация обернулась чем-то неожиданным или даже скандальным.

«Правильную Илиаду», лишенную фантастических деталей и вмешательства богов, лучше всего может рассказать непосредственный участник событий. Такова была практика и античных историков, часто описывавших войны, в которых они лично участвовали, как Ксенофонт в походе, описанном им в «Анабасисе» или Цезарь в описанных им войнах.

Кого же из участников Троянской войны можно представить автором книги? Грека или троянца? Упомянутого Гомером или неупомянутого? Все четыре варианта были использованы античными литераторами.

Речь идет об «Истории о разрушении Трои» (*De excidio Troiae historia*) Дарета Фригийского. Оно предваряется предисловием, из которого мы узнаем, что утраченный греческий оригинал был переведен на латинский язык самим Корнелием Непотом. Истинность существования Дарета и причастность Корнелия Непота к его переводу многие века не то чтобы не оспаривалась, а скорее просто не обсуждалась. Факт того, что текст Дарета – это литературная мистификация, был ясен сколько-то образованным и здравомыслящим людям начиная с эпохи Ренессанса. «История», как нам кажется, была написана по-латински человеком, не знавшим греческого и знавшим Гомера только по пересказам.

Из всех античных авторов, писавших о Троянской войне, автор «Истории» наиболее смел в перестраивании традиционной суммы информации о ней, восходящей к Гомеру, дополненному

киклическими поэмами («Киприями», «Малой Илиадой» и др.). Именно эта игра в выстраивание заново старых элементов, как кажется, представляя собой большой интерес для самого автора, являлась одной из движущих сил его работы. Будучи достаточно осведомлен о традиционной версии событий, автор постоянно «держит дистанцию» между общеизвестным и его неожиданным преломлением, которое бы потеряло для него и для читателя всякий интерес, если бы повествование отделилось от традиции на расстояние полной неузнаваемости.

На протяжении многих веков «История» Дарета издавалась вместе с «Дневником Троянской войны» Диктиса Критского. Диктис якобы был писцом спутника Идоменея, написавшим свои записки «пуническим алфавитом». Они были «обнаружены» при Нероне и переведены на греческий, а затем переведены на латинский. В отличие от текста Дарета мы имеем фрагмент греческого оригинала Диктиса в папирусе из Тебтуниса.

На «Историю» Дарета опирался Бенуа де Сент-Мор, автор громадного (30 тысяч стихов) «Романа о Трое», написанного около 1175 — 1185 года. Бенуа 63 раза упоминает Дарета, иногда переводя его слово в слово, иногда пересказывая вольно и расширенно.

Приговор истинности Дарета и, вместе с ней, его литературным достоинствам вынесло возрождение латинской образованности в XVI – XVII веках. Авторитетный Фоссий и Иосиф Мерсье сурово высказывались о нем. Якоб Перизоний написал диссертацию о подложности Дарета и Диктиса.

Однако мнения знатоков не могли пресечь переписывания и переиздания многочисленных версий «Троянских сказаний», восходящих к Дарету. В России они переиздавались еще при Екатерине II, когда Костров уже переводил настоящего Гомера.

Литература

1. Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. Спб. 1997.
2. Daretis Phrygii De Excidio Troiae Historia / Rec. F. Meister Lips., Teubn., 1873.
3. Dictys Cretensis/ Ed. W. Eisenhut. Leipzig. 1973.

Захарова Аглая Валентиновна,
к.ф.н., доцент ИКВиА ВШЭ

Т.С. Зевахина (Москва)

Поэтика писем в повести В.В. Личутина «Сон золотой. Из книги переживаний»

Помещенные в текст повести В.В. Личутина «Сон золотой. Из книги переживаний» (М., 2015) письма его отца выполняют важную композиционную и идейную функции.

Адресатом писем является мать писателя – 23-летняя крестьянская девушка, имеющая на руках двух малолетних детей и ожидающая третьего, которым и стал будущий писатель – В.В. Личутин.

Всепобеждающая сила любви и нежности, выраженная в эпистолярных строчках, вытесняет трагизм двух судеб, и в то же время вызывает глубокое чувство сопереживания к героям повести.

Благодаря сестре В.В. Личутина Генриетте сохранилось более ста писем их отца, из которых в книге «Сон золотой. Из книги переживаний» опубликовано около 40 писем. Письма были написаны в мирное время и в период с октября 1939 года, когда 29-летний старший В.П. Личутин был призван на военную службу, по октябрь 1941 года, то есть до последнего дня его жизни, оборвавшейся в боях под Оршей. Отец так и не увидел младшего сына, а мать скрыла от детей похоронку и только в 1949 году рассказала им о гибели отца.

Будучи учителем словесности, отец В.В. Личутина блестяще владел русским литературным языком. Поэтика этих писем является предметом лингвостилистического анализа, представленного в данном докладе. Этот анализ сопряжен с исследованием судеб родителей писателя и тех черт характера, которые он унаследовал от отца и от матери.

Писатель, «сколотыш», безотцовщина получил от отца поэтический дар, от матери – мягкий нрав, от суровой северной природы – силу и терпение предков-поморов.

В книге В.В. Личутин отмечает, что язык близкого ему по духу писателя В.П. Астафьева отличается «простонародностью, ароматностью, полнозвучностью слова». Эти характеристики можно в полной мере отнести и к языку повести «Сон золотой. Из книги переживаний».

«Забирайте же с собой в путь, выходя из мягких, младенческих лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения», – писал Н.В. Гоголь. И у В.В. Личутина мотив детства – «сна золотого», «мягких, младенческих лет» – гармонично сплетается с мотивом любви отца к молодой жене, матери его детей.

В докладе показано композиционное мастерство писателя В.В. Личутина в использовании материалов писем в тексте повести.

Литература

Личутин В.В. Сон золотой. Из книги переживаний. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2015. – 480 с.

Зевахина Татьяна Сергеевна
старший научный сотрудник
филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Д.В. Зуев (Москва)

Булгаков и Диккенс: к истории инсценировки «Посмертных записок Пиквикского клуба» во МХАТе

О том, что Диккенс входит в число главных фигур булгаковского литературного пантеона, известно давно. Но каким могло быть влияние Диккенса на Булгакова-писателя, все еще неясно. Все разыскания сосредоточены в основном именно на «Посмертных записках Пиквикского клуба». Черты персонажей этого романа исследователи находят в героях Булгакова.

Сам Булгаков упоминает английского классика считанное число раз. Наиболее интересный эпизод находим в неоконченной полуавтобиографической повести «Тайному другу». Главный герой, ожидая, пока редактор прочтет его рукопись, коротает время с «Посмертными записками Пиквикского клуба». Упоминание этого романа призвано актуализировать связанный с ним эпизод биографии Диккенса и сопоставить его с жизненным путем героя повести «Тайному другу». В тот самый момент, когда должен совершиться коренной перелом в его биографии (решается вопрос, будет ли напечатан его первый роман), он вспоминает Диккенса, прошедшего такой же путь от газетного репортера до писателя. Хорошо известно, что Булгаков, особенно в 1930-е годы искал параллели к своей собственной судьбе в судьбах писателей прошлых лет. Диккенс, очевидно, играл для него ту же роль в 1920-е.

Главным, что связывается Булгаков и Диккенса, считается сыгранная писателем роль председателя суда в спектакле МХАТ «Пиквикский клуб» по пьесе Н. Венкстерн (1934). Булгаков помогал автору инсценировки в работе – об этом сохранилось много свидетельств. Но в чем именно заключалась эта помощь неизвестно. До настоящего времени еще никто не обращался к самому очевидному свидетельству булгаковской работы с текстом Диккенса: в его архиве в РГБ сохранился документ, названный в описи:

«Выписки и наброски перевода отдельных реплик из «Записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса и «Следопыта» Ф.Купера». Датировка [1934], 1930-е». Это фрагмент XXX главы романа в русском переводе: эпизод знакомства мистера Пиквика с двумя врачами, Бенджаменом Алленом и Бобом Соьером. В процессе работы Булгаков часто делал выписки из различных источников, а в случае с инсценировками обращался не только к русским переводам, но и к тексту оригинала. Эти выписки свидетельствуют, как представляется, что у него могли быть некоторые творческие планы или идеи относительно «Пиквика».

К 1930-м гг первый роман Диккенса уже имел в России свою сценическую историю: известно как минимум две пьесы. Первая принадлежит О.К. Нотовичу. Вторая – переводная с французского – написана Жоржем Дювалем и Альфредом Шарве. В конце театрального сезона 1911–1912 она была поставлена в Киеве, в Театре Соловцова, где Булгаков неоднократно бывал. Можно сказать, что в инсценировке Пиквикского клуба выработалась определенная традиция. Сопоставление ее с пьесой Н. Венкстерн дает основание предположить, что Булгаков не только правил диалоги, но мог также направлять творческий замысел Венкстерн в сторону мольеровского театра – каким он его себе представлял (когда идет работа над «Пиквикским клубом», Булгаков адаптирует для студии Ю. Завадского «Мещанина во дворянстве» – пишет пьесу «Полоумный Журден»). Поэтому его и могли дополнительно заинтересовать два традиционных мольеровских персонажа, мошенника, разгильдяя и пьяницы врача, которые привнесли в пьесу элементы буффонады.

Зуев Дмитрий Владимирович
кандидат филологических наук,
Мандельштамовский центр НИУ ВШЭ, эксперт

Г.В. Зыкова (Москва)

Эпистолярный поэт и историк Андрея Ивановича Плигузова (1990-е)

В 2022 г. в РГАЛИ для формируемого личного фонда Наталии Виловны Зейфман — историка, архивиста, мемуариста, был передан комплекс писем к ней и к членам ее семьи Андрея Ивановича Плигузова (1956–2021), медиевиста, автора новаторских трудов по истории русской церкви.

Стилистически наиболее сопоставима с письмами, видимо, хармсиана Плигузова¹⁶ (самиздатские книги Хармса Плигузов якобы готовил в 1980-х, как сообщает анонимная биографическая справка; прояснить, что конкретно имеется в виду, к сожалению, не удалось, но упоминания о позднейшей работе с архивом Хармса (в 1992) в письмах есть). Письма (прежде всего обращенные к детям) включают абсурдистскую малую прозу, которая естественно рождается из интонаций пишущего; игровая природа эпистолярной речи иногда прямо демонстрируется («Ну вот, так я и знал: бумага кончается, а слова еще остаются, а бумага кончается»).

Хронологический диапазон корпуса — с 1985 по 2003 гг.¹⁷ Бóльшая часть писем послана из Америки, куда Плигузов уезжает в 1990-м, работать в архивах Гарвардского университета; письма 1992 г., когда автор ненадолго вернулся в Россию, описывают «эпоху упадка Рима», в том числе и в академии («Жить по новым правилам трудно, некоторые даже в окна выпрыгивают или со страху лезут прямо в правительство, где казенные командировки и много гуманитарной помощи» — 27.I.1992).

¹⁶ В маске Хармса. Нью-Йорк, 2004.

¹⁷ Собрание содержит также копии ответных писем.

Главная тема писем — переживание разрыва между эпохами («Я рассказывал Пайпсу, как мы его читали на даче прошлым августом — кажется, это было XIX веке» (08.VII.1990), специфичность самоощущения русского историка в западной среде («...Очень у нас история трудная, сплошное бездорожье, которое никак не переводится на иностранные языки, ибо за границей либо есть дорога, либо нет» — 14.IV.1993) и вообще различие между культурами, масштабы которого оказались неожиданными: «...Я вспоминаю о том, как мои уезжающие друзья извинялись и приносили мне на хранение мои же письма, потому что тогда письма не выпускали, и как я получал обратно многое из написанного в незапамятные времена. <Заметим, как автор обнаруживает здесь в письме — черты дневника. — Г.З.> Не себе ли я строчу новое послание? ...Россия превращается в Польшу, так что теперь отъезды не будут столь надрывны. <...> Но вспомните, как трудно вернуть себе прежнее мироощущение, когда позади — всего лишь переезд от Пионерской к Динамо. А если из девятнадцатого века — в двадцатый? И никто не борется с Лосевым, и никаких масонских заговоров, и никакой среды для нашей русской болтовни. Как будто на астероиде сидит два идиота и говорят о Пушкине. К этому нельзя подготовиться, перекочевывая в другую цивилизацию.

Иная концепция мира. Даже смерти, через «фьюнерал хоум», тысячи за две с половиной» (18.VIII.1990).

Рефлексия, обусловленная взглядом историка, неопределенностью собственного положения и положения адресатов (эмигрировали осенью 1991 г.), переживанием времени как катастрофического, несмотря на «несоветские» воззрения Плигузова («Давно ожидаемая катастрофа совершается на наших глазах в парадоксальной форме победы «демократических сил» над коммунизмом, а означает всё углубляющийся кризис, хаос...» — 6.IX.2023), — делает этот корпус писем, на наш взгляд, существенным историческим свидетельством, заслуживающим публикации и комментария.

Зыкова Галина Владимировна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор филологического факультета Московского государственного университета имени
М.В.Ломоносова, профессор Института филологии и истории
Российского гуманитарного университета

А.Б. Ипполитова (Москва)

Доктор Лебедев и доктор Лебединский: герой «Открытой книги» и его прототип

Прототипом доктора Павла Петровича Лебедева из романа В. Каверина «Открытая книга» был доктор медицины Петр Васильевич Лебединский (1835-1912), человек непростой судьбы, автор диссертации «Материалы для вопроса об этиологическом значении зеленого кистевика (*penicillium glaucum*) для организма животных» (1877). Основная информация о П.В. Лебединском содержится в энциклопедической статье словаря «Деятели революционного движения в России» (т. 1, ч. 2; 1928), а также в предисловии Л.Ф. Пантелеева к очерку «Варнековская история» («Голос минувшего», 1915, № 9).

Значимыми в судьбе П.В. Лебединского оказались не только движение из европейской части России в азиатскую и обратно, а вообще перемещения. П.В. Лебединский родился в селе Чуварлейский Майдан Ардатовского уезда Нижегородской губернии в семье священника. После окончания Нижегородской семинарии обучал сельских детей, затем окончил медицинский факультет Московского университета, начал работать уездным врачом в Орловской губ., но в 1866 г. был арестован по делу «Земли и воли» и сослан в Сибирь. С 1874 г. — городской врач в Красноярске. В 1876 г. возвращается в Петербург, защищает диссертацию (1877) и вскоре уезжает как медик на русско-турецкую войну. После войны работает врачом в Кинешме, затем в Петербурге, с 1898 г. до конца жизни — снова в Кинешме.

В докладе вводится в научный оборот корпус писем П.В. Лебединского и его супруги Е.А. Лебединской к их другу по Сибири, издателю и общественному деятелю Лонгину Федоровичу

Пантелееву (РГАЛИ, 1870-1910-е гг.), а также биографические документы (РГАЛИ, ЦАГМ, ГА Красноярского края).

Ипполитова Александра Борисовна,
кандидат исторических наук,
снс Института славяноведения РАН

А.А. Исаков (Арзамас)

Личный фонд Михаила Чаадаева в Центральном архиве Нижегородской области

Михаил Яковлевич Чаадаев всегда находился в тени младшего брата, хотя именно Михаил первым почувствовал предназначение к занятиям философией и даже предпринял попытку обучения этому интеллектуальному ремеслу, первым оставил военную службу, чтобы предаться своим занятиям, был гораздо ближе, чем Петр, к декабристам. Однако Михаил выбрал уединенную жизнь в родовом имении, где прошло его детство, в селе Хрипуново Ардатовского уезда Нижегородской губернии.

Сопоставление имеющихся немногочисленных публикаций рукописного наследия М.Я. Чаадаева с его личным фондом в ЦАНО (фонд № 984, опись 816) свидетельствует о том, что в его основу легли материалы, собранные поэтом-декадентом и местным помещиком князем А.В. Звенигородским (первоначально по просьбе М.О. Гершензона). В то же время фонд включает значительный пласт неопубликованных материалов.

Наибольший интерес среди этих неопубликованных документов представляют дело № 6 и письма Григория Чаадаева и Фёдора Шаплыгина из дела № 9. Это изначально единый комплекс личных и официальных писем, возникший в процессе решения судьбы племянников М.Я. и П.Я. Чаадаевых Дмитрия и Григория. Григорий Чаадаев пытался сделать военную карьеру, однако в итоге растратил состояние и умер молодым. Дмитрий же был от рождения слабоумным и находился на попечении своих соседей, помещиков Муромского уезда. Кредиторы Григория Чаадаева стремились удовлетворить свои аппетиты за счет доли недееспособного Дмитрия в селе Стригино. Хотя М.Я. Чаадаев предпринял значительные усилия для защиты прав своего недееспособного племянника, он так и не выехал ни разу в Стригино и не познакомился лично ни с кем из фигурантов дела. Впрочем, такая отстраненность опекуна воспринималась его корреспондентами как гарантия личной незаинтересованности.

Это дело интересно еще и тем, что высвеченная в нем конфигурация наследственных владений Чаадаевых открывает некоторый простор для генеалогических исследований. Генеалогическая легенда Чаадаевых возводит их род к мценскому воеводе Григорию Протасьевичу, сын которого Иван Григорьевич перешел на службу из Литвы к Василию I в 1425 г. Его правнук от младшего сына Матвея Григорий Васильевич якобы получил прозвище «Чегодай», происхождение которого не объясняется. Из нижегородской генеалогии известно, что Чегодаевы являлись потомками татарско-мордовского княжеского рода, владевшего Саконами (этот город был разрушен еще в начале XV в.). В то же время география владений Чаадаевых (Козелец Черниговской губернии – Муром Владимирской Губернии – Ардатов Нижегородской губернии, легендарный Мценск вполне подходит на роль промежуточного пункта между Козельцом и Муромом) совпадает с основным путем русской колонизации Волго-Окского междуречья: Чернигов – Рязань – Муром. Можно предположить, что формирование землевладения Чаадаевых началось еще в домонгольский период, а сам род может восходить к домонгольской русской знати, впоследствии смешавшейся с элитой нерусского населения Поволжья. Сами братья Чаадаевы оперировали весьма скромным

родословием, которое в «Реестре роду Чаадаевых» возводилось к Петру Васильевичу (умер в 1756 г.) и далее не углублялось.

В целом личный фонд М.Я. Чаадаева в ЦАНО, хотя и уступает по репрезентативности аналогичным фондам РГБ, РГАЛИ и РГВИА, включает целый ряд ценных документов личного происхождения, способных существенно дополнить наши представления о генеалогии и вотчинном хозяйстве Чаадаевых, а также о личностных особенностях обоих братьев.

Исаков Алексей Александрович,
к.филос.н, доцент кафедры истории, обществознания и права
историко-филологического факультета Арзамасского филиала
Национального исследовательского НГУ им. Н.И. Лобачевского

Л.А. Исакова (Арзамас)

Академическая культура России начала XX века в письмах Ф.В. Тарановского В.Э. Грабарю

Эпистолярное наследие известного правоведа Федора Васильевича Тарановского (1875–1936) в настоящее время находится в поле пристального внимания исследователей, анализирующих материалы как отечественных, так и зарубежных архивов, проливающих свет на российский и эмигрантский (с 1920 г.) период жизни ученого. В этой связи особую ценность представляют письма Тарановского к другу и коллеге по Юрьевскому (ранее – Дерптскому, ныне – Тартусскому) университету Владимиру Эммануиловичу Грабарю (1865–1956).

В рукописном отделе Российской государственной библиотеки хранится фонд В.Э. Грабаря, значительное место в котором занимают пять единиц хранения, содержащие письма Федора Васильевича. Обширная переписка ученого (включая открытые и закрытые письма, телеграммы, почтовые карточки и записки) охватывает собой период с 1908 по 1935 гг. (Фонд 376. Карт. 11). Единица хранения 31 содержит письма Тарановского к Грабарю за 1908–1909 гг., в которых речь идет об активной научной работе (редактирование и издание Актов Углической провинциальной канцелярии), а также о возможности первого перейти для продолжения своей научной и педагогической работы в Юрьев и участвовать в конкурсе на замещении вакантной должности по кафедре истории русского права. Тарановский, уже став профессором кафедры истории русского права юридического факультета, сам участвовал в процедуре рецензирования трудов ученых, претендующих на место профессора кафедры энциклопедии права.

Единица хранения 32 укомплектована письмами Федора Васильевича к Грабарю с 1911 г. по 1916 г. включительно. Основной темой писем данного периода является сообщение и обсуждение научных планов, актуальной научной литературы и русских газет того времени. Большую часть объема этих писем занимает так называемая «семейная переписка» и поздравления. Отдельной темой 1915–1916 гг. является муссируемая в научных кругах проблема возможной эвакуации Юрьевского университета в Пермь, к которой сам Тарановский относился резко отрицательно, часто подчеркивая особое рвение в этом деле ректора университета П.П. Пусторослева (1854–1924).

Единица хранения 33 объединяет письма Тарановского к Владимиру Эммануиловичу за 3 года: 1917, 1918 и 1919 гг. Кроме традиционных для указанных ранее писем «семейных вопросов», имеются сведения, посвященные устройству семьи Тарановских на новом месте (в г. Харькове), а также о предложении ему работы в Екатеринославе.

Последующие две единицы хранения (34 и 35) объединяют письма Тарановского к Грабарю из-за границы. Первая содержит почтовые отправления за 1926–1927 гг. не только самого Федора Васильевича, но и его жены Марии Николаевны, что свидетельствует об их дружбе семьями. Кроме того, имеются ценные сведения о научной работе историка и его предполагаемом участии в различных научных мероприятиях. В единице хранения 35 собраны письма за 1928–1929, 1931 и 1933–1935 гг. Основной их темой является описание научной работы Тарановского, в том числе как профессора Белградского университета, и как руководителя Русского Научного института, а также планы подготовки публикаций, намеченных автором к изданию.

Таким образом, представленный материал является ценным источником, содержащим сведения относительно особенностей академической культуры России начала XX века и подспорьем в восстановлении отдельных страниц непростой биографии ученого. Анализ содержания эпистолярного наследия Тарановского позволяет реконструировать процедуру замещения вакантной профессорской кафедры; подготовку к изданию научного издания, каким являются Акты Углической провинциальной канцелярии, изданные под редакцией Тарановского; сообщают о научных планах и интересах ученого, его активной научной и педагогической деятельности.

Исакова Любовь Владимировна,
к.и.н, старший преподаватель
кафедры истории, обществознания и права
историко-филологического факультета
Арзамасского филиала НГУ им. Н.И. Лобачевского

Н.С. Ищенко (Луганск)

Между литературой и богословием: протестантская экклесиология в рассказе Х. Л. Борхеса «Три версии предательства Иуды»

В докладе проанализированы идеи Нильса Рунеберга, персонажа рассказа Борхеса «Три версии предательства Иуды». Рассказ был опубликован аргентинским писателем Х. Л. Борхесом в 1944 году в составе сборника «Вымышленные истории». В рассказе приводятся три версии деяний Иуды Искариота, предложенные вымышленным персонажем Нильсом Рунебергом, скандинавским теологом начала XX века. Рунеберг развивает протестантские идеи об опоре веры только на Писание (принцип *Sola Scriptura*) и собственное понимание Писания. Принцип *Sola Scriptura* отрицает авторитет Церкви и возможность живого Богообщения в рамках Церкви. Рунеберг понимает жертву Христа не как примирение человека с Богом и спасение мира от смерти, а как бессмысленное страдание, направленное на юридическое возмещение за первородный грех. Рунеберг понимает жертву юридически, а такое понимание жертвы, как показал Поль Рикёр, господствует в западной философии, теологии и психологии благодаря блаженному Августину. Юридическое понимание жертвы требует, соответственно архаичному римскому мышлению, возмещения ущерба чем-то равноценным. Первородный грех, согласно Августину, есть преступление перед Богом, передающееся по наследству, как показывает Рикёр, квазибиологическим путем. Это настолько всеобъемлющее преступление, что в нем виновны даже грудные дети. Для искупления такого греха, затронувшего всех людей, требуется, согласно Рунебергу, равноценная жертва.

Концепцию равнозначной жертвы Рунеберг вырабатывает в ходе своей теологической работы. В первой его версии Иуда приносит себя в жертву для демонстрации того, что жертва Иисуса понята и принята. Во второй версии Иуда жертвует своей душой, переходя на новый уровень самопожертвования. В третьей версии Иуда сам становится искупителем, чья жертва растянута на тысячелетия, и потому становится равноценным юридическим возмещением первородного греха.

Итак, искупительная жертва понимается юридически, как возмещение за ущерб, причиненный поступком Адама. В чем конкретно состоял этот ущерб и кому он был причинен, является предметом дебатов. Не оговаривая этого эксплицитно, Рунеберг считает, что равноценная жертва заключается только в страдании. Он не видит в истории Искупления иного смысла, помимо страдания Иисуса. Многократно увеличивая это страдание, Рунеберг приходит к своей концепции предательства Иуды как первого шага на пути к бесконечному страданию, которое должно искупить первородный грех.

Отрицая возможность богообщения в Церкви, Рунеберг лишает этой возможности и себя самого. В его концепции Бог не преобразовывает мир своим Словом и своей Церковью, а скрывает правду от людей, поскольку Искупление происходит не путем приобщения каждого человека к реальной зримой Церкви, дающей жизнь, а путем таинственных скрытых взаимозачетов за кулисами мироздания. Итак, Рунеберг в своих теориях о месте Иуды в истории Искупления символически уничтожил Воскресение и создание Церкви, а также живое богообщение в Церкви, утвердив тем самым радикальную протестантскую еkkлесиологию.

Итак, в докладе определены основные идеи теологии Рунеберга: опора на одно Писание, элиминация Предания, использование юридической концепции первородного греха, фактическое отрицание Богообщения в Церкви. Показано, что эти идеи являются сущностными чертами радикальной протестантской еkkлесиологии, оставляющей человека наедине с обезбоженным миром.

Нина Сергеевна Ищенко,
кандидат философских наук
доцент кафедры философии ГОУ ВО ЛНР «ЛГАУ»

Ю.В. Кагарлицкий (Москва)

Форт Шаброль: О метафорике крушения старого мира и интертекстуальных совпадениях

В 5-й главке поэмы Анны Ахматовой «Путем вся земля» («Китежанка», 1940) перечисляются грозные события начала века, как бы увиденные на ходу (бегу, лету?) стремящейся к своему истоку героиней: «Черемуха мимо // Прокралась, как сон. // И кто-то “Цусима!” // Сказал в телефон. // Скорее, скорее — // Кончается срок: // «Варяг» и «Кореец» // Пошли на восток... // Там ласточкой реет // Старая боль... // А дальше темнеет // Форт Шаброль, // Как прошлого века // Разрушенный склеп, // Где старый калека // Оглух и ослеп. // Суровы и хмуры, // Его сторожат // С винтовками буры. // “Назад, назад!”»¹⁸. Упоминания Цусимы, «Варяга» и «Корейца», буров обычно не нуждается в пояснениях для просвещенного читателя, тогда как относительно форта Шаброль приходится обычно обращаться к комментарию. Из него можно узнать, что летом 1899 г. в Париже президент Антисемитской лиги Жюль Герен забаррикадировался в доме № 51 по улице Шаброль с горсткой единомышленников и сопротивлялся аресту по обвинению в государственной измене. Осада длилась с 12 августа по 20 сентября, потом Герен сдался, был арестован и осужден. Выражение «форт Шаброль» во французском и в тогдашнем русском языке стало нарицательным.

Почему Ахматова упоминает форт Шаброль среди знаков роковых событий *fin de siècle*? Омри Ронен убедительно показывает, что осада анти-дрейфусаров на улице Шаброль и англо-бурская война стояли для современников в одном ряду как предвестники крушения Европы: «...форт Шаброль у Ахматовой — это разрушенный склеп впавшего в маразм духа Франции XIX века, на старости лет поставившего миру уже не идеи справедливости и братства»¹⁹.

Соображения Ронена оставляют, однако, смутное чувство беспокойства. Другие комментаторы иногда упоминают некий бурский форт Шаброль, но это, по-видимому,

¹⁸ Ахматова А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. Поэмы. Pro domo mea. Театр / Сост., подгот. текста, коммент. и статья С.А. Коваленко. М.: Эллис Лак, 1998. С.35.

¹⁹ Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000. Вып. 4.: Материалы и исследования русской культуры. С.55.

недоразумение. И всё же форт Шаброль на англо-бурской войне был. Его описывают в своих книгах два британских журналиста, Дж. Б. Аткинс и Уинстон Черчилль. В книге Черчилля "London to Ladysmith via Pretoria" (1900) описывается оборона важного железнодорожного узла Стормберга, где дома, в ожидании бурских войск, были превращены в настоящие укрепления: "I was shown one of these by the young officer in charge. The approaches were cleared of everything except wire fences and entanglements; the massive walls were loopholed, the windows barricaded with sandbags, and the rooms inside broken one into the other for convenience in moving about. Its garrison of twenty-five men and its youthful commander surveyed the work with pride. They had laid in stores of all kinds for ten days, and none doubted that Fort Chabrol, as they called it, would stand a gallant siege"²⁰.

Если представить, что Ахматова к 1940 г. была знакома с книгой Черчилля, ее бы, несомненно, поразило видение дома, чьи окна заложены мешками с песком, а в стенах сделаны бойницы («старый калека оглох и ослеп»), служащего оплотом уходящей в прошлое (если не теперь, то в скором будущем) империи. В этом случае было бы понятно, почему в поэме именно буры не пускают «китежанку» дальше; ср. у Аткинса о том же: "But now Fort Chabrol had to be abandoned, and the designer and his labourers lingered about the place. Perhaps soon the Boers will be defending themselves in it, for it was left as it stood"²¹. Британцы вернули себе Стормберг, но в поэме пробиться в прошлое не удастся. Разумеется, так можно было бы интерпретировать этот эпизод поэмы, если бы мы знали наверняка, что Ахматова читала хоть один из цитированных очерков. Но мы, к сожалению, этого не знаем.

Кагарлицкий Юрий Валентинович
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

А.Л. Касаткина (Москва)

Масон Семён Иванович Гамалея как объект положительной (восхищённой) и отрицательной (неприятной) мифологизации, начиная с его современников и до наших дней

Мифологизированный образ Семёна Гамалеи (1743 - 1822) сложился среди московских масонов очень скоро после того, как Гамалея стал мастером стула в ложе "Девкалион" в 1782 году. Началом этого процесса можно считать то, как рисуется наставник в стихах, подаренных ему на день рождения в 1783 году, в которых выделены стремление мастера от "тьмы" к "свету", его упорство в достижении цели, его "кротость" и ответственность за младших братьев по ордену. Впоследствии Семён Гамалея получает прозвание "божьего человека" и анекдоты, передающие восхищённое отношение сохранивших их современников Гамалеи к его аскетизму, незлобивости и скромной непубличности, создают образ мудреца, без насилия серьёзно влияющего на окружающих людей и обладающего большим авторитетом, заставляющим трепетать перед этим "страшным своею строгостью человеком". С другой стороны, Екатерина II в комедии "Обольщённый" использует, при этом обесценивая, для характеристики своего персонажа такие черты, как религиозность и мистицизм, нежелание применять агрессию. В результате Радотов, прототипом которого признается Семён Гамалея, показан, как асоциальный чудака, не ценящий ни человеческих отношений, ни имущества. Вдобавок он наделён стандартной архетипической чертой "чужака" - связью с колдовством, в пьесе комическим и сниженным.

²⁰. Winston S. Churchill. The Boer War. *London to Ladysmith via Pretoria and Ian Hamilton's March*. L.; New Delhi; N.Y.; Sydney: Bloomsbury, 2013. P.17.

²¹. John Black Atkins. *The Relief of Ladysmith*. L.: Methuen & Co., 1900. P.47-48.

Мифологизации образа Семена Ивановича Гамалеи в наши дни происходит по тем же положительному и отрицательному направлениям. Основной положительный архетипический образ, под который подгоняется фигура Гамалеи - это "мудрый друг великого человека". Н.И. Новиков стал в восприятии XX-XXI вв. ключевой фигурой эпохи и С.И. Гамалею оценивают по степени близости к Новикову. Чем меньше информации, тем более мифологичным выглядит образ, так что пользователь интернета, почти ничего не знающий о Гамалее, готов вообразить его слепым мудрецом, вроде Тиресия или Гомера. Продолжается и отрицательная мифологизация, делающая из Гамалеи пособника главного колдуна Новикова и нехристя, похороненного без креста на могиле.

Касаткина Анна Леонидовна,
старший преподаватель РГГУ

И.Б. Качинская (Москва)

ЧАСЫ ДЛЯ КРАСЫ, А ВРЕМЯ ПО ОГОРОДУ

В народной культуре время как абстрактное понятие оказывается разноуровневым: в одном случае речь идет о конкретном времени – о датах, определяемых по солнечному календарю или по лунному (это праздники, связанные с пасхальным циклом). В другом случае речь идет не о конкретном времени, а о времени суток, времени года, времени уборки урожая (страде), об эпохе в жизни государства (войне), прошлом (старине), о периодах жизни человека, определяющих его социальный статус (о детстве, юности, женитьбе- замужестве, старости), периодах жизни человека, когда ему трудно (о голоде, нищете, болезнях, тюрьме). Это время можно было бы назвать бытовым. К сакральному времени относится народный церковный календарь.

До 30-х годов XX в. бытовое время и сакральное пересекались: люди ориентировались в жизни не по месяцам и числам, а по народному календарю, считали дни по праздникам, связанным с почитанием дней святых. По церковным праздникам определялся весь цикл годовых работ: когда надо было начинать и заканчивать сенокос, когда – сеять и убирать хлеб, когда производить работы на огороде и т.д. В некоторых деревнях особым образом отмечали дни перед церковными праздниками – *кануны*.

Выражение «в этом году» северяне обычно заменяют словом *сейгод*: «Столько снега было *сейгод*!» Слово устроено по той же модели, что и *сейчас* (*сей* + *час*). Так же устроено слово *сейдень* (в этот день): «Как хорошо, солнышко запекло *сейдень*». Выражение «в прошлом году» может заменяться словами *лони* (*лонись*): «Ой, *лони* сколько грибов было!»; «*Лонись* была Паска двадцать восьмого, а сёгуду девятнадцатого». Используется и слово *позалони*, то есть в позапрошлом году.

Когда хотят сказать о прошлой зиме, употребляют наречия *зимусь*: «Я как *зимусь* поехала да поглядела – ой-ой-ой!». Прошлым летом – *летось*: «*Летось* и лето не видали». Прошлой осенью – *осенесь*, прошлой весной – *вёснусь*. Используются особые наречия и когда хотят сказать о времени суток: *утрось* – утром, *вечор* – накануне вечером.

Сейчас мы делим время суток на часы и минуты. На Русском Севере отрезки времени называются *упрягами* (*упряжками*) или *уповадами* (*уповодками*), которые могут подолжаться от 30 минут до 3-4-х часов. Это время, когда человек занимается чем-то определенным. Рабочее время делилось обычно на три или несколько *упрягов* (*уповодов*): «Покосишь *упряжку* – утром часа три-четыре»; «Я севодня на работе один *уповод* работала». *Упряжкой* (*уповодом*) может быть время работы, а может быть время перерыва. В.И. Даль объяснял *уповод* как время от одного приема пищи до другого, как время непрерывной работы, а также как время, которое пробегает лошадь между выдачей

корма. Иногда *упрягом* (*уповодом*) называют время, которое представляется для чего-нибудь неоправданно долгим: «Целый *уповод* прождала»; «Я тебя жду весь *упряг*»; «*Упряжку* проспали»; «Вот в магазин сходил целую *упряжку*». Слова эти на Севере употребляются достаточно часто, но у приезжих вызывают постоянное недоумение: «Мы раньше не задумывались, пока вот эта Зина не сказала. Говорит: Не могу понять, что за время у вас? Много – *упряжка*, и мало – *упряжка*».

Сделать что-нибудь в течение одного дня называется *обыднем* (*овыднем*), *обыдёнком* (*овыдёнком*): «Некоторые в *овыдень* ходили, значит в один день взад-вперёд»; «*Ободёнком* – ну это одним днём. То есть, допустим, сходил в деревню там соседню *ободёнком*, то есть вернулся одним днём. Либо окупил огород, допустим, *ободёнком*»; «*Овыдёнком* – это даже не за сутки, а даже в течение святого дня».

Качинская Ирина Борисовна,
кфн, ст. науч. сотр. каф. русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

В.В. Кириченко (Санкт-Петербург)

Автобиографемы в романе Жоржа Перека «Исчезновение»

Настоящая работа посвящена изучению автофикционального (фр. autofiction) письма в творчестве французского писателя Жоржа Перека (1936-1982) на примере романа «Исчезновение» (1969). Однажды Перек отмечал в письме своей жене, что он «исследует жизнь в ее складках», подразумевая, что даже его вымышленные тексты имеет определенное отношение к действительности. Несмотря на то, что писатель позднее посвятит много времени написанию произведений автобиографического толка («W, или Воспоминание детства», 1975), более ранние тексты способны многое рассказать о его авторском методе в аспекте интимного письма о себе. Для нашего анализа мы выбрали «Исчезновение» по двум причинам. Во-первых, данный текст зеркально перекликается с последующим автобиографическим романом («W...»), не сюжетно, но с точки зрения приемов письма. Во-вторых, в нем наличествует многоуровневая система референций к реальности исторической и личной, хотя это главным образом вымышленное произведение. В ходе анализа мы применяем понятие Бернара Манье, одно из основных исследователей творчества Перека, – «автобиографема», которое он определял как «специфическую черту, возникающую в соотношении с одним или несколькими засвидетельствованными автобиографическими высказываниями, организующую в тексте локально и/или глобально форму содержания и/или высказывания». Если мы можем подтвердить определенную биографическую информацию об авторе и она встречается в каком-то виде в каком-либо художественном универсуме, то она вполне способна влиять на формы и содержание последнего. Это не всегда так, но автобиографема касается именно этой связи. В отличие от экстенциональных элементов (содержания) автобиографема не является обособленным явлением художественного произведения, ее нельзя «вырвать» из текста, потому что она не находится в каком-то одном тексте, но на пересечении нескольких (причем необязательно письменных), именно поэтому она относится к интенционалам (смыслам). К автобиографемам в романе «Исчезновение» мы причисляем: намеки на реально-исторические проблемы евреев (в романе «албанцы») и тему большого рода (семьи); особенных героев (А. Вуаль, А. Консон, Саворньян), отражающих черты самого автора; наличие различных референций к «фантомам» прошлого; переживание «белой меланхолии».

В итоге можно сказать, что с «Исчезновения» автор начинает значительно развивать проблему факта и вымысла в контексте «эстетики отсутствия» (понятие Перека). Эта «косвенность автобиографического» (термин Ф. Лежена) в «Исчезновении» заметно усложняет попытку проанализировать общее положение факта и вымысла в произведении. «Эстетика отсутствия» в тексте Перека складывается из работы с языковыми приемами разных уровней – от фонетики до синтаксиса. Многие подходы автора могут быть поняты в контексте автобиографемного анализа.

Содержательно-метафорический уровень только дополняет данную картину. «Автобиографемный анализ» показывает, что многие аспекты текста, расположенные на разных уровнях, обнаруживают в себе взаимовлияние факта и вымысла, и так или иначе связаны с личными вопросами Перека. Поскольку целью писателя становится выражение невыразимого («*dire indicible*»), он стремится использовать вымысел, в котором выстраиваются в основном абстрактные намеки на реальность и собственную жизнь автора. В отличие от «W...», где отсутствие тоже играет важную роль, но объясняется как «неудача памяти», в «Исчезновении» отсутствие связано с проявлением мистического и таинственного.

Кириченко Владислав Владимирович
Преподаватель департамента иностранных языков
НИУ ВШЭ СПб

Клеопов Д. А. (Москва)

Ризома как предчувствие

В 1976 г. в книге "Ризома. Введение" Ж. Делёз и Ф. Гваттари ввели в философию понятие ризомы. (от фр. *Rhizome*, корневище). "У ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода". Представление о ризоме, как о некоей горизонтальной и децентрированной, а не вертикально-властной иерархической структуре, своего рода антисистеме – это был ответ на экзистенциальный вызов и запрос 60-х гг. прошлого века – студенческие революции, движение хиппи и т.д. Проект, концепция авторов и в этой книге и в вышедшем чуть позже "Анти-Эдипе" вообще характеризуются отказом от идеи жесткой и однозначной структуры, основанной на бинарных оппозициях, и строгом детерминизме имени (или памяти) Лапласа, где всезнающее существо могло бы вычислить всё будущее всей Вселенной. Это не постструктурализм, это антиструктурализм. Люди просто элементарно устали от структур, от иерархий, организации всего и вся, от политики до сексуальности, культивируемых и навязываемых им несобственных желаний.

Это превосходение структурализмом самого себя: текст превращается в гипертекст, пространство в гиперпространство с бесконечным числом измерений и центр, централизация исчезает, почти по Плотину и Н. Кузанскому: Бог есть шар, центр которого везде, поверхность же нигде (= в бесконечности). Здесь фигуре Генерала уже нет места. Заметим, что у Генерала много имён: категорический императив Канта, первопричина или главная доминанта-детерминант, "Сверх-Я", *common sense* (общее чувство, здесь английский, пожалуй, лучше русского "здорового смысла". На бой с генералом призывается шизофреник – в самом деле, что может быть более противоположно носителю здравого смысла и общих норм?

Однако, сова Минервы за время полёта превратилась в жаворонка Авроры. Как всякая хорошая концепция или модель, ризома обладает не только обобщающей силой постфактум, но и в не меньшей (на мой взгляд, даже в большей) силе эвристической, предвидящей. Ризома, как выяснилось, может быть вещественной (реальное корневище, грибница, графическая структура) информационной (сеть интернет); ментальной, как состояние человеческого сознания, психики; социальной (стихийные активистские и волонтерские движения и, особо, соц. сети), политической (разного рода коммуны и "анархические" общественные образования, не имеющие пока серьёзного веса и влияния в мире, но упорно возникающие снова и снова) и даже финансовой (криптовалюты).

Сейчас достаточно много разговоров о создании ИИ, нейросетях и прочая, прочая. На мой взгляд, слово *искусственный* и *создание* здесь не совсем точны и изрядно сбивают с толку. Созданный человеком "интеллект" будет "слишком человеческим", калькой с

человеческого и потому вряд ли превзойдёт создателей. А вот самозарождение, возникновение киберинтеллекта в нейросетях типа ChatGPT лет через сколько-то, на мой взгляд, возможно. Этот интеллект, а лучше, мышление, будет, во многом, основываться на достижениях и наработках человеческого интеллекта, но не факт, что будет иметь те же цели и задачи, что человеческий. Не факт тем более, что он будет враждовать или пытаться подчинить себе человека. Вполне возможно, что он будет "перпендикулярен" человеческому, он будет мыслить о другом и по-другому. И вот такой "распылённый", абсолютно децентрализованный интеллект будет настоящим торжеством идеи ризомы.

Клеопов Дмитрий Алексеевич
Научный сотрудник Института исследований проблем времени (ИИПВ)

Л.А. Климкова (Арзамас)

Диалектный язык: ретроспектива и перспектива

Русский национальный язык имеет полевою структуру: ядро – *литературный язык*, центр – *территориальные диалекты (диалектный язык)*, периферия: ближняя – *просторечие*, дальняя – *жаргоны*, отдалённая – *арго*. Ядро и центр с необходимостью взаимодействуют. Русские народные говоры в своё время, наряду с церковнославянским языком, легли в основу литературного языка. Лексика их ещё долго, и в XX веке, питала, обогащала литературный язык. На протяжении веков диалектный компонент в русском языке был объёмным и актуальным, поскольку Россия была аграрной страной, безграмотное крестьянство с его диалектной речевой стихией составляло большинство её населения. Достаточно сказать, что, по историческим и статистическим сведениям, источникам, даже на рубеже XIX-XX веков городское население в стране составляло 17%, сельское же – 83 %. При этом русские диалекты всегда имели мощный общий фонд, были близки между собой. Это отмечал в своё время М.В. Ломоносов: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и сёлах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало понимает мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» («Предисловие о пользе книг церковных в российском языке»).

С 20-30-х годов XX века начинается, а во 2-ой половине его активизируется сближение диалектов с литературным языком, тем самым их трансформация, чему способствовала ликвидация безграмотности населения, обязательное семилетнее, а затем и десятилетнее образование, превращение страны в самую читающую в мире, урбанизация, сближение сельской и городской культуры, в том числе через изменение социальных и информационных связей, – всё это имело следствием распространение, усвоение норм литературного языка. Трансформацию ускорило и перемещение народных масс, концентрация их во вторичных местах проживания в связи с невиданным размахом строительства в СССР – новых городов, промышленных предприятий, гидроэлектростанций, железных дорог, хозяйственное освоение новых территорий и др. Процесс изменения говоров шёл так активно, что некоторые исследователи-горячие головы заявляли ещё в 50-е годы прошлого века о том, что диалектов в Советском Союзе уже нет. Однако это был преждевременный вердикт. Надо отметить и тот факт, что сближение, изменение диалектов происходило естественным путём: никто не запрещал диалекты (как это представляли в период перестройки и представляют некоторые деятели культуры). Более того, диалекты активно изучались по всей стране. Свидетельством тому

может служить активная собирательская и исследовательская работа преподавателей и студентов Арзамасского государственного института им. А.П. Гайдара. В последние десятилетия прошлого века и в первые десятилетия века нынешнего темпы трансформации территориальных диалектов возросли в связи с укрупнением населённых пунктов, исчезновением так называемых неперспективных сёл и деревень (более 37 тысяч их ушло в постсоветское время).

Значительные изменения претерпела прежде всего фонетическая система диалектного языка (см., например, наши заметки: Диалектные черты в ретроспекции и проспекции // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе: Тезисы докладов Международной конференции 30 октября – 01 ноября 2015 г. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. С 105-107). Какие-то черты, явления отодвинулись на уровень остаточных, просторечных. Более устойчива лексическая система. Из активного словарного запаса прежде всего уходит так называемая терминологическая лексика, слова-наименования реалий прежнего уклада сельской жизни, быта, сельскохозяйственного производства, они находятся в пассиве словаря, на пути превращения в разряд старинной лексики как языкового наследия. Региональная лексика отличает современную диалектную языковую личность. Она сохраняется и в языковой личности бывшего диалектоносителя, бывшего сельского жителя (см. об этом, например: Власкова М.В. Языковая личность бывшего сельского жителя: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2012. 283 с.), более того – она есть и в лексиконе личности образованного человека, с высшим образованием, даже филологическим, даже в лексиконе филолога высшей категории (см. об этом наши статьи: Диалектный компонент языковой личности бывшего сельского жителя // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / Отв.ред. С.А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2021. С. 185-206; Диалектный субстрат языковой личности филолога // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. № 2. М., 2021. С. 242-255).

Местная лексика, усвоенная человеком в детстве, остаётся с ним на всю жизнь, причем не только в его долговременной памяти, переместившись в пассивный словарный запас личности, используя чаще в речи жанра воспоминаний, но и в оперативной памяти, что относится особенно к нетерминологической, характеризующей лексике, которая актуализируется спонтанно в речи по мере необходимости в определённых коммуникативных ситуациях.

Территориальные диалекты живы (об этом, кстати, красноречиво свидетельствует работа по подготовке, составлению Лексического атласа русских народных говоров), хотя уже и значительно трансформированные. Диалектоносители и бывшие диалектоносители хорошо помнят речь своих (пра)бабушек и (пра)дедушек, способны легко её воспроизвести, воспроизводить, имитировать, хотя сами уже так и не говорят. Динамику говоров в целом и их лексической системы в частности можно вскрыть, используя сопоставительно-сравнительный метод, сопоставляя записи диалектной речи, сделанные собирателями, исследователями в разное время (см. хрестоматии текстов, региональные словари, в том числе иллюстративную зону словарных статей).

Русские народные говоры, хотя и уходящая натура, хотя пережили и продолжают переживать значительную трансформацию, но живы, функционируют и до полной их унификации, думается, ещё далеко.

Климкова Людмила Алексеевна,
Доктор филологических наук, профессор,
Основатель научной школы «Региональное слово в контексте народной культуры»

Повседневная жизнь заводского поселения конца XIX века в автобиографии служащего Майкорского завода

Уральские заводские поселения, пик развития которых пришёлся на вторую половину XVIII – XIX вв., стали местом появления особого типа русской культуры, совмещающего в себе элементы как традиционного крестьянского мира, так и городского миров (Голикова 2005; Чагин 2014). Изучение повседневности заводов сегодня возможно с помощью как методов устной истории, так и по материалам рукописных текстов, оставленных бывшими рабочими завода. Один из таких текстов был опубликован в 2017 году Коми-Пермяцким окружным государственным архивом. Автобиографические записи служащего Майкорского металлургического завода Филиппа Герасимовича Гудошикова (1880–1941) были написаны им в период с 1899 по 1901 гг. и охватывают годы его жизни с 1880 по 1901 гг. – с детства до получения постоянной работы на заводе.

Майкорский (Никитинский) железодельный завод был заложен в 1811 г. В.А.

Всеволожским, на рубеже XIX-XX вв. завод был модернизирован, появилось чугуноплавильное производство. В 1954 году в связи со строительством Камской ГЭС завод был окончательно закрыт, т.к. территория, на которой он находился, попала в зону затопления.

Первоначальным мотивом создания автобиографии для Филиппа Гудошикова стала мысль о том, «чтобы не забыть мне тех дней, в которые случалось со мной что-нибудь замечательное» (Гудошиков 2017). Структура автобиографии во многом обусловлена этим мотивом – автор описывает преимущественно значимые для него события (поступление на работы, посещение соседних заводов, примечательные случаи), однако, повествование о «замечательном» включает многочисленные детали о повседневной жизни завода. Опубликованные рукописные книги содержат сведения о видах заводских работ, на которые нанимался автор, способах поступления на работу в завод, досуге служащих завода, их зарплате, иерархических отношениях в заводской среде.

Филипп Гудошиков получил начальное образование в Майкорской школе, где ему привили любовь к чтению и интерес к учёбе (в автобиографии он пишет об изучении латыни уже после окончания школьного курса). Отец автора работал молотобойцем на заводской кузнице и желал для сына такой же карьеры, чему, однако, не суждено было сбыться. Тем не менее, некоторое время автор дневников проработал в кузнице, поэтому в тексте имеются подробные описания работы заводских кузниц.

Автобиография Филиппа Гудошикова – это и жизнеописание молодого человека (на момент создания первой из тетрадей автобиографии ему 19 лет), который ищет своё место в уготованной ему среде. Ему, имеющему не самое крепкое здоровье, склонность к чтению и письму, было, тем не менее, необходимо зарабатывать на жизнь, нанимаясь на различные тяжёлые физические работы в Никитинском заводе и на пристани в соседнем селе Усть-Пожва.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют «путевые» фрагменты автобиографии. Автор несколько раз ходил в село Пожва, где был также расположен крупный завод, в село Усть-Пожва для работы, в Чермозской завод, расположенный ниже по течению Камы, а также однажды решился на путешествие до Перми на пароходе. Подобные «путевые» фрагменты однозначно маркируются автором как значимые события. Для исследователей же они представляют ценность, поскольку показывают взаимосвязи между заводами, способы передвижения, маршруты и мотивы коротких путешествий заводских жителей.

Список литературы

- Голикова С.В. Культура горнозаводского населения Урала XVIII-XIX вв.: Жизнеобеспечение, ритуалы, религиозные верования: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 48 с.
Дневник Филиппа Герасимовича Гудошикова. 1880-1901. Кудымкар: ООО «Алекс-Принт», 2017. 418 с.

Клюйкова Екатерина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы
Пермского государственного национального исследовательского университета

С.А. Кожина (Москва)

Семантика перехода в произведениях Д. Годровой

Произведения современной чешской писательницы Д. Годровой представляют собой сложное гетерогенное полотно. Однозначная трактовка текстов писательницы является сложной (и едва ли возможна) однако в них можно выделить основные тематические блоки, вокруг которых вращается нарратив. Наиболее важной темой является мотив инициации. Характерной особенностью романа-инициации Годровой является процесс посвящения адепта в таинство. Прикосновение к тайне как правило сопряжено с выходом за границы мира реального (это, например, смерть в различных ее проявлениях) или попаданием в определенное «место с тайной»; чаще всего достаточно ярко маркирована граница, процесс перехода, спуска – катабазис. В текстах Годровой процесс инициации часто представлен в виде блуждания адепта в лабиринте города Праги, общением с мертвыми, отпечаток жизни которых сохранился в облике пражских локаций (Ольшанское кладбище, Старое еврейское кладбище, Виноградский театр и т.д.).

Так, в произведениях Годровой («Под двумя видами», «Куколки», «Тета», 1991 – романная трилогия «Город мучений»; «Спиральные предложения», 2010; «Вызываю», 2015; «Эта близость», 2019) ярким маркером перехода являются ворота Ольшанского кладбища, пройдя через которые персонажи попадают в гетеротопическое пространство кладбища, где «живые соседствуют с мертвыми», действуют свои законы времени (смешиваются прошлое, настоящее и будущее) и где происходит слияние памяти отдельной личности с памятью места и всех, кто в нем жил. Важную роль здесь играет мотив перехода: «[...] эта посмертная жизнь [...] выходит из берегов, постепенно переливается через стену кладбища, растекается по прилегающим улицам. И наоборот – то, что раньше жило снаружи, за стеной, постепенно умирает и переходит через стену. Это наивысший переход – Пасха – Песак. Мертвые словно оживали, а живые плетутся словно мертвые. И никто уже не разберёт, где кончается жизнь, а где начинается смерть»²². В работе «Город вижу...» (1992) повествование часто вращается вокруг бинарной оппозиции верха и низа: персонажи совершают мистические путешествия по подземным лабиринтам, поднимаются над Прагой на воздушном шаре и т.д. Примечательным во всех произведениях является мотив «прорастания» прошлого сквозь настоящее: «И, возможно, так однажды прорвутся на поверхность романские дома, запертые в подземельях домов готических, которые заперты в подземельях домов барочных...»²³.

Помимо ярко очерченных отдельных инициаций, маркированных переходом, все повествование Годровой можно охарактеризовать как мифологическое. Стартовой точкой повествования становится столкновение со смертью, повлекшее за собой желание приоткрыть завесу тайны давно умерших (прямое описание смерти или аллегорическое ее изображение часто являются отправной точкой повествования писательницы). Блуждания персонажей по Праге является способом постижения тайны исторической памяти. Таким

²² Hodrová D. Podobojí, Praha, 2017. S. 139.

²³ Hodrová D. Město vidím..., Pavel Mervart, 2009. S. 37.

образом, само по себе повествование становится длительным переходом адепта от непосвящённого в носителя тайны.

Кожина Светлана Анатольевна
м.н.с. отдела современных литератур ЦЮВЕ, ИСл РАН; ст.преп. кафедры славистики и
центральноевропейских исследований ИФИ РГГУ

С.Ю. Королёва (Пермь)

Семейные помянники в рукописной традиции русских-юрлинцев

Помянники – книги, куда записываются имена умерших для церковного поминовения – стали важной частью русской православной традиции в к. XIV – нач. XVI в. Вслед за храмовыми появились частные (родовые) списки. Первоначально их могли позволить себе лишь состоятельные (боярские, дворянские, купеческие) семьи, однако со временем такая возможность появилась и у других социальных слоев. В последней трети XIX – начале XX в. некоторые типографии (напр., книгоиздателя И.Д. Сытина) в числе продукции для сельского населения печатали дешёвые помянники в виде небольших книжечек. В советское время купить их было крайне сложно, и поминальные списки вновь стали рукописными. Сегодня средневековые русские помянники активно исследуются медиэвистами, тогда как более поздние разновидности остаются в положении «письменных маргиналий», почти не привлекающих внимания. Между тем их составление, оформление и использование отличаются разнообразием форм, которые представляют интерес не только для этнографов, но и для филологов.

С 2013 г. по настоящее время в экспедициях Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ ведётся сбор сведений о современных семейных помянниках. К числу территорий, где они активно функционируют, относится Юрлинский район Пермского края, где русские проживают в коми-пермяцком окружении и хорошо сохраняют традиционные поминальные практики. Помянники здесь обычно хранятся не в церкви, а дома, и активно используются в ходе обрядов. Способы записи имен часто отступают от церковных рекомендаций и отличаются большим разнообразием.

В помянник рекомендуется вписывать церковное имя, лучше – в форме родительного падежа (это обусловлено грамматическим строем молитвенных поминальных формул, предваряющих чтение списка). Допускается краткое указание на возраст («младенца») или обстоятельства смерти («воина»), иные приписки не желательны. В частных помянниках эти правила соблюдаются не всегда. Так, в печатном помяннике нач. XX в. из д. Сергеево встречаются краткие (*Любу младенца; Валю младенца; Толю младенца*) и даже диалектные формы имени (*Петровна воина; Олександана*). Жительница с. Усть-Зула сделала помянник из половины тонкой тетради; она пыталась использовать р. п., но произвольно подменила его формой и. п., мн. ч. (*За упокой Григорий, Николаи, <...> Василии, Яковы, Романы, Алексеи, Егоры*). В более позднем списке из этого села наблюдается сбой с р. п. на и. п. (*Марию, Николая, Матвей, Петрован (воин)*), отмечены близкие родственники (*Якова дед, Матрёну баба, Тимофея прадед* (термины родства написаны мельче, другими чернилами)), иногда имеются даты смерти (*Александр / 3 мая; Августа 8.9.08*).

Указание на родство и дату ухода из жизни – наиболее типичные отступления от канона. По-видимому, частотность этих приписок связана с тем, что они существенно расширяют «функционал» помянника: даты указывают на важные для владельцев поминальные дни, термины родства обеспечивают трансмиссию семейной памяти. В списке из д. Мухоморка родство становится обязательным элементом, имя указывается с

отчеством и фамилией (*бабушка Поздеева Елена Андреевна; дедушка Поздеев Михаил Николаевич 1.08.1966 г. умер* (термины родства и имена подчеркнуты черными чернилами)). Список включает родственников и свойственников, немногие исключения пояснены (*живём на усадьбе Копытова Ксения*). Еще более яркими особенностями отличаются помянники местных ритуальных специалистов, помогающих проводить поминки, а также жителей, занимающихся историей местных семей (краеведов, библиотекарей и др.). В единичных случаях списки дополняют генеалогические древа и развернутые комментарии, что еще больше размывает жанровые границы помянника, которые предполагают лаконичность записей и довольно строгое следование канону.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00484, проект «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении» (<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>).

Королёва Светлана Юрьевна
канд. филол. н.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
доцент кафедры русской литературы,
зав. Лабораторией теоретической и прикладной фольклористики

П.В. Королькова (Москва)

«Парадный» и маргинальный Париж в творчестве хорватских писателей и художников первой половины XX в.

В докладе будет рассмотрена проблема рецепции Парижа в первой половине XX в. на материале хорватской литературы и живописи, которые в исследуемый период оказываются тесно связаны. В европейском искусстве последняя четверть XIX в. – это время, когда живопись перестает быть литературной (повествовательной, сюжетной), а литература становится «живописной», что связано с открытиями модерна и прежде всего импрессионизма. Таким образом, активизируется текстообразующий потенциал Парижа, что можно наблюдать на материале целого ряда европейских литератур.

Впервые образ французской столицы появляется у хорватов в поэзии Сильвие Страхимира Краньчевича (конец XIX в.), однако по-настоящему тема Парижа «врывается» в хорватскую литературу с фельетонами и эссе Антуна Густава Матоша, открывшего национальной литературе образ богемного чудака и «фланера» и способствовавшего ее освобождению от провинциального патриотизма. Образ Парижа в очерках Матоша амбивалентен: писатель рисует не только «парадную» сторону действительности, но и мрачные образы, родственные натуралистическим картинам Э. Золя и Ш. Бодлера. Париж для хорватского писателя – это Мекка и Иерусалим, Афины и Александрия, но вместе с тем Содом и Вавилон.

Париж воспринимается Матошем прежде всего через категорию пространства: само фланерство и Матош-фланер – порождения парижского (и в целом городского) мифа эпохи модерна. Писатель создает собственную топонимику города: значимые топосы для него как для фланера – это прежде всего бульвары и пассажи, где проживается жизнь мегаполиса, набережная Сены, но также и парижские трущобы (они стали достоянием литературы в эпоху реализма и натурализма). Эти топосы – символы «старого», традиционного (Нотр-Дам-де-Пари) и «нового» (Эйфелева башня, метро). Пространство Парижа театрално, а его топонимика – как «парадная», так и «маргинальная», глубоко индивидуальна и определяется личностью самого автора. Эта дихотомия (Париж –

одновременно город цивилизации, искусств и ужасающей нищеты) является одной из главных составляющих парижского топоса, утвержденного в хорватской литературе Матошем.

Вслед за Матошем схожим образом рисуют этот город Т. Уевич, З. Милкович, Д. Иванишевич, С. Батушич, Д. Штамбак и др. Мы проанализируем, как в текстах хорватского писателя формируется «парижский миф», основанный на особом парижском хронотопе, и какое развитие он получает в последующие десятилетия. Мы также покажем, как Матош способствовал развитию травелога как художественного произведения, его переходу из сферы «литературной периферии» в область «ядра».

Расчетом с эпохой модерна и ее «парижским мифом» станет новелла Мирослава Крлежи «Ходорлахомор Великий» (1919 г.), в которой герой, всю жизнь мечтавший о Париже, глубоко разочаровывается при столкновении с действительностью французской столицы. Париж в мечтах Перо Орлича и Париж, с которым он сталкивается, не просто противопоставлены друг другу, а с точки зрения ментальной географии являются разными городами с разным содержанием. В Загребе на открытках и в книгах о Париже Перо видит «парад знаковых мест» (В. Жмегач); когда же он приезжает в город, то сразу сталкивается с его «темной» стороной – серыми грязными улицами, и читатель вместе с героем видит исключительно нищий, жестокий город без конкретных топосов.

Импрессионизм – главный художественный прием, к которому прибегает Матош, а экспрессионизм – доминанта художественного метода Крлежи. Мы рассмотрим вопрос о том, какое влияние на их литературные техники оказала живопись как французских (импрессионисты и постимпрессионисты, пуантилисты, П. Сезанн), так и национальных художников (В. Буковац, М.К. Црнчич, Й. Рачич Н. Петрович и др.).

Королькова Полина Владимировна
К.ф.н., доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Института филологии и истории
Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

К.П. Костомарова (Москва)

«Три препарата приобретаете на сто» – о языке продавцов в электричках

Электричка – пространство, в котором мы часто оказываемся бок о бок с маргинальным. В частности – с маргинальной речью торгующих в ней продавцов, особенностям которой будет посвящен доклад. Основными характеристиками «речей» продавцов из электричек можно считать их формульность и эклектичность: сочетание в одном предложении разговорно-сниженной лексики с канцеляризмами и официальной лексикой (*данный, стоимость, идет* в значении ‘входит в комплектацию’). Язык продавцов в электричках интересен необычным набором факторов, под влиянием которых он формируется и изменяется: «речи» продавцов имеют четкую прагматику, они должны длиться не дольше нескольких минут, быть убедительными и понятными покупателю. Важным оказывается и то, что продавцы обычно выучивают свои рекламные выступления наизусть и произносят их много раз подряд, доводя воспроизведение текста до автоматизма. Самыми характерными особенностями «речей», сформировавшихся в таких условиях, оказываются:

1. Регулярное употребление диминутивов – *Вырываются петельки на шкафчиках с мясом, ничем не приклеить? Две-три капельки клея, вырвете уже со стеной;*

2. Длинные, часто номинативные перечисления – *Режут они [ножницы] совершенно все: любой провод, сетку Рабица, линолеум, ковролин, кожа, резина, жесть листовая, ноль пять, как бумагу, хотите – волосы, хотите – когти собак, кошек – без проблем;*
3. Сочетание разговорной и официальной лексики – *После нанесения надо подождать от десяти секунд до десяти минут. Это зависит от того, какие пятна с какой ткани удалять, но, в данном случае, посмотрите, процесс распада пятен уже начинается. Это видно невооруженным взглядом. А вот, пока все это происходит, я немножко перечислю...*
4. Ошибки в употреблении отдельных слов и грамматических оборотов – *Она [линза] не бьется, не ломается, весит всего лишь полтора грамма, что является одним из самых легких оптических приспособлений в мире.*

Корпус рассматриваемых «речей» состоит из ~50 аудиозаписей, собранных за 2020-2023 гг. во время поездок в подмосковных электричках ярославского направления. Прагматика, повторяемость, общие стилистические особенности и строгая композиция позволяют рассматривать «речи» продавцов как отдельный речевой жанр, структура которого практически полностью совпадает со стандартным формуляром актового источника:

1. Приветствие и указание на адресата – *Дорогие хозяйюшки, прежде всего к вам обращаюсь; Для вас принес сегодня новиочку в области очистителей;*
2. Мотивы продажи – *Часто пожилые люди спрашивают про роговые оправы; Средство «Свежинка Супер крот». «Кротом» пользовался практически каждый, так вот новейшая разработка в этой области, более мощная, более эффективная;*
3. Суть дела;
4. Заключение-благопожелание, разделяющееся на три основных типа
 - 4.1 Готовность ответить на вопрос – *Кому что нужно, пожалуйста, спрашивайте; Кому интересно, пожалуйста обращайтесь, я подойду; Кто чем заинтересовался обращайтесь; Кого заинтересовало обращайтесь;*
 - 4.2 Активное предложение – *Кто желает, пожалуйста; Пожалуйста, пакеты, пленочка; Всем приятного пути, спасибо за внимание, пожалуйста;*
 - 4.3 Пассивное предложение – *Итак, ножеточка. Принимаются также онлайн-переводы; Итак, пожалуйста, профессиональный Корейский клей, 300 рублей цена.*

Костомарова Ксения Павловна,
студентка магистратуры филологического факультета МГУ,
м. н. с. ИРЯ РАН

А.Г. Кравецкий (Москва)

Газеты, в которые нельзя заворачивать селедку: массовое производство и оскорбление чувств

Для церковной традиции осквернение образа является осквернением первообраза, поэтому священные изображения нельзя было выбрасывать. Обветшалые, не пригодные

для использования книги или иконы сжигали, пускали по воде или хранили на чердаках. Пока иконы и книги были сравнительно дороги и малотиражны, ситуации, когда священное изображение вдруг оказывается в неподобающем месте, возникали сравнительно редко. Но машинное производство, возможность массового тиражирования, появление открыток и рекламной печатной продукции изменило ситуацию.

В конце XIX – начале XX в. Синоду приходилось по просьбе Министерства торговли и промышленности участвовать в утверждении товарных знаков (если там использовался крест), рассматривать почтовые открытки, граммофонные пластинки и т.д. Характерно, что в архивных делах, посвященных этой тематике, периодически встречается выражение «оскорбление чувств верующих». В НКРЯ это выражение появляется приблизительно в это же время.

Назовем некоторые сюжеты, на которые Синоду приходилось реагировать:

- Иконы массового производства, в которых прописаны лишь те фрагменты изображений, которые видны под окладом, а также иконы, в которых на свитках, находящихся в руках у святых, помещен товарный знак иконописных мастерских. В определении Синода по этому поводу говорилось, что такие иконы имеют характер «оскорбительный для религиозного чувства».

- Запись духовных песнопений на граммофонных пластинках. Здесь смущение вызывало, во-первых, то, что записанные духовные произведения могли прослушиваться в неподобающих ситуациях, а во-вторых, что пластинки могли продаваться в магазинах, принадлежащих иноверцам. Синод прямо не запретил продажу пластинок, но категорически запретил клирикам исполнять духовные песнопения под запись.

- Распространение открыток, содержащих репродукции картин на библейские сюжеты. Здесь смущала как возможность поставить почтовый штамп на священное изображение. Ввоз в Россию открыток с изображением картин Дрезденской галереи был запрещен.

- Использование священных изображений на товарных знаках. Синод запрещал товарные знаки, на которых, например, была изображена часовня с крестом. В утвержденном Синодом варианте часовня осталась, но креста на ней не было.

Массовое производство святынь, против которого сражался Синод, было переосмыслено в советское время. При отсутствии нормальной церковной утвари дореволюционные открытки и советские репродукции картин на библейские сюжеты стали широко использоваться при изготовлении икон домашними способами. А во второй половине XX века, когда стали записываться духовные концерты, это воспринималось уже не как нечто близкое кощунству, а как свидетельство о православии.

В постсоветское время ограничения на использование христианской символики были сняты. Бутылки кагора с куполами и крестами на этикетках, календари с иконами, православные газеты, в которых напечатаны тексты молитв, получили самое широкое распространение. При этом пустая бутылка, использованный календарь и смятая газета в конце концов оказывались в мусорном бачке. Правда, в православных газетах иногда содержатся призывы не выбрасывать газету и не использовать ее в хозяйственных нуждах. Таким образом, ответственность за неблагоговейное обращение со священными изображениями оказывается сферой ответственности пользователя, а не производителя. В коммерческом использовании христианской символики перестали видеть кощунство.

Кравецкий Александр Геннадьевич,
к.ф.н., ведущий научный сотрудник ИРЯ РАН

Т.Ю. Кравченко (Москва)

Трансформации «образа врага» в романе Константина Федина «Города и годы»

Временной промежуток действия романа – 1914-1920 годы, то есть время Первой мировой войны и революции. Место действия – Германия (провинция) и Россия (Петербург и провинция).

Военное время, как правило, обостряет оппозицию свой-чужой до крайности, и вся пропаганда воюющих сторон усиленно работает на создание «образа врага». Этот образ присутствовал в жизни немецкого городского обывателя и в довоенное время, но его место было где-то на периферии, и это обязательно был враг уже побежденный, поверженный. Голова серийного убийцы Карла Эберсокса, как и головы других казненных преступников, выставлены в тире городка Эрланген, и любой желающий может запустить в них тряпочным мячом. Все меняется с августа 1914-го: «образ врага» наполняется новым смыслом, теперь это не те, кто совершил какое-либо антиобщественное деяние, теперь врага определяют исключительно по национальному признаку. Обыватели преисполнены государственным патриотизмом, который исключает аналитическое осмысление ситуации. «Бывают случаи, в которых думать нельзя», – говорит художник Курт Ван и демонстративно отвергает русского Андрея Старцова, которому он еще недавно клялся в вечной дружбе. «Образ врага» (все русские, французы, бельгийцы и т.д.) ясен и не вызывает сомнений и у солдат, которые отправляются на фронт, и у их жен, остающихся дома.

Чем дольше длится война, тем меньше действует пропаганда, отступая перед реальной жизнью. Государственный «образ врага» разбивается о бесконечную вереницу слепых пленных, бредущих через городской парк, разбивается арестами мирных соседей (клоуна-бельгийца мсье Перси). Наносной патриотизм не выдерживает испытания ужасами войны, кульминацией становится бунт женщин-вдов немецкого городка Бишофсберг, происходит стихийная переадресация: теперь враг – те, кто отправляет солдат на бойню, «образ врага» сливается с «образом войны». Враг – сама война.

Курт Ван, попав в плен в России, переосмысляет события, вступает в партию большевиков и принимает участие в революции. Оппозиция свой-чужой диаметрально поменялась, и он готов понести наказание от Андрея Старцова во искупление прежней вины. Для Курта «образ врага» – неотъемлемая часть жизни, он просто не умеет жить по-другому. И, когда Старцов (друг) совершает, с точки зрения Курта, предательство, помогает бежать из плена маркиграфу Мюлен-Шенау, Курт немедленно переводит его в категорию «враг» и убивает. Все человеческие, дружеские, любовные отношения у Курта подчинены той идеологии, в которую он в данный момент верит.

Маркиграф Макс фон цур Мюлен-Шенау – казалось бы, антипод Курта Вана, но самом деле это тот же самый тип характера. В его мире тоже обязательно присутствие «образа врага», но этот образ совпадает с созданным государственной пропагандой и отвечает общественному положению маркиграфа. К ненависти «по должности» добавляется и личная ненависть отвергнутого влюбленного, и Мюлен-Шенау безжалостно мстит врагам, и Андрею Старцову (как русскому и как счастливому сопернику в любви), и Курту Вану (как большевику, уничтожая его картины). Но «образ врага» у Макса фон цур Мюлен-Шенау растет, растет, и в конце концов охватывает уже весь мир. Врагом становится сама жизнь.

Интересно, что у Мари Урбах, невесты Макса и возлюбленной Андрея Старцова, все происходит наоборот: в начале романа «образ врага» для Мари – весь мир, все, что ее окружает, а в конце романа Мари уже ни в каком «образе врага» не нуждается, она свободна. Но «образ врага» Мари изначально никак не был связан с идеологией, для нее враг – это все, что стесняет ее личную свободу.

Итак, «образ врага» в сознании персонажей может меняться вместе с изменением мировоззрения, обстоятельств, приобретением жизненного опыта, но в той или иной степени он присутствует у каждого героя романа, за исключением одного – главного героя, Андрея Старцова. Старцов болезненно отвергает любую вражду, стремится к любому миру. Но, кажется, отношение Константина Федина к этому персонажу можно проиллюстрировать цитатой: «Ты не холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3:15-16)

Кравченко Татьяна Юрьевна,
хранитель книжных фондов ГМИРИ (ГЛМ),
член Союза российских писателей

А.А. Красин (Москва)

«Они все бессовестные лицемеры...» (Сравнительное исследование бахрейнских дневников и мемуаров Чарльза Белгрейва)

Сэр Чарльз Дальримпль Белгрейв с 1926 по 1957 гг., был экономическим советником бахрейнских хакимов Хамада ибн Исы и Салмана ибн Хамада из династии Аль-Халифа. Хотя формально советник был подчинен правителям Бахрейна, Чарльз Белгрейв был тесно связан с Форин-офисом и являлся еще одним винтиком в системе колониального управления Британской империи. Двойственность положения Чарльза Белгрейва, уважаемого и ненавидимого, как бахрейнцами, так и частью чиновников метрополии, сама по себе является ярким примером «колониального раздвоения» (по выражению Хоми Бабы в переводе А. Эткинда) или «колониальной амбивалентности».

На основании сравнения личных дневников Чарльза Белгрейва из архива Университета Эксетера, и его автобиографии под названием «Личная колонка» исследуются синтаксические и лексические структуры, создающие и поддерживающие двойственное описание действительности «для себя» (в личном дневнике) и «для других» (в мемуарах).

Обратимся, например, к словосочетаниям, связанным с такими словами, как «империя» («империализм», «империалист»). В мемуарах Белгрейва почти не встречается упоминаний об Британской империи и, конечно, не высказывается никакого сочувствия империализму. Упоминания «Colonial Service» или «Agents», курирующих политику Бахрейна, приводятся без дополнительных уточнений, просто как приметы времени. Словосочетания со словом «империализм» выделены одинарными кавычками и принадлежат оппонентам Белгрейва, например:

«The Saut Al Arab broadcasting station in Cairo made violent attacks on me and on 'British imperialism' in the Gulf, but Cairo had to exercise care» («Радио "Саут аль-Араб" в Каире совершало яростные нападки на меня и на 'британский империализм' в Заливе, но Каиру приходилось проявлять осторожность» – перевод мой)

Белгрейв пытается показать необоснованность упреков Великобритании в империализме и с помощью одинарных кавычек «отгораживается» от ингерентной негативной коннотации слова «imperialism».

Но вот в своих дневниковых заметках он не стесняется использовать однокоренное слово «imperialist» без кавычек.

«Reid, Dick Snow & to dinner, afterwards we sat outside on the terrace & R talked, most interestingly about politics. He speaks well & is a real Imperialist» («Рейд, Дик Сноу & на обеде, после мы сидели на террасе & Р [Рейд] говорил, особенно интересно о политике. Он хорошо говорит & настоящий империалист» – перевод мой)

Примененное в качестве характеристики к одному из знакомых слово «imperialist» обретает адгерентную положительную (мелиоративную) коннотацию.

Выражение «колониальной амбивалентности» в литературе и языке исследовалось в трудах классиков постколониальных исследований (Хоми Баба, Эдвард Саид, Гаятри Спивак), однако анализу подвергались в основном сакральные или художественные тексты. Данный доклад предлагает обратить внимание на «маргинальные» тексты, созданные непосредственным участником процесса колонизации и деколонизации. Во многих отношениях и наш герой оказывается политическим «маргиналом»: Бахрейн – это часть «неформальной» Британской империи, имеющий «независимого» правителя, во всем оглядывающегося на указания из Лондона; Чарльз Белгрейв – советник, подчиненный хакиму, но подыскивает его на эту должность британский Форин-офис; главные события деколонизации происходят за пределами Бахрейна, но успехи революции в Египте или победа лейбористов на выборах в Великобритании непосредственным образом влияют и на прочность положения Чарльза Белгрейва.

В докладе будет сделана попытка добавить штрих в понятие «колониальной амбивалентности» на основе анализа и сопоставления данных источников.

Литература

1. Belgrave Charles Dalrymple, Personal Diaries 1926-1957. University of Exeter Archives. GB 29 EUL MS 148, 2 April 1926
2. Belgrave, Charles Dalrymple. Personal Column. N.p., Librairie Du Liban, 1996.
3. Homi K. Bhabha, "Signs Taken for Wonders: Questions of Ambivalence and Authority under a Tree outside Delhi, May 1817," in *Race, Writing and Difference*, ed. Henry Louis Gates, 163–84. (Chicago: University of Chicago Press, 1986). 22.
4. Spivak, Gayatri Chakravorty. *Myself Must I Remake: The Life and Poetry of W. B. Yeats*. United States, Crowell, 1974.
5. Филиппова М.М.. "Изучая концепт "Hypocrisy" (лицемерие) в культурах англоговорящего мира: что полезного мы можем почерпнуть?" *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, no. 1 (789), 2018, pp. 365-381.

Красин Артём Александрович
соискатель на звание кандидата наук (окончание аспирантуры - 2024 г.)
Филологический факультет МГУ им. Ломоносова, кафедра английского языкознания

С. А. Крылов (Москва)

Язык русских универсальных энциклопедий как «маргинальный предмет» лингвистического исследования

Настоящий доклад примыкает к докладу Крылов 2023.²⁴

Разумно полагать (вслед за Ф. де Соссюром, Л. В. Щербой и др.), что языковая система как таковая не дана нам в прямом наблюдении, но лишь через те или иные её проявления в человеческой речевой деятельности.

Язык русских универсальных энциклопедий (УЭ), как и любой язык, проявляет себя лишь в речевом материале, то есть в текстах этих УЭ. Для постижения всего богатства системы языка русских УЭ (ЯРУЭ) надо исследовать не какой-то один отдельный текст, а по возможности относительно полную совокупность текстов УЭ - хотя и относительно ограниченную, но всё-таки довольно обширную. Потому к её изучению разумно применять методы корпусной лингвистики (КЛ).

²⁴ См. Крылов 2023.

Но чтобы исследовать УЭ методами КЛ, нужно, чтобы корпус текстов УЭ существовал. Между тем в составе ни одного из корпусов РЯ ни одна из УЭ вообще не представлена.

А изучается ли ЯРУЭ в «не-корпусной» лингвистике (напр., в русистике), (а также в филологии, философии, логике, психологии, информатике, науковедении, книговедении, библиотековедении и т. п.)? Увы, нет! То внимание, которое принято уделять ЯРУЭ в современной науке, является сугубо периферийным (= «маргинальным»). Так что ЯРУЭ - «маргинальный» предмет исследования (лежащий как бы «на обочине», «на периферии» науки).

Между тем в некоторых аспектах УЭ – это особый жанр текстов, характеризующийся следующими содержательными особенностями.

(1) УЭ содержат информацию, которую данный социум в данную эпоху позиционирует в качестве «истинной», и потому может быть названа совокупностью «знаний». Этим УЭ отличаются не только от «не-научных» текстов, но и от некоторых жанров научных текстов (статей или книг), содержание которых относится к самому процессу научного исследования (постижения истины) (так, для УЭ нетипичны такие научные обороты, как *рассмотрим, возьмём, покажем, что, возразим* и т. п.).

(2) УЭ (в отличие от отраслевых энциклопедий) охватывают не какую-то ограниченную предметную область (ПО), а все ПО (или «универсальную» ПО).

(3) УЭ (в отличие от толковых словарей) содержат информацию не только и не столько о внутренней структуре языка (в данном случае русского), но о самой внеязыковой действительности (о мире, универсуме), фрагменты которой соответствуют заголовкам статей.

(4) УЭ (в отличие от толковых словарей) претендуют на научность, и потому в случае различия между научной и «наивной» («бытовой», «обыденной») картиной мира стремятся к тому, чтобы предложить читателям именно «научную» (НКМ данной эпохи).

(5) УЭ (в отличие от просто сборника научных статей) стремятся к тому, чтобы предлагаемая НКМ была бы (по возможности) связной и систематичной.

В настоящее время идёт работа над созданием особого корпуса русского языка энциклопедий (ЭнциКРЯ). Ядром ЭнциКРЯ являются УЭ. К настоящему времени традиция создания УЭ на РЯ насчитывает уже около трёх веков.²⁵

Таким образом, корпус УЭ позволит нам систематически представить (исторически меняющуюся) русскую НКМ последних трёх веков.

Литература

- Кауфман И. М. Русские энциклопедии. М.: Министерство культуры РСФСР, 1960. — 103 с.
Крылов С. А. Научная картина мира как компонент ментального лексикона: фоновое знание энциклопедической информации о мире как фактор взаимопонимания речевых коммуникантов // Понимание в коммуникации. Тезисы докладов X Международной междисциплинарной научно-практич. конференции (ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН при участии МГПУ и ГАУГН. С 19 по 21 апреля 2023 года).

Крылов Сергей Александрович
д.ф.н., Москва, ИВ РАН

А.А. Кузнецов (Нижний Новгород)

²⁵ См. Кауфман 1960.

Писатель Н.И. Кочин между славой и полужабвением, советской лояльностью и оппозицией

Николай Иванович Кочин (1902–1983) в негласной нижегородской писательской табели о рангах занимает II–III место после Максима Горького, П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Он родился между Нижним Новгородом и Арзамасом, в селе Гремячая Поляна. Работал селькором, в 1920–1924 гг. – учился в пединституте; учительствовал в Павлове, Туапсе. Ворвался в литературу в 1928 г. романом «Девки», тогда же переехал в Нижний Новгород. Был делегатом I съезда советских писателей. Опубликовал «Записки селькора», «Тарабара», «Парни», «Юность». В 1940 г. вступил в ВКП (б), летом 1941 г. возглавил Горьковское отделение Союза писателей. В Войну писал о советской деревне в военных условиях и о зверствах немцев. После Войны «Юность» объединил в тетралогию с «Гремячей поляной», «Нижегородским откосом» и «Семёном Пахаревым». В советское время издавались его собрания сочинений. Кочин числился в рядах горьковской номенклатуры. «Девки», «Нижегородский откос» издаются и сейчас.

После 1991 г. силами дочери писателя – Е.Н. Калачевской, защитившей кандидатскую диссертацию по его творчеству, широко стало известно о 10-летнем лагерном заключении Кочина в 1943–1953 гг., были изданы написанный в 1942 г. роман «Святослав», сборник тюремных рассказов «Зона», фрагменты его дневника и повесть «Путь Савла» (о церкви города Горького в начале 1960-х гг. – в условии атеистических гонений). И. Кочин ныне известен как опальный писатель, пострадавший за правду, борец со сталинизмом и мастер, писавший «в стол».

При этом игнорируется противоречие: благополучное партийно-государственное существование с перерывом на лагерь и реабилитацию в 1956 г. и слава честного борца. Разрешить его позволяет следственное дело Кочина и его подельников П.Н. Штатнова, А.Я. Патреева, М.М. Залесина (Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2209. Оп. 3. Дд. 5596, 5597). Из него выясняется, что у советских карательных органов к Кочину имелся давний счёт. В 1920-е гг. его однокашник даже написал донос в ГПУ о том, что Кочин не является тем советским человеком, как позиционирует себя, и тихо критикует советскую власть. Другой свидетель сообщил, что учитель Кочин в Павлове проводил антисоветские и протроцкистские мероприятия. При этом в романе Кочина «Семён Пахарев» (1981 г.), каме²⁶ автора, описан как верноподданный коммунист, во всем лояльный советской власти.

В Горьковском отделении Союза писателей до Войны Кочин критиковался за неискренность, а в ряде следственных дел 1930-х гг. он подавался как один из антисоветчиков. Арестовали его в 1943 г. за разговоры о слабости Красной Армии, неизбежности и прогрессивной необходимости победы вермахта и пр. М.М. Залесин упрекнул Кочина в злой критике Советской власти и пользовании её благами, напомнив про В.Г. Короленко, смело выступавшего против царизма в своих произведениях. На следствии Н.И. Кочин во всём признался (пыток не было). И не раз записывался на допрос, чтобы добровольно дополнить свои показания.

После XX съезда КПСС Кочин стал добиваться реабилитации, упирая на то, что его оболгали, что он всегда был верен партии и социализму. Однако приглашенные свидетели подтвердили свои показания и выступили против реабилитации. Тем не менее, Кочин был реабилитирован.

В 1960-е гг. Кочин попытался повторить успех «Девки» тюремными рассказами. Они были написаны в духе и стилистике «Одного дня Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, но уступают ему в литературном смысле. И написаны сразу после

²⁶ *Камео* — эпизодическая роль (в кино, в театральной постановке, теле- или радиопередаче, видеоигре и т. д.), исполненная известным человеком и зачастую не указанная в титрах (калька с англ. слова) Википедия (*Прим. ред.*).

публикации тюремных текстов Солженицына, но на этом всё закончилось. И самым честным произведением, написанным Кочиным в 1964 г., стал неровный в литературном плане «Путь Савла».

Кузнецов Андрей Александрович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства
Института экономики и предпринимательства
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

О. А. Кузнецова (Москва)

Заметки на полях басен (XVIII – XIX вв.)

Восприятие басенных текстов продолжает традицию чтения средневековых притч о животных. Природа – алфавит Творца, и «зверовидные» персонажи представляют в лицах поучительные и занимательные примеры, необходимые для воспитания «настоящего человека». Эта идея лежит и в основе книжной эмблематики, которая популяризировалась в России с начала XVIII века. Прикладные эмблемы также имеют пересечения с басенными сюжетами: волк с цаплей, лиса с журавлём, хитрая ворона и нерадивая обезьяна сходят со страниц гравированных книг и размещаются в интерьерах.

В XVIII – XIX вв. карманные издания «Эсоповых притч» (1700, 1712) и «Зрелища жития человеческого» (1712) использовались в качестве учебников. В предисловии к переводам А. Винуса сказано, что басни будут полезны всем, «наипаче же младым отроком, иже во дверь сего многмятежнаго вступают жития». Видимо, в качестве задания, юные читатели этой книги могли записывать на свободном месте краткую мораль, не совпадающую дословно с печатным текстом, иногда своеобразную.

Одна из самых примечательных читательских записей – трогательная эпистолярная приписка к басне «О василиске и горностае» (РГБ МК Н-740): «Вы пахожы на гарнастайку дай бог чтобы с вами никохда падобныи василиски не повстричались...». Чудовищный василиск оказался настолько впечатляющим, что иллюстрация дополнительно подписана от руки: «Василиск» (другие персонажи такой подписи не имеют). Далее, уже более уверенным почерком и с меньшим количеством ошибок, будет сделана запись о торжестве ума и хитрости над физической силой – упрощённая вариация морали исходного текста. Судя по всему, этот почерк принадлежит юной читательнице начала XIX века, которая далее записывает своё имя, добавляет на свободных листах поучительные стихи, вроде четверостишия из «Эдипа в Афинах» В. А. Озерова, и список литературы, куда входят произведения Жанлис, Дюкре-Дюминиля, Шатобриана, Коцебу, Августа Лафонтена и др. Более детским почерком запечатлена таблица умножения чисел от одного до пяти и характерные для учебных книг маргиналии: записи начала алфавита, каракули, копирование коротких исходных текстов (в данном случае заголовков басен).

Для изложения морали в основном используется обратная сторона листа с гравюрой – то есть текст размещается перед басней. Исключение составляет басня «О лисице и журавле»: высказывание «Это называется платить тою же монетой» уместилось сверху и сбоку от рамки иллюстрации. Прокомментированы не все басни, а ближе к концу сборника интерес читателя к свободному пространству совсем угасает.

Некоторые моралистические записи несут отпечаток высокого стиля, что наводит на мысли о диктовке взрослого или использовании не установленных пока источников.

Однако встречаются среди них и те, которые выдают неопытного писца: не слишком искусные формулировки («посредственное состояние есть самое щастливейшее из всех, потама что тогда живут свободно и щастливо») и слишком общие («сии вороны были, есть и будут» – к басне о вороне, обманувшем орла). Басня «О пифике и чаду ея» – про обезьяну, которая слишком баловала одного ребёнка, отчего и лишилась любимца – в варианте Винуса порицает чрезмерную любовь к детям. Но в этом случае читатель не пытается перефразировать мораль, а пересказывает сюжет, делая акцент на недостаточном внимании к нелюбимому ребёнку: «Между людьми это очень часто случается: многие матери и отцы любят детей своих неравно: одного ласкают, занимаются им, а другого оставляют в унынии». Последний пример демонстрирует личное отношение читателя начала XIX в. к известной ситуации, которая повторяется с древнейших времён.

Кузнецова Ольга Александровна
К. ф. н., научный сотрудник филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Кулакова И.П. (Москва)

П.П. Свиньин как объект критики "арзамасцев" (к проблеме становления национального самосознания в России)

Мне уже приходилось писать о Павле Петровиче Свиньине как путешественнике, журналисте, ревнителе традиций и собирателе древностей (Кулакова И. "Отечественный мечтатель" // Отечественные записки. 2002, № 3). Останавливалась я и на конфликте, возникшем между ним и молодыми литераторами, входившими в закрытое дружеское общество и литературный кружок «Арзамас» (или Арзамасское общество безвестных людей), существовавший в 1815-1818 гг. Они, сторонники нового «карамзинского» направления в литературе, выдвигали задачей борьбу с "архаическими" литературными вкусами и традициями (защитники которых состояли в обществе «Беседы любителей русского слова», основанном А. С. Шишковым). Конфликт этот был подогрев разными обстоятельствами, среди которых и черты личности Свиньиной, его стремление наладить связи с властью предрежащими и пр. Однако в данном случае я хотела бы отметить, что, выступая прогрессистами, молодые литераторы смеялись над человеком, воплощавшем одно из самых актуальных европейских культурных направлений, – *антикварианизма*. Посетив Британию, Свиньин познакомился с этой практикой, которая в Западной Европе формировалась уже пару веков.

Антикварное знание как "преднаука" 17 века было прямым продолжением ренессансного гуманизма и основывалось на исследовании артефактов, "древностей", перерастая в комплексное исследование прошлого по его материальным и нематериальным фрагментам. Антиквары никогда не считали себя историками, поскольку история воспринималась как повествование, основанное на письменных данных. Антиквары впервые были вынуждены обратиться к критике исторических источников, и впоследствии эти практики породили археологию, нумизматику, палеографию, сфрагистику.

В основе труда антикваров 18 века уже лежало составление всеобъемлющего свода знаний национальной культурной традиции. Раннемодерные нации воплощали свою идентичность в собирании артефактов, выявлении национального облика, в интересе к литературному народному творчеству.

Пропаганда Свиньиным некоторых форм этой деятельности привела к укреплению интереса к национальной истории: первые археологические экспедиции; социальный заказ на изучение древних кремлей России; такие издания, как "Древности Российского

Государства", изданные по высочайшему повелению Николая I (свыше 500 листов цветных хромолитографий отечественных памятников культуры, сделанных с рисунков Ф.Г.Солнцева и шести тетрадей текстового печатного материала).

Чтобы сыграть интегрирующую роль, интерес к историческим достопримечательностям следовало поддерживать и подвигать, и здесь сыграл роль журнал Свинына "Отечественные записки", в которых он собрал как реальные сведения об истории провинциальных городов, так и публиковал свои собственные материалы. – Культура (по мысли Хайдеггера), должна была "выступать впереди", а не позади реальности, придавая форму реалиям и оформляя институт памяти.

Кулакова Ирина Павловна,
доцент кафедры истории России до начала XIX века,
Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова

Ю.А. Курдин, А.Р. Панов (Арзамас)

Автобиография М.Г. Черняева – мемуары опального генерала

Генерал Михаил Григорьевич Черняев в 60-70 годах XIX в. пользовался широкой известностью, приобретя славу выдающегося военачальника, о чем говорят даже его прозвища – «Ташкентский лев», «Русский Гарибальди» и «Архистратиг славянской рати». На его счету было завоевание Туркестанской области в середине 1860-х гг., однако дальнейшее его карьерное продвижение не заладилось по причине того, что он не стеснялся открыто критиковать тех, кто начальствовал над ним.

Автобиография была записана издателем журнала «Русская старина» М.И. Семевским после 1883 года. Она в полной мере отражает характер автора и содержит оценки событий, в которых М.Г. Черняев принимал участие, и людей, с которыми он общался. В своих воспоминаниях генерал не скупится на критические отзывы. Главным образом они касаются военного министра Д.А. Милютин, чьи реформы Черняев не одобрял. Во всех приводимых эпизодах, начиная с пребывания будущего генерала в Военной академии, где географию ему преподавал будущий министр, Милютину даются отрицательные оценки. В негативном духе автор также отзывается о тех, кто возглавил военное и финансовое министерства с воцарением Александра III в 1881 г. Не скрывает Черняев натянутых отношений со своим непосредственным начальником в период Ташкентской кампании 1865 г. – оренбургским генерал-губернатором Н.А. Крыжановским и генералом Д.И. Романовским, который сменил Черняева в должности военного губернатора Туркестанской области в 1866 г., причем автор объясняет все завистью к его успехам. Более осторожно, но тоже в неодобрительном тоне отзывается он и о кавказском наместнике великом князе Михаиле Николаевиче, в чьем распоряжении Черняев находился, и обращение которого с ним прямо называет грубым. Вообще, автор достаточно редко в своей автобиографии дает похвалы другим людям.

Что касается композиции произведения, то помимо обычных для этого жанра разделов – происхождение, образование и пр., центральное место в автобиографии занимает описание трех военных кампаний. Больше всего (почти треть текста) охватывают воспоминания о Крымской войне – очевидно, они были дороги автору, поскольку это была первая война, в которой он принимал участие и показал свою храбрость, удостоившись наград. К тому же, эти события происходили до того времени, когда военным министром стал Д.А. Милютин, и командирами Черняева были

военачальники, которых он не мог в чем-либо упрекнуть – П.С. Нахимов, В.И. Истомин, Э.И. Тотлебен и др.

Далее перед читателями разворачиваются события туркестанского похода, и здесь появляется определенный диссонанс. С одной стороны, Черняев захватил Ташкент, за что получил и официальные награды, и общественное признание. С другой же, генерал начал конфликтовать со своим начальством и был оскорблен тем, что его быстро заменили в должности наместника новообразованной области, что и побудило его уйти в отставку.

Еще более сложен образ сербско-турецкой войны 1876 г., когда Черняев оказался в центре внимания всей Европы. Он возглавил сербскую армию, и для тех, кто симпатизировал борьбе славян за свою свободу, его имя стало символом славянского единства. Однако российское правительство воздержалось от участия в этом конфликте, так что деятельность Черняева, поступившего на иностранную службу, оценивалась на грани совершения им военного преступления. Очевидно, он тяжело воспринимал расхождение между исходными ожиданиями и фактическими результатами войны, что отразилось и на нем лично, ведь из народного героя он временно превратился в изгоя. Однако, в отличие, например, от И.С. Аксакова, который в личном письме к Черняеву признает допущенные ими ошибки, генерал не сожалеет о сделанном, хотя неудача должна была надломить его душевные силы. Последовавшая русско-турецкая война стала для России победоносной, но, к несчастью для Черняева, он оказался на «обочине» дальнейшей военно-политической истории Российской империи.

Курдин Юрий Александрович,
к.филол.н., доцент, Арзамасский филиал ННГУ,
доцент кафедры русского языка и литературы;

Панов Александр Ростиславович,
д.и.н., доцент, Арзамасский филиал ННГУ,
заведующий кафедрой истории, обществознания и права

Наташа Лауфер (Москва)

Разыграно (как) по нотам: теория переговоров в исполнении Владимира Высоцкого

Метод принципиальных переговоров, разработанный в Гарварде во второй половине XX века и систематизированный, в частности, юристом Роджером Фишером и социальным антропологом Уильямом Юри в книге «Путь к согласию», – замечательная иллюстрация того, как на стыке дисциплин рождаются теории и уточняются практические рекомендации, дающие людям возможность успешно договориться.

Теория переговоров родилась в результате анализа и обобщения способов разрешения конфликтов, выработанных в ходе эволюции человеческого общества. Применение адекватных методов необходимо как при обсуждении глобальных цивилизационных проблем (переговоры между СССР и США по вопросам контроля над вооружениями, в которых Уильям Юри принимал активное участие), так и в обыденной жизни (например, в общении между работодателем и сотрудником, сослуживцами, членами семьи и проч.). Ключевые понятия теории: 1. целью переговоров должна быть не победа одной из сторон, а достижение согласия; 2. интересы участников необходимо отделять от их позиций, и именно интересы, а не позиции следует обсуждать для нахождения взаимоприемлемого для сторон решения.

Предлагаемый для иллюстрации одного случая переговорного процесса текст – песня Владимира Высоцкого «Про дикого вепря» – как нельзя более актуален в свете дедлайна, приуроченного к 1 апреля.

Владимир Высоцкий

Про дикого вепря

В королевстве, где всё тихо и складно,
Где ни войн, ни катаклизмов, ни бурь,
Появился дикий вепрь огромный —
То ли буйвол, то ли бык, то ли тур.

Там король страдал желудком и астмой:
Только кашлем сильный страх наводил.
А тем временем зверюга ужасный
Коих ел, а коих в лес волочил.

И король тотчас издал три декрета:
«Зверя надо одолеть, наконец!
Вот кто отважится на это, на это,
Тот принцессу поведёт под венец».

А в отчаявшемся том государстве
(Как войдёшь — так прямо наискосок)
В бесшабашной жил тоске и гусарстве
Бывший лучший королевский стрелок.

На полу лежали люди и шкуры,
Пили мёды, пели песни — и тут
Протрубили во дворе трубадуры:
Хвать стрелка — и во дворец волокут.

И король ему прокашлял: «Не буду
Я читать тебе морали, юнец,
Вот если завтра победишь Чуду-юду,
Так принцессу поведёшь под венец».

А стрелок: «Да это что за награда?!
Мне бы — выкатить портвейну бадью!
А принцессу мне и даром не надо —
Чуду-юду я и так победю!»

А король: «Возьмёшь принцессу — и точка!
А не то тебя раз-два и в тюрьму!
Ведь это всё же королевская дочка!..»
А стрелок: «Ну хоть убей — не возьму!»

И пока король с им так препирался,
Съел уже почти всех женщин и кур
И возле самого дворца ошивался
Этот самый то ли бык, то ли тур.

Делать нечего — портвейн он отспорил:
Чуду-юду уложил — и убёг...
Вот так принцессу с королём опозорил
Бывший лучший, но опальный стрелок.

1966 год

Наташа Лауфер
Кандидат филологических наук, независимый исследователь

Т.В. Левицкая (Москва)

«Лубочный» патриотизм: русско-японская война 1904–1905 гг. в стихах, песнях и шутках

Противостояние России и Японии наиболее ярко запечатлелось в информационной и идейной сферах: созданные стихийными пропагандистами лубочно-сатирические образы японцев оставили «глубокий отпечаток в подсознании народа»²⁷, а методы убеждения народных масс широко использовались в последующем. Как справедливо отметила Т. А. Филиппова, «шок от внезапного начала боевых действий на Дальнем Востоке травмировал русское общество и потребовал быстрой психологической помощи»²⁸. Преодолению страха способствовали материалы, создающие иллюзию народного энтузиазма и единения, а также сатирическое изображение противника, настраивающее на быструю и безболезненную победу. В попытке посеять в народном сознании семена, сулящие быстрый и богатый урожай патриотического воодушевления, журналисты регулярно обращались к художественному слову: патетические восклицания («Москва – это сердце России / А мышцы ее – Порт-Артур!»²⁹) перемежались с угрозами мгновенно перебить всех японцев «по-военному, по-русскому»³⁰ и откровенной грубостью (наиболее частотными были «верноподданнические» оскорбления врага: Николай II в резолюциях называл японцев не иначе, как «эти макаки»³¹). «Заносчивые пигмеи» были обречены проиграть собирательному образу русского героя – витязю / богатырю / казаку, идущему на праведный бой («Потому что с нами Бог, С нами Царь великий!»³²). На страницах «малой» прессы и в лубочной литературе широко использовались народные мотивы: стихотворение «Майские пожелания»³³ представляло собой своеобразный календарь военных побед, обещающий окончательное избавление от «ярма войны» в день Еремея-распрягальника (14 июня); на мотив песни «Маланья моя» солдатам предлагалось петь под названием «Желтоглазые макаки» (с припевом «Японцы – макаки глупорожие, – Горе вы забияки – Желтокожие!»³⁴) и пр. Нередко эксплуатировались известные произведения, переделанные «на злобу дня»: «Японская колыбельная песня» на некрасовский лад пророчила ребенку, что он «макакой будет с виду и наглец душой»³⁵; Поток-богатырь³⁶, вновь пробудившись, предупреждал «друга-сакса», что «желтые хари» будут с позором изгнаны; в стихотворении «Слово и дело»³⁷ журналист А. А. Дрождинин объединил классиков и, «внимая ужасам войны», с упреком вопрошал Европу: «Ужель ни клятв ни обещаний ненарушимых больше нет?» и т. д. Сатира на военную тему господствовала в разделах развлечений в начале 1904 г., проникая в различные сферы жизни (так, набег праздничных визитеров на Пасху – это

²⁷ Куланов А. Е., Молодяков В. Э. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2007. С. 83.

²⁸ Филиппова Т. А. «Страшный враг» и «Добрый Микадо» // Родина. 2005. № 10. С. 61.

²⁹ В. Ж. Порт-Артурская // Песни о русско-японской войне. М., 1905. С. 4.

³⁰ Красовский Н. И. По-военному, по-русскому // Военные боевые песни русско-японской войны. М., 1905. С. 20.

³¹ Витте С.Ю. Воспоминания: Царствование Николая II. Т. 2. Л., 1924. С. 239.

³² С нами Бог! // Петербургский листок. 1904. № 47. 17 фев. С. 5.

³³ Боримир. Майские пожелания // Петербургская газета. 1904. № 119. 1 мая. С. 2.

³⁴ Красовский Н. И. Желтоглазые макаки // Военные боевые песни русско-японской войны. М., 1905. С. 31.

³⁵ Японская колыбельная песня // Военные боевые песни русско-японской войны. М., 1905. С. 28.

³⁶ М. В. В. Поток-богатырь // Петербургский листок. № 42. 12 фев. С. 2.

³⁷ Дрождинин. Ал. Слово и дело // Петербургский листок. № 33. 3 фев. С. 3.

«нашествие, перед которым нашествие желтой расы – тьфу»³⁸), постепенно вытеснялась привычными бытовыми темами (дачный вопрос, благоустройство города и пр.) и окончательно иссякла в 1905 г. В докладе особое внимание уделено художественным произведениям (стихам, песням, шуткам), размещенным на страницах ориентированной на массового читателя «малой» прессы (газеты «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Московский листок» и др.), а также сборникам «Патриотические песни на русско-японскую войну» А. Ф. Мейснера (СПб., 1904), «Военные боевые песни русско-японской войны» (М., 1905), «Песни о русско-японской войне» (М., 1905) и др.

Левицкая Татьяна Владимировна,
кандидат филологических наук, редактор, Издательский дом МГУ

Е.Е. Левкиевская (Москва)

«Берегини» на берегах Волги или как создаются мифологические фантомы

Одной из характерных особенностей Нижегородского Поволжья является так называемая *глухая* или *бáрочная* домовая резьба, украшавшая фронтоны деревянных домов в XVIII – первой половине XX в. *Глухой* такую резьбу называют по технологии создания рельефа, который выдалбливался на плоскости доски, а названия *бáрочная* резьба или *корабельная резь* указывают на ее непосредственное происхождение от резьбы, украшавшей волжские деревянные барки. Единое происхождение резных украшений волжских домов и кораблей подтверждается, в частности, общим набором элементов, составлявших резные композиции: наряду с характерным растительным орнаментом из ветвей аканта в них присутствуют изображения львов, фантастических птиц, а также полулюдей-полурыб, которых в нашей искусствоведческой литературе принято именовать *берегинями* (реже – *русалками* или даже *русалками-берегинями*). В Отделе русского народного искусства Русского музея, содержащем коллекцию нижегородской домовой резьбы, изображения полулюдей-полурыб атрибутируются исключительно как *берегини*, хотя в аутентичной нижегородской (как и вообще восточнославянской) традиции такой мифоним не зафиксирован.

Слово *берегы(и)ни* как обозначение неких женских мифологических существ известно лишь по нескольким древнерусским нравоучительным текстам против язычества конца XIV – XVI вв., переведенным с греческого языка. Слово *берегыни* без каких-либо пояснений встречается в славянских вставках в составе стереотипных перечислений имен языческих персонажей обычно в трех контекстных позициях: в устойчивой формуле «клали требу упырям и берегиням»; в формуле, сближающей берегинь с сестрами-лихорадками из апокрифов византийского происхождения («упырям и берегиням, их же нарицают три девять сестрениц»); при указании на почитание язычниками природных локусов, в том числе источников («огню и камням, и рекам, и источникам, и берегиням, и в дрова»). Значение ‘русалка’, приписываемое термину *берегиня* в исследованиях XIX – начала XX в. (В.И. Даль, А.Н. Афанасьев, Е.Е. Голубинский, Н.М. Гальковский) не аргументировано ни контекстуально, ни каким-либо иным способом. В аутентичной восточнославянской традиции *русалками* назывались умершие неестественным образом покойницы, имевшие полностью человеческий облик. К существам в виде людей с рыбьими хвостами этот мифоним не применялся – локальные представления о подобных персонажах, называемых обычно *фараонками*, восходят к библейскому сюжету о

³⁸ Праздничные визитеры // Петербургский листок. 1904. № 86. 27 мар. С. 5.

потоплении фараонова войска в водах Красного моря. Название *фараонки* применительно к интересующему нас элементу домовой резьбы было записано в 20-х гг. XX в. от старых поволжских мастеров-резчиков.

Поскольку нижегородская домовая резьба изготовлялась теми же мастерами, которые строили волжские торговые суда (для строителей это был вид сезонного приработка), то этиологию характерных для нее мифологических элементов следует искать в судостроительной истории Поволжья, а именно в введенном Петром I обязательном правиле украшать резьбой военные суда. Позже резные украшения распространились и на гражданский флот. Первоначальными образцами для такой резьбы стали резные украшения голландских кораблей, состоявшие из образов античной и западноевропейской мифологии, включавших в себя растительный орнамент, изображения Нептуна, дельфинов, львов и морских нимф с раздвоенными хвостами. Именно такими резными элементами была украшена галера Екатерины II, построенная в Твери в 1767 г. для путешествия по Волге (есть фотографии галеры, сделанные в 20-х гг. XX в.). Вероятно поволжская корабельная, а затем и домовая глухая резьба появилась в результате освоения народной традицией изобразительных мотивов, заимствованных в XVIII в. русскими корабельными мастерами у западноевропейских судостроителей, о чем, в частности, свидетельствуют раздвоенные хвосты полулюдей-полурыб на фронтонах волжских домов как парафраз характерного для западноевропейской традиции изображения морских и речных дев с двумя хвостами (ср., например, картину Д. да Фабриано «Сцены жития св. Николая Чудотворца: св. Николай умиряет бурю и спасает корабль», 1425 г.). Термин *берегиня* применительно к этому элементу резьбы является типичным продуктом «кабинетной мифологии», своеобразным мифологическим «поручиком Кижэ», путешествующим по нашим музеям уже второе столетие.

Елена Евгеньевна Левкиевская,
доктор филологических наук,
независимый исследователь

Варвара Левонтина (Москва)

Словесность под стражей

Тюремная словесность давно и глубоко интегрирована в российское языковое и культурное пространство, это хорошо заметно, например, по тому, насколько органично в повседневную речь приходят слова из блатного жаргона (см., к примеру, о слове *лох*³⁹). Отдельный пласт заимствований из культуры тюремной культуры связан с культурой мемов, регулярно обогащающейся за счет т.н. тюремных загадок и прочего тюремного фольклора: два стула, как заходить в хату и т.д.⁴⁰ При этом если влияние тюремной культуры в рамках лингвистики и постфольклора описано довольно подробно, то письменная тюремная словесность в рамках актуальных литературных практик рассматривается крайне редко.

Источники письменной тюремной словесности можно условно разделить на несколько групп, среди которых художественные тексты заключенных / написанные в заключении («Невероятные приключения в женской камере №3» Киры Ярмыш⁴¹, «Вы не путайте сыны день конца и дочь весны» Аллы Гутниковой и т.д.); нехудожественная литература, эссеистика («Русское психо» Эдуарда Лимонова); нелитературные тексты, наделенные особым статусом, как, например, опубликованные письма и расшифровки судебных речей политических заключенных.

³⁹ Ирина Левонтина Чумовые винилы / Честное слово // Corpus, 2021

⁴⁰ Ефимова Е.С. Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор // Нация и культура, 2004

⁴¹ Признана иностранным агентом

В отдельную подгруппу стоит выделить литературу, созданную для тюрем на воле: удачным примером здесь оказывается газета «Тюремный вестник» – некоммерческий проект периодического издания для заключенных. Создатель проекта Петр Лосев составляет ежемесячную газету с подборкой последних новостей из разных сфер и самыми актуальными мемами месяца, отдельный интерес представляет обложка газеты, состоящая из скетчей на тему последних событий, каждый месяц газета распространяется среди заключенных по почте. Этот источник интересен сразу в нескольких разрезах. Во-первых, занимателен здесь сам феномен: попытки создать газету для заключенных предпринимались и ранее, но не такие яркие, к тому же ни одна не увенчалась успехом. Кажется продуктивным рассмотреть газету как в контексте ее предшественников, так и в соотношении с современной медиа-культурой. В этой связи стоит обратить внимание и на структуру газеты: в связи со спецификой ее адресата возникают особые факторы, влияющие на текст. В первую очередь это цензура, которую проходит вся тюремная корреспонденция, что, разумеется, задает дополнительные требования к отбору материала и языку газеты. К этим факторам можно отнести и сложность адресации (газета претендует на довольно широкий охват, то есть ориентирована на многих заключенных, носителей разных ценностей, культур, представителей разных социальных групп). К тому же дискурс, транслируемый самой газетой дуален: с одной стороны цель авторов говорить с заключенными на одной языке, быть близкими к своей аудитории, с другой, напротив, газета направлена на поддержание связи заключенных с внешним миром, то есть отражает больше языковую реальность «воли». Все это, на мой взгляд, делает «тюремный вестник» важнейшим объектом для исследования словесности и культуры тюремной и окружающей её.

Левонтина Варвара
магистранка РГГУ (классическая русская литература и актуальный литературный процесс в
социокультурном контексте)

Ирина Левонтина (Москва)

Детская грамматика

Есть такое удивительное явление – детская субкультура. Это рассказы, приколы, стишки, выражения и словечки, которые живут в детской среде, особенно детсадовской или младше-школьной, десятилетиями передаются от детсадовца к детсадовцу, почти не выходя за пределы этой среды: взрослые этого обычно не слышат, а сами дети с возрастом забывают. Специалисты по постфольклору, конечно, эти дурацкие произведения собирают и изучают, хотя долгое время сочетание «детский фольклор» подразумевало почти исключительно «фольклор для детей», а не «фольклор детей».

Специальные детские слова – это не только сюсюканье, которое родители тоже знают и успешно используют в разговорах с детьми. Это и слова типа *рассказать* в значении «донести» (*Он рассказывает воспитателю*) или *доказать* в значении «подтвердить» (*Он доказал, что я ничего не сделал*). Взрослые так обычно не говорят даже в беседах с детьми.

Есть, оказывается, и особая детская грамматика. Надо заметить, что грамматика детской речи изучается, как кажется, исключительно в аспекте «формирования»: как дети осваивают грамматические категории, какие ошибки при этом делают и т. п. Однако есть и явления другого типа. Когда дети играют на детской площадке, можно услышать, как они говорят друг другу: *Давай я был тигренок... Давай я нашел клад... А я тогда как будто был преступник...* С точки зрения стандартного синтаксиса это звучит ужасно странно, хочется поменять прошедшее время на будущее (*Давай я буду полицейский*) или на настоящее (*Мы играем, как будто я принцесса*). И тем не менее, дети здесь часто используют именно форму прошедшего времени. Можно сказать, что это своего рода «игрательное» или «воображательное» наклонение. Смысл его в том, что задается некий воображаемый мир, пространство игры. И прошедшее время здесь очень ярко передает идею, что все как бы уже существует, только в каком-то другом игровом мире, в альтернативной реальности.

Конечно, этот детсадовский устный дискурс плохо фиксируется на письме, и найти примеры в письменных текстах не так легко. Но они все же попадаются:

Надо лишь сесть на лавке во дворике с косматыми деревьями неизвестной породы и смотреть, как мимо тебя с воплями счастья носится туда-сюда человек пяти лет, <...> – ей надо сейчас в догонялки с женихом Ванькой, да не просто в догонялки, а со смыслом. Давай, я была Белоснежкой, и мне дали отравленное яблоко! Я яблоко съела и превратилась в волшебного коня, а ты будешь меня догонять, давай?
<http://www.puteshestvie32.ru/content/priznanie>

Здесь это *давай я была* появляется, естественно, в речи пятилетней девочки, как маркер этой детской речи и даже детского способа существования.

Интересно, что очень похожее явление есть, например, в итальянской грамматике: *Imperfetto ludico* (игровое): *Facciamo che io ero il re e tu eri la regina* ‘Давай я буду король, а ты королева’; *Allora io ero il criminale e tu il giudice* ‘Я буду преступником, ты судьей’.

У Джанни Родари есть книга «Грамматика фантазии» (1973) *L'imperfetto ... stabilisce la distanza tra il mondo preso per sé, com'è, e il mondo trasformato in simboli per il gioco* (Имперфект фиксирует разрыв между миром как таковым и миром, превращенным в символы для игры).

Надо, впрочем, отметить, что для русского языка важна именно как бы отнесенность в прошлое, а имперфективность не обязательна, ср. в приведенном примере: *Давай, я была Белоснежкой, и мне дали отравленное яблоко! Я яблоко съела и превратилась в волшебного коня.*

Левонтина Ирина Борисовна

К.филол.н., в.н.с

Сектор теор.семанетики и-та Рус. Яз. РАН

П.Ф. Лимеров (Сыктывкар)

Поэтика богообщения в вероучении Степана Ермолина, лидера верхневычегодских Бурсьылысьяс – Певцов Добра

Народная культура населения верхней Вычегды Республики Коми привлекательна для исследователей наличием в ее составе религиозного фольклора секты «бурсьылысьяс» – в традиционном переводе – «Певцов Добра». Активная деятельность этой секты приходится на период с начала XX по середину XX в., однако, исполнительская и рукописная традиция Певцов фиксируется в ряде верхневычегодских населенных пунктов и на сегодняшний день. Изначально богослужения бурсьылысьяс - бур кывзём (духовные беседы) - включали в себя проповеди и толкования Священного писания (на коми), пение религиозных песен, видения, пророчества. В настоящее время прежней формы религиозно-обрядовой жизни бурсьылысьяс нет, такие явления как пророчества, видения прекратились. Однако в среде местного населения продолжают бытовать различные сборники религиозных текстов на коми и русском языках, возникшие в среде бурсьылысьяс. Сборники принадлежат семьям, старшее поколение которых входило в состав Певцов.

Сектантское движение «певцов добра» возникает в начале XX века в Мыелдинской волости Усть-Сысольского уезда и вскоре охватывает ряд сопредельных волостей. Будущий лидер секты, Степан Ермолин, предлагает верующим проповедь на коми языке, переводит на коми язык богослужебные тексты и молитвы, духовные песнопения, сам создает новые религиозные тексты. К переводческой деятельности подключаются другие грамотные прихожане, тексты многократно переписываются, создается пространство функционирования религиозных текстов на коми языке. Происходит многократная репрезентация этих текстов на собраниях-беседах в виде многоголосого пения и чтения, а также в процессе индивидуального чтения их членами секты из рукописных сборников.

Таким образом, происходит становление самобытной письменной традиции, включающей тексты на русском и коми языках, в том числе и авторские тексты.

Постепенно складывается вероучение Ермолина («Степанова вера»), в основе которого лежит опыт личного богообщения. Сам Ермолин составляет вероучительные тексты, в которых излагает свой мистический опыт. На сегодняшний день известны два таких текста, имевших распространение в рукописных сборниках Певцов Добра. Они называются «Сöбирайтчан рад» (Соборный чин) и «Благодаритан рад» (Чин благодарения). Тексты записаны белым стихом и исполнялись на специальных продолжительных «беседах», чередуясь с пением духовных песен. В этих текстах излагаются основы вероучения Певцов: всё, что должен знать последователь бурсьылысьяс о спасении, но более всего о пути, который ведёт его к богообщению. Этот путь состоит из ряда этапов, которые должен последовательно усвоить и принять адепт Певцов Добра. Тексты характерны разработкой особой понятийной системы «Степановой веры». В их число последних входят такие топосы, как учение о незримых крестах, о сердечном зрении, об истинном слушании, родной любви и внутреннем вопле. К числу особенностей данных текстов на коми языке следует отнести множественные включения слов русской и церковнославянской лексики в структуру текста, что говорит о создании специального языкового формата. В докладе акцентируется внимание на поэтике этих текстов, на определенных образах, которые надо воспитать в себе, чтобы пройти путь к богообщению.

Лимеров Павел Фёдорович
Институт ЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ведущий научный сотрудник
Доктор филологических наук

А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский (Москва)

Судьба одной античной формулы в книжном наследии допетровской Руси

Выступление будет посвящено рецепции (а точнее -- ее отсутствию) в средневековой Руси античной формулы *me fecit NN* «меня сделал имярек», представляющей собой не что иное, как высказывание от лица предмета. Предполагается продемонстрировать, сколь сложными путями эта формула, искажаясь до неузнаваемости, все же проникает в книжное наследие допетровской Руси на очередном витке вестернизации.

Литвина Анна Феликсовна,
к.ф.н., в.н.с. факультета гуманитарных наук ВШЭ;

Успенский Федор Борисович,
д.ф.н., член-корреспондент РАН,
директор ИРЯ РАН

П.В. Лукин (Москва)

«Параллельный импорт» на периферии: неформальная торговля новгородцев и псковичей с ливонцами в условиях санкционного режима⁴²

В историографии уже обращалось внимание на торговлю лошадьми в XV в. между русскими республиками Северо-Запада, Великим Новгородом и Псковом, и Ливонией (Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л., 1975. С. 46-47; Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916. S. 158). Последняя представляла собой в то время конгломерат владений «ландсгерров» – политических образований на территории современных Эстонии и Латвии, из которых наиболее активные контакты у русских были с Ливонским отделением Тевтонского ордена и Дерптским епископством. Большую роль в экономической и политической жизни Ливонии играли также ганзейские города. Из них Новгород и Псков контактировали больше всего с Ревелем (Таллином) и Дерптом. Из целого ряда документов мы узнаём, что в XV в. продажа лошадей из Ливонии на Русь запрещалась или ограничивалась. Смысл этих ограничений был очевиден: лошади, особенно крупные, представляли собой товар «двойного назначения» и могли использоваться в военных целях. Опасность этого стала очевидной для орденских властей после войны с Псковом в 1406-1409 гг., когда, даже несмотря на союз с Литвой, Ордену не удалось добиться никаких успехов. Вскоре после неё вывоз лошадей из Ливонии русским был даже запрещён на какое-то время полностью (Казакова. С. 46-47).

Однако из любой ситуации, как известно, есть выход. Вся история отношений Новгорода и Пскова с Ганзой и Ливонией – это история постоянных запретов и торговых блокад и методов их обхода. Причём, наряду с «общими» обходными манёврами (например, в условиях объявленной Ганзой блокады торговля через неподконтрольные ей города), были и «частные» методы, которым как раз в литературе должного внимания не уделялось.

Много здесь было основано на личных контактах. Это особенно характерно для Пскова с его почти 500-километровой границей с Ливонией. Так, 21 марта 1414 г. нарвский фогт Энгельберт фон Ляйссен писал властям Ревеля, в частности, о том, что некий пскович приехал в Нарву и выменял там у жителя Ревеля Юнге Слитера лошадь, хотя продажа русским лошадей в тот момент была вообще запрещена (Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch 1, 5, № 1955, Sp. 10). Торговая операция проводилась в Нарве, а не в самом Ревеле или в Дерпте. Можно предполагать, что здесь играли роль не только логистические соображения. И из Ревеля, и из Пскова до Дерпта было ближе, чем оттуда до Нарвы. Возможно, участники сделки хотели скрыться от любопытных глаз: Нарва не была ганзейским городом, а принадлежала Тевтонскому ордену в Ливонии. Всё это предполагает наличие устойчивых деловых отношений и соответствующей коммуникации.

Масштабы подобных обходных манёвров могли достигать большого размаха. Имеются сведения о ввозе из Ливонии в Псков коней, якобы «неисчислимого множества» (*vele untelliker perde*) (Hansisches Urkundenbuch 5, № 1118, S. 582). Приобретение бывшим и потенциальным противником лошадей восторга, конечно, у орденских сановников вызывать не могло. Однако значительную часть местного населения экспансионистские планы руководства Тевтонского ордена в Ливонии интересовали меньше собственной выгоды.

⁴² Доклад подготовлен в рамках проекта РФФ 23-18-00402 «Новгород, Псков и Ганза в XV веке в новгородско-ганзейских документах.»

Ф.Б. Людоговский (Банска Быстрица, Словакия)

Ученый-самоучка XVIII века Иван Евстратьевич Свешников: биография историческая, художественная и мифическая

О Свешникове обычно рассказывают как о молодом крестьянине, который жил во 2-й пол. XVIII в., самостоятельно изучил древние и новые языки, а также ряд наук, по счастливому стечению обстоятельств познакомился с И. И. Шуваловым, который ввел его в круг петербургской аристократии, благодаря чему Свешников получил известность и оставил яркий след в памяти современников; позднее Иван Евстратьевич сблизился с Г. А. Потемкиным и скончался где-то в южных губерниях примерно в одно время с князем. Это – практически инвариантный костяк биографии Свешникова, на который, впрочем, нередко нанизываются дополнительные подробности.

Впервые имя Ивана Свешникова мне встретилось в 1989 г. (мне было 13 лет) в 6-м номере журнала «Пионер». В течение лета там была опубликована (с сокращениями) повесть Юлия Даниэля «Бегство». Главным героем повести был Свешников, а одним из второстепенных персонажей – мой прямой предок, первый директор Смоленской мужской гимназии Лев Федорович Людоговский (1761–1838). Встретить имя пращура на страницах всесоюзного журнала была для меня совершенной неожиданностью – естественно, это мне запомнилось; а вместе с тем запомнился и Свешников.

Позже я обнаружил, что и Свешников, и Людоговский фигурируют на страницах романа «Фаворит» В. С. Пикуля; при этом Свешников – один из персонажей, а Людоговский упоминается в авторской справке-примечании как источник сведений об ученом-самоучке.

Некоторое время назад мне снова попало упоминание о Свешникове, и я решил выяснить: 1) каковы источники сведений об этом человеке, 2) что в его биографии можно считать достоверно установленным, а что – маловероятным или прямо вымышленным. Выяснилось, что у этого лица, само существование которого никто не подвергает сомнению, есть по меньшей мере три биографии: историческая, художественная и мифическая.

Историческая биография Свешникова может быть восстановлена по эпистолярным, мемуарным и архивным источникам. Говоря конкретнее, это: 1) письма Луи Пикара его бывшему воспитаннику князю А. Б. Куракину (1781), где француз, живший в то время в Петербурге, описывает прибытие Свешникова в столицу и его отъезд в Англию; 2) статья Ф. Н. Глинки «Русский крестьянин-философ Иван Евстратьевич Свешников» (1815); 3) первый сюжет из «Разговоров Н. К. Загряжской», записанных А. С. Пушкиным (датировано 12 августа 1835); 4) анализ архивных данных, представленный в статье сотрудницы Торжокского историко-этнографического музея И. А. Бочкаревой «Штрихи к портрету новоторжского учёного-самоучки XVIII века Ивана Евстратовича Свешникова» (1999); эта публикация уточняет сословную принадлежность Свешникова (купец, а не крестьянин) и ключевые даты его биографии: родился не позднее 1756, прибыл в Петербург, вероятно, в 1781 (как у Пикара – но вопреки Глинке, который указывает весну 1784), скончался не позднее марта 1784.

Варианты *художественной* биографии Свешникова мы видим в упоминавшихся выше повести Ю. М. Даниэля «Бегство» и романе В. С. Пикуля «Фаворит».

Что касается *мифической* биографии, то она творится у нас на глазах. Начало процессу, по всей видимости, было положено публикациями 2013–2015 гг. писательницы Елены Съяновой, которые далее были взяты за основу менее значительными, но по-своему любопытными авторами – Владиславом Толстовым (2018, 2020) и Сергеем Шклюдовым (2021). Результатом совокупных усилий этих трех лиц стал своего рода новый стандарт биографии Свешникова, с деталями, отсутствующими у Пикара, Глинки и Пушкина.

А.Б. Лярский (Санкт-Петербург)

«Ты примешь все, что будет тебе доверено»: из наблюдений за подростковыми дневниками начала 20 века

1. Дневник – чрезвычайно привлекательный для подростков жанр литературы. Первым его привлекательным свойством является доступность и демократичность авторства. Самый бездарный автор с самой бедной фантазией может записывать жизненные коллизии, разворачивающиеся перед его глазами или с его собственным непосредственным участием. Не надо придумывать сюжет, прописывать характеры героев, думать о том, как удержать интерес читателя – ведь главный герой, заинтересованный (самый заинтересованный) читатель и увлеченный автор совпадают. И это совпадение – вторая важнейшая характеристика жанра дневника. Реальность часто бессвязна и рутинизирована, и поэтому композиционное и сюжетное единство дневника обеспечивается дискретной структурой отсчета времени и единством главного героя, который, как герой, проживает, а как автор – записывает (фрагментирует) повседневность, обретая в этом процессе власть над реальностью. Ближайший структурный аналог дневника – сериал, с его сквозной волновой линией и корпускулярной нарезкой серий. Эта «корпускулярно-волновая» структура – третья важнейшая характеристика дневника. Кроме того, дневник, как следует из вышеизложенного - авторский жанр в полном смысле этого слова. Тут все для самого автора – и самолюбование и самопознание, самокритика и самостроительство. Все это очень привлекало подростков начала 20 века к творчеству в этом жанре.
2. Подросток радикализирует герметичность дневника. Есть примеры зашифрованных подростковых дневников. При этом герметичность, закрытость дневника позволяет различать своих от чужих: тем, кому доверяют, дневник дают почитать – это очень распространенная практика в кругу подростков начала 20 века. Кроме того, речь может идти не только об особенностях жанра, но и об особенностях взаимоотношений мира взрослых и мира детей: обретающие личность подростки нуждаются в личном пространстве и собственном языке. Среди тех, кому дают почитать дневник, родителей нет, а если отцам попадают в руки зашифрованные дневники, то они оказываются не способны их прочесть.
3. При этом практики ведения дневников могут знаменовать не только разрывы, но и преемственность в отношениях поколений. В нашем распоряжении, среди прочего, есть пример семьи Половцевых, где дневники вели три поколения родителей и детей, при этом правила, выработанные в середине 19 века, не менялись до начала 20-го: события дня заносились конспективно в записную книжку, и потом «пространная» версия этих записей переносилась в дневник. И в этой семье периодически давали читать дневники друг другу.
4. В некоторых случаях дневник вместо инструмента самодисциплинирования, выработки мировоззрения и формовки сознания (как это предполагалось в протестантской традиции или в традиции Просвещения), превращался в линзу, которая только усиливала эмоциональный кризис подростков; вместо тормоза, дневник превращался в воронку, попав в которую некоторые уже могли спастись. Уточнение и записывание собственных мыслей делает их, эти мысли, убийственными, а процесс — необратимым. Об этом свидетельствуют дневники подростков – самоубийц, хранящиеся в РГИА.
5. Вести дневник на протяжении долгого времени – задача, практически не выполнимая для подростка. Та самая рутина, которую дневник призван преодолеть, поглощала и героя и автора. Неудивительно, что частым рефреном в подростковых дневниках было слово «скука». Дневник часто просто бросают вести. В случае же подростков дневник иногда иссякает по мере самоопределения его повзрослевшего и поскучевшего автора.

О.В. Марьяна (Барнаул)

Жанровое своеобразие детского журнала «Трамвай»

Детский журнал «Трамвай» просуществовал с 1990 г. по 1995 г. – в период глобальных изменений в стране, о которых не могли не упомянуть создатели журнала в обращении к читателям: *«Привет, ребята! Как ни странно, мы ещё живём. И хотя социально-политические условия не позволяют нам развернуться в полной мере, мы, однако, надеемся на светлое будущее журнала»* (№ 1, 1994). Несмотря на непродолжительную историю, в сравнении с другими детскими изданиями, у «Трамвая» появилась своя аудитория – школьники средних классов (журнал можно называть одним из первых изданий для подростков) и стали закладываться традиции.

Обратить на себя внимание, «выделиться» было одной из целей создателей журнала, что совершенно естественно, т.к. «Трамвай» – далеко не первый журнал, издававшийся для детей и юношества, и совершенно необходимым оказывалось, чтобы в нем появились рубрики, тексты, направления и др., которых не было в уже имеющихся изданиях. В качестве одной из особенностей журнала можно назвать следующую: «Трамвай» отличался тем, что включал произведения самых разных жанров.

Так, в журнале №1 (1990) напечатаны произведения Эдварда Лира, написанные в жанре лимерика. А так как «Трамвай» – это главным образом литературный журнал, то поэтическим текстам предшествовало объяснение, что представляет собой данная жанровая форма, в чем ее своеобразие: лимерики состоят из пяти строчек. *«Причем к первой строчке можно задать вопросы «КТО?» и «ОТКУДА?»; ко второй строчке обычно подходит вопрос «КАКОЙ?», «КАКАЯ?»; к двум следующим – «ЧТО ПРОИЗОШЛО?»; и, наконец, к последней строчке – «ЧЕМ ЗАКОНЧИЛОСЬ?»*.

На протяжении всего существования журнала в нем было несколько постоянных разделов. В одном из них печатались произведения писателей и поэтов XIX – XX вв. До того, как читатели знакомились с текстами известных мастеров слова, им предлагалось узнать, в какое время создавались произведения, что любили и ценили авторы. Так, в №8 (1991) представлен небольшой рассказ «В семье поэтов», начинавшийся, как сказка, «Жила-была Анна Ахматова», о двух выдающихся поэтах – А. Ахматовой и Н. Гумилеве. Информация о жизни писателей подавалась в форме непринужденной беседы с читателем, заметки, рассказа – учитывался возраст адресата, и, следовательно, составители рубрики считали необходимым говорить больше о человеческих качествах художников слова, чем о специфике их творчества.

В № 4 (1991) опубликована «Языкарня, или правила пользования выражениями о языке», которую предворяли не только слова (*«Для чего человеку язык? Чтобы его высовывать и дразниться! Однако с помощью языка можно делать ещё кое-что»*), но и «научный труд» (как его назвал сам автор) «Краткая классификация языков по их форме, размеру, предназначению и пр.». Слова, выведенные за рамки статьи «Оксюморония» (№ 8 1991), *«Если вы устали отдыхать от усталости, наступившей после долгого отдыха и решили слегка устать от отдыха, то вас ждет страна Оксюморония»*, можно назвать эпиграфом. С одной стороны, читатель заранее узнавал, что его ожидает в самом «произведении», с другой, – уже до знакомства с основным материалом адресат «включался» в процесс восприятия информации: предшествующий основному текст был построен таким образом, что читателю приходилось отвечать на вопросы, соглашаться

или не соглашаться с тем, что предлагал автор. Слова-эпиграфы – это не столько признак рубрики, сколько особенность «подачи материала» в журнале в целом.

Отличался «Трамвай» от изданий для детей и юношества тем, что в нем сообщалось о православных праздниках (так, в № 1 за 1991 г. говорилось о Крещении Господнем, об Иоанне Крестителе; в № 2 за 1991 г. – Сретенье Господнем; в №8 за 1991 г. – Преображении Господнем – что значит каждый праздник, когда он отмечается, как возник, в связи с какими событиями). Что касается жанра, в рамках которого велось изложение, то это, скорее, рассказ – вольная интерпретация Библейских сюжетов. Указание на принадлежность к жанру было дано после текста – «рассказала Наталия Алеева» (№1, 1991). Внимание к православной теме не являлось случайным: именно в 1990-е годы отмечалось «массовое обращение» к вере, возрождался интерес к религии, Богу.

Как и другие журналы для детей и подростков, «Трамвай» не обходил вниманием сказки. Особое место занимал такой их тип, как «сказки наизнанку» – это аллюзии на известные произведения. Авторы рубрики задавались вопросами: *«Но разве у нас нет фантазии? Разве мы не можем пересказать любую историю иначе?»* В № 1 (1993) опубликована сказка «Три колобка (и ещё четвертый)», которая начиналась со встречи колобка с зайцем, съевшим первый колобок. В сказке «У Лукоморья» герои оказывались упрямыми *«в психиатрическую больницу с диагнозом «вера в сказки»* (№ 5, 1993).

Не совсем типичным было появление в «Трамвае» рецептов, или так называемых «гастрономических страничек». Именно «страничек», потому что в отдельном номере было представлено сразу несколько рецептов. Сама «подача» материала не являлась традиционной для данного жанра. Так, 3 рецепта в № 3 (1990) написаны гекзаметром; ранее читателям было объяснено, что представляет собой этот ритм стиха. У «создателей» рецептов «вкусные» фамилии: Е. Ванильская нашла рецепты, доктор пищевых наук Э.Е. Шоколадкина прокомментировала находку. «Говорящими» могут быть не только фамилии «авторов» (в № 12 за 1990 г. «автор» рассказа «Без аппетита» Лев Голодный; статьи «Традиция поедания друг друга как осознанная необходимость» написаны д-р И.А. Шницель), но и названия (в № 12 за 1990 г. опубликованы отрывки из «Книги о гадкой и вредной пище» – рецепты супа «Аляска» и салата «Ой-Ливье»).

Таким образом, жанровое разнообразие материала, опубликованного в «Трамвае», обусловлено, во-первых, временем его издания, во-вторых, тем, что журнал позиционировал себя как литературный.

Марьина Ольга Викторовна,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры общего и русского языкознания
Института филологии и межкультурной коммуникации
Алтайского государственного педагогического университета

Ж.В. Миловац (Москва)

Хореографический текст как способ художественной интерпретации литературных произведений

Постановка проблемы художественной интерпретации литературного текста в плоскости хореографического мышления является актуальной в силу многозначности его истолкований. При этом важно исследование особенностей пластического языка тела как основы и способа трактовки текста современной культуры.

Внимания заслуживает ряд примеров в контексте хореографии, позиционирующих создание новых смыслов посредством танцевального языка. Рассмотрение краткого экскурса в историю вопроса герменевтики расширит границы значимости исследуемого вопроса. Очевидна важность развития культуры через диалог жанров искусства.

Понятие интерпретации восходит, как известно, к герменевтике – самостоятельной дисциплине, зародившейся в античной Греции и оформленной в XIX веке Фридрихом Эрнстом Даниелем Шлейермахером в качестве специфического метода наук о духе. Герменевтика как теория истолкования текста, учение о понимании, искусство объяснения, перевода получила дальнейшее развитие в работах Вильгельма Дильтея, Мартина Хайдеггера, Ганса-Георга Гадамера, допуская мысль о её онтологичности. Существенно новым в их взглядах являлось расширение поля влияния герменевтики от толкования текстов до интерпретации бытия человека, сознания.

Каждое произведение искусства несет в себе конкретную смысловую нагрузку. Смысл литературного текста «оживает» в контексте иных видов искусства. В этой связи возникает проблема художественной интерпретации как способа передачи смыслов, в частности, литературного произведения, в котором текст является его основой бытия.

Текст – это элемент культурного сознания, конкретный художественный способ коммуникации. Он обусловлен языковым сознанием. Понимание смысла текста есть поиск единства культурного сознания, содержание которого продиктовано особенностями художественного мышления определенной эпохи. Понимание и объяснение как две онтологические категории сознания включены в контекст философии языка, где «философия языка ... есть принципиальная основа философии культуры» [Шнем Г.Г. Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольдта. М., 2006. С.37].

Культура развивается в форме диалога, в рамках которого возможно позиционирование различных жанров искусства. В них опредмечена деятельность человеческого духа. Само понятие диалог было введено *Вильгельмом фон Гумбольдтом*. Принцип диалогичности в качестве метода гуманитарных наук был впоследствии разработан *Михаилом Бахтиным*.

Наиболее ярким способом воплощения диалога в культуре является *танец, создающий реальность телесного текста*. По существу, танцевальное движение есть отражение диалога тела и слова, плоти и духа. Отсюда *танец – пластический способ художественной интерпретации, в частности, литературного произведения*. И примеров тому можно привести достаточное количество.

Как пример, балет-миниатюра *швейцарского хореографа Матса Эка «Вишневый сад»* – современная хореографическая композиция, представляющая собой форму художественной интерпретации чеховского произведения, индивидуальное сценическое видение автора. Интересно суждение М. Эка: «Танец – это когда ты думаешь телом». Другим примером художественной интерпретации постмодернистского текста является балет *«Шепот цветов»* современного *тайваньского хореографа ЛИН Хвай-мина*, руководителя Театра танца «Небесные врата» в Тайване. Он развил познание мира через познание тела. И это познание происходит в контексте восточного восприятия жизни, в котором рефлексия тела представлена в горизонтальной плоскости.

Хореографический почерк балетмейстеров разнообразен и в то же время индивидуален, так как обусловлен возможностями жестовой артикуляции танцовщиц-исполнителей. В истории отечественной современной хореографии в качестве шедевра неувядающей классики останется балет *«Кармен-сюита»* на музыку Бизе-Щедрина в исполнении выдающейся балерины **Майи Плисецкой**. Данный балет иллюстрирует оригинальную эстетику танца, являющего собой эксклюзивную форму художественной интерпретации одноименного литературного произведения Проспера Мериме.

Своеобразие чеховского литературного таланта посредством хореографического рисунка раскрывается и в балете «Анюта», поставленного **Владимиром Васильевым** по мотивам произведения *«Анна на шее»*. Это еще один пример того как посредством синтеза пластического языка, музыкального сопровождения, драматической игры может быть рожден оригинальный текст в современной художественной культуре, развивающейся

только благодаря диалогу жанров искусства. И этот диалог имеет возможность постоянно расширять свои границы через позиционирование новых хореографических текстов как способа художественной интерпретации в контексте постмодернистского сознания.

Миловац Жанна Викторовна,
кандидат философских наук, доцент
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
научный сотрудник

Т.А. Михайлова (Москва)

Бофреры и бельсёры в русском окружении: коммуникативная стратегия

Доклад посвящен анализу текстовых представлений персонажа, состоящего с эмпатически пресуппозиционным Эго в отношениях свойства: является супругом одного из кровнородственных сиблингов Эго (зять, невестка), либо – состоит в кровном родстве с супругом Эго (деверь, золовка - для женщины, шурин, свояченица – для мужчины). После представления системности и стройности русской схемы ТРС (с опорой на так называемый «код Левина») мы предполагаем кратко коснуться следующих аспектов ее реализации в рамках русскоязычного художественного текста, а также – текста мемуарного, разговорного (или – имитирующего разговорную некодифицированную речь).

1. Последовательное «нежелание» говорящим признаваться во владении соответствующей терминологией (с подтверждающими тезис многочисленными цитатами из «жизни», художественной литературы, а также языка кино). Феномен датируется уже началом 19 в. и может иметь следующие объяснения:
 - 1.1. Влияние французской культуры, не различающей «мужской» и «женский» коды обозначений в стратегии номинации. «Бофрер» в «Анне Карениной». Оппозиция ценностных установок и национальных ориентиров в ходе коммуникации.
 - 1.2. «Фрейдистское» объяснение, опирающееся на традицию ритуального избегания и неназывания родственников жены, инцестуальные табу. Комплекс «Филомелы» как метафоризация запрета называния (в данном случае – *зятя*). Фрейд и его отношения с Минной Бернейс (*свояченицей*).
 - 1.3. Социолингвистическое объяснение, выдвинутое в работах Бурыкина и Попова. Термины свойства как знак принадлежности к «низовой» народной культуре. Смена установок в ходе социальных сдвигов (ср. *деверь* в «Театральном романе» Булгакова).
2. Анализ четырех кейсов употребления соответствующей терминологии в русской культуре и литературе:
 - 2.1. Пушкин – последние дни, инцестуальная драма. Анализ описания сложных взаимоотношений внутри семьи Пушкина на базе писем и дневниковых записей, а также – позднейшего переосмысления. Конкуренция русских и французских обозначений (1.1.).
 - 2.2. Бродский. «Но он любил *свояченицу*...»: запрет на инцестуальные отношения как стимул к самоубийству (1.2.).
 - 2.3. Высоцкий. «Послушай, Зин, не трогай *шурина*...» - намеренное введение неверного термина как знак социальной характеристики персонажа (1.3.).

- 2.4. Фильм «Сердца четырех» (1941, 1945) как продукт пропаганды «нового» образа мысли. Изображение «положительного идеала» современной женщины (Валентина Серова) и ее отношений с предполагаемым *зятем* (1.3.).
3. Анализ употребления соответствующей терминологии в современной журнальной прессе, намеренно создающей эффект достоверности (журналы «Невыдуманные истории», «Мистические истории» и пр.). (Предположительно реализация интерпретации 1.3.). Коннотативный дисбаланс терминов *шурин – деверь, невестка – золовка*.
4. Анализ употребления соответствующей терминологии в переводной литературе, ошибки и коммуникативные сбои (при отрицании возможности использования соответствующего аналитического термина, ср. – «она обратилась за помощью к своему шурину», но не – «брату мужа!»), а также – современного, преимущественно – англоязычного кино. С особым акцентом на сопоставительном анализе переводов романов и экранизаций Джейн Остин. Оппозиция англ. *sisters in law* и русск. *золовка и невестка*.

Кроме названных источников в работе предполагается обращение к данным Национального корпуса русского языка, современной журнальной прозе, а также – личным наблюдениям.

Работа ведется в рамках проекта РФФ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

Михайлова Татьяна Андреевна,
д.ф.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Института языкознания РАН,
профессор ИВКА РГГУ

М.Михеев, Л.Эрлих (Москва)

Можно ли употребление диалектных слов считать полноценным художественным приемом (или: Как обращаться в письмах к женщине, а как – к вождю?)

Единицы диалектной или просторечной лексики привлекают наше внимание в силу того, что в них выражается отчетливо различимый авторский литературный прием – его можно назвать и более пафосно: *укорочением дистанции* между героем и читателем – но можно и просто сказать о нем как об употреблении автором множества местных, диалектных слов или придуманных им самим на их основе речений, причем не только в прямой речи героев, но и в собственной, т.е. речи от автора.

Спасибо нашим «идеологическим» противникам, регулярно подвергающим оппонентов нелюбезной критике (*Ваша «разбивка» на Тихий Дон-1 и Тихий Дон-2 принципиально неверна, не загоняйте себя в «лысенковщину»*). Хотим здесь объяснить – заодно и с читателями. Друзья, мы считаем, что если возможно хоть как-то поймать Шолохова на плагиате, то логичнее всего это сделать, сравнивая те части ТД, которые были опубликованы до 1929 года (всё, что до XIV-й главы 6-й части ТД включительно): их-то мы и берем в качестве «сомнительного-Ш», того, которого подвергаем проверке, или «предположительно-Крюкова», обозначая как **ТД1** – и сравнивая этот массив, с одной стороны, со всеми текстами Крюкова, которые нам известны, а с другой стороны, со всем остальным Шолоховым, т.е. со всеми его **ДР, ТД-2, ПЦ, СЧ, ОсР** итд. (их мы обозначаем как **ШбезТД1**).

Если читателю такой метод отбора текстов кажется слишком груб (мол, и ПЦ писал определенно кто-то другой, а не сам Ш), то – да, возможно он что-то еще переписывал из предположительно украденных рукописей, переделывая что-то одно из них – в ДР, что-то другое в – ПЦ, даже что-то в СЧ или в ОсР, но – всё это было уже, так сказать, «вторичным переписыванием», так что на данных текстах гораздо более отразилась «рука» (и идеология, кстати) самого переписчика, плагиатора. Даже если считать, что жалкий писателишка-Ш вообще за свою жизнь ничего сам не написал (точка зрения, доведенная до абсурда), а только везде и всюду использовал чей-то чужой труд, заставляя переделывать – под свой лэйбл – доставшиеся ему рукописи Крюкова или чьи-то еще – Коротеева, Платонова, Булгакова, ... – то есть везде «впрягал» только своих работничков подневольно-умственного труда, то и тогда все-таки мы сможем отчленить текст, наименее подвергшийся деформации со стороны плагиатора (как такой текст разумнее всего, по нашему мнению, взять именно ТД1), от всего остального, вышедшего под авторством Ш-а. (Если оппоненты не согласны, то пожалуйста, как говорится, флаг в руки – но только докажите обратное: взявшись или за тексты Серафимовича, или Севского, или Коротеева, или того же Крюкова, кого хотите.)

Известная конспирологическая гипотеза, которую в данном случае вполне возможно допустить, состоит в том, что диалектные слова, в данном случае – *Завáтлать*, *Повáтлать* или *Ухлюстáться*, употребленные первоначально Крюковым в его текстах (конца XIX – начала XX в.), были подхвачены переписчиком из протографа и специально в несколько измененной форме – *Ватлать*, *Изватлать*, *Захлюстанный*, *Хлюстанка*... (дабы их нельзя было распознать как заимствованные – чтобы не смогли отыскать их жаждущие так или иначе уличить плагиатора неблагодарные его потомки), ну, а далее были просто размножены Шолоховым и его "командой" и распределены по тем текстам, которые выходили уже из-под их пера, причем диалектность, или насыщенность местными словечками и просторечием была в них многократно намеренно усилена: к уже экзотическим формам глаголов *Ватлать* и *Хлюстаться* была добавлена отсутствовавшая у Крюкова диалектная форма предложного падежа существительного – *В грязе́*, просторечное крюковское *Грязина* старательно заменена – *Грязюкой* (или в другом варианте – на *Грязюху*), а выражение *Пьяней грязи* – на аналогичное *Как грязь (пьяный)*. То есть в данном случае, при употреблении слов, выражающих смысл 'пачкать, грязнить, грязь', гипотеза о старательном **расподоблении** доставшегося Ш-у К-прототекста на свой манер, с гипертрофией диалектности, все-таки проходит. Имело бы смысл однако рассмотреть эту гипотезу и на остальных случаях употребления диалектных, видоизмененных, или искаженных на *простонародный манер* слов – как у Ш-а, так и у К-а. В докладе мы постараемся это сделать.

В письмах жене, как и в переписке с наиболее близко знакомыми женщинами (Е.Левицкой и Э.Цесарской) повторяется похожая картина: Ш-в пишет их всегда своим единым стилем, обильно снабжая *экзо*-словами, а поскольку его идиолект очень близок к идиолекту Крюкова, то некоторые из словечек, ранее не зафиксированных ни в ТД1, ни даже в массиве ШбезТД1, но знакомые нам только по массиву текстов К-а, как будто неожиданно «всплывают» тут на поверхность. Если же привлечь сюда еще и массив из 14 шолоховских писем Сталину, то и здесь *экзо*-слова составляют самостоятельную группу (18 слов), среди которых совсем нет *ганаксов* (правда, если не считать таковым отсутствующее и у К, и в ТД1, и в ШбезТД1 ругательство *Блядина*)⁴³.

К сожалению, мы не сможем сравнить употребление Шолоховым в первоначальном варианте текста «Тихого Дона» матерных выражений, которые безусловно там присутствовали, но потом были старательно удалены: ср. у Германа Ермолаева о

⁴³ Из цитирования допроса Логачева следователем Марковичем: «Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядина, сидит у нас! И сидит крепко!»

«пуританской чистке» ТД в 1928-31 гг., когда “из сорока с лишним <матерных> ругательств пострадали только два, обозначенные «е... м..!»”.⁴⁴

Михеев Михаил Юрьевич
д.филол.н., внс ИРЯ РАН;

Эрлих Лев Исаакович
независимый исследователь, пенсионер

Е.А. Мишина (Москва)

Варьирование как средство выразительности в древнерусских памятниках письменности

Языковые единицы, как правило, выполняют смысловоразличительную функцию. Это общее правило действует на разных уровнях языка, и в целом язык обычно стремится к экономии, избегая дублетность: ненужные дублетные варианты со временем выходят из употребления. Так, например, в современной орфографии исчез из употребления ять (ѣ), перестав быть в литературном языке смысловоразличительной единицей (отличной от «е»). Тем не менее в языке встречается и конкуренция, когда в одной и той же позиции для выражения одного и того же значения возможно употребление разных единиц (*бегемот – гиппопотам*). Сохранению в языке дублетных вариантов часто способствует их дополнительная дистрибуция (функциональная, жанровая, стилистическая и т.п.). Это легко продемонстрировать на примере орфографии. Так, например, большие юсы (ж, ъж) довольно рано исчезли из употребления, в то время как малый юс (а) сохранялся долго (и до сих пор не вышел из употребления в церковнославянском языке) благодаря тому, что к концу XI века сложилась и закрепилась четкая орфографическая дистрибуция: после согласных пишется а, а в начале слога и слова – ю.

Однако не для всех языковых дублетов вырабатывается в языке четкая функциональная дистрибуция. И в этом случае дублетные элементы, возможные в одной языковой позиции, могут варьироваться для создания разнообразия (по примеру синонимов). Такого рода вариативность характерна для древнерусских текстов.

Прежде всего, прием эстетической (а не функциональной) вариативности встречается на орфографическом уровне, и известен как «расподобление». Писцы многих рукописей предпочитали не писать две одинаковые графемы рядом или в одном слове, используя для этого дублетные буквы (например, ж и оу, разные варианты «и»: и, ѿ, ѿ и т. п.). Делалось это исключительно из эстетических соображений, чтобы избежать повторов и однообразия (напр., падоуюш~~т~~ю~~ж~~, роу~~ж~~). Примеры «расподобления» в одном слове отмечались исследователями неоднократно. Однако в действительности писцы использовали данный прием гораздо шире. Так, в ранних древнерусских памятниках (Изборник 1076 г., Мстиславово Евангелие и некоторые др.) можно проследить самые разнообразные паттерны исключительно эстетического чередования графических вариантов ука (оу, Ѹ) и ю с большими юсами (ж, ъж), для которых (в отличие от малого юса) не было выработано функционально-позиционной дистрибуции. Данный прием мог распространяться не только на графемы, стоящие рядом внутри одного слова, но также на облик слов, соседних друг с другом, расположенных на одной строке, в соседних строках, недалеко друг от друга на листе или даже на соседних листах. И писцы в этом случае придумывают и следуют самым разнообразным принципам чередования,

⁴⁴ В его кн. «ТИХИЙ ДОН» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕНзуРА. 1928—1991. М., ИМЛИ РАН, 2005, с.22.

поскольку функциональных правил не было. Так, чередования встречаются в окончаниях словосочетаний сущ. + прил./мест. (дѣшѣ твою Изб-76 9об., домѣ семоу Мст. Ев. 32об.), в одинаковых суффиксах однородных членов (плачюшти и трепечѣшти Изб-76 211об. 2–3), в повторяющихся на одном листе окончаниях однокоренных слов (оцѣх... оцѣю Изб-76 45–45об., юмоу... юмѣ... юмоу... юмѣ Мст. Ев. 4об.), возможны зеркальные паттерны (приимѣ ю... полагаю ѣ Мст. Ев. 18). Как правило, подобные чередования реализуются не как жесткое правило, а в качестве тенденции.

Принцип эстетического «расподобления» и варьирования в позиции конкуренции проявляется в древнерусских текстах не только на орфографическом уровне, но и на других языковых уровнях. Это может касаться облика морфем (*город-/град-*), употребления разновременных (например, *аорист vs -л-форма*) и разновидовых (*поклонятя – поклоняютя*) форм в рамках одного контекста, в одинаковых или схожих, соседствующих на листе, грамматических и синтаксических конструкциях.

В докладе будут рассмотрены подобные примеры применения принципа «эстетического чередования» на разных уровнях языка в древнерусских текстах.

Екатерина Андреевна Мишина
к.ф.н., старший научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

А.Б. Мороз (Москва)

Проданный праздник и украденная часовня. Деревенский праздник как символический капитал

В докладе будут рассмотрены фиксируемые фольклористами на Русском Севере малочисленные, но повторяющиеся рассказы о купле-продаже или краже установленных деревенских праздников или сакральных объектов (часовня), которые по очевидной логике не могут быть отчуждены, а также об антиномической ситуации дележа одного праздника на две деревни. Все эти рассказы сводятся к идее противостояния соседних деревень, входящих, как правило, в одну волость (или куст деревень), по принципу оппозиции локальных праздников: Никола зимний vs вешний; Власий vs Медосий (Модест, патриарх Иерусалимский) и т. п. Соседние деревни, согласно логике выстраивания междеревенских отношений, должны иметь каждая свой, но при этом разные праздники – совпадение сулит катаклизмы. Отсутствие у деревни своего праздника считается недопустимым. Важнейшим фактором междеревенских отношений является регулярное хождение в гости на праздник из одной деревни в другую, а прием гостей и угощение рассматривается как способ показать гостям свое превосходство. В этом контексте возникает сюжет о купленном или украденном празднике как инструменте выстраивания иерархии деревень в границах одного куста.

Мороз Андрей Борисович,
доктор филологических наук,
профессор НИУ ВШЭ и РГГУ

И.В. Мухачёва (Москва)

Арзамас – раз, «Арзамас» – два, Arzamas – три, Арзамас-16: почему у нас столько Арзамасов?

*Есть сотни маленьких городов в России.
Никто даже толком не знает об их существовании.
А вот Арзамасу повезло.
К. Г. Паустовский*

Предлагаемый доклад имеет целью показать, почему, по словам К. Г. Паустовского, «Арзамасу повезло». «Везение» заключается в том, что имя этого небольшого города Нижегородской области закрепилось не только в истории и географии, но и в культуре России. С историей и географией связаны топонимы Арзамас, Арзамас-16 и Арзамас-75, а с культурой – онимы «Арзамас» и Arzamas.

Имеется несколько версий происхождения топонима Арзамас. Представляется, что наиболее убедительной следует считать версию А. И. Попова, которая отличается от этимологизации, предложенной в словаре М. Фасмера. По мнению А. И. Попова, название города происходит от мордовского личного имени Арземас или Арзамас, Орземас, которое может быть переведено на русский язык как ‘желанный’.

«Культурной тезкой» географического Арзамаса является литературное общество «Арзамас», возникшее в противовес обществу «Беседа любителей русского слова» и существовавшее в Петербурге в 1815–1818 гг. В отместку за высмеивание В. А. Жуковского в комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» одного из участников «Беседы» Д. Н. Блудов, будущий член «Арзамаса», сочинил «Видение в арзамасском трактире, изданное обществом ученых людей». Арзамас привлек внимание Д. Н. Блудова потому, что в начале XIX в. местный живописец А. В. Ступин устроил в городе первую в истории России частную рисовальную школу, которую вскоре официально признала и приняла под свое покровительство Академия художеств, удостоив Ступина звания академика, что было практически невыносимо для уездного городка. Поскольку участники будущего «Арзамаса» называли рисовальную школу А. В. Ступина «Арзамасской академией», решено было назвать этим же именем и сам кружок, сокращенно «Арзамас».

Этот литературный кружок – яркий культурный феномен, но не единственный «культурный тезка» города Арзамаса. В 2015 г. возник просветительский проект Arzamas, посвященный истории культуры и имеющий собственный сайт, радио, аудиоприложение для детей, подкасты и т. д. Главный редактор проекта, Филипп Дзядко, отвечая в интервью на вопрос о том, почему проект получил такое название, упоминает и литературное общество («То, что мне в нашей культуре больше всего нравится, есть в “Арзамасе”: легкое, свободное, дружеское, ориентированное на Европу»), и город в Нижегородской области («Арзамас – название небольшого российского города, в котором сходится многое из того, что я люблю в нашей стране. Хочется разговаривать со страной, а не с Москвой, как это часто происходит»).

Помимо культурных, у Арзамаса имеются и топонимические тезки – названия Арзамас-16 и Арзамас-75, которые носил в XX в. другой город Нижегородской области – город Саров. Однако, их нельзя было обнаружить на большинстве карт, поскольку Саров имел статус закрытого города.

Использование числительных в топонимических названиях встречается, и «можно стать на такую точку зрения, что числовое обозначение места является самым простым и самым естественным его указанием» [Успенский 2008: 101]. Однако эта позиция вряд ли верна, ведь человеку, присваивающему название какому-либо месту, хочется обособить, выделить его. Кроме того, топонимы типа Арзамас-16 привлекают внимание своей нестандартностью.

Н. С. Валгина, размышляя об активных процессах в русском языке, отмечает чрезмерную активизацию форм именительного падежа, причем не только в разговорной речи. По ее мнению, «ступени в синтаксической организации подобных структур вполне очевидны: *Дом под номером двадцать девятым – Дом номер двадцать девять – Дом*

двадцать девять» [Валгина 2003: 216]. Однако сомнительно, чтобы топоним Арзамас-16 прошел такой путь становления.

Арзамас-16 и Арзамас-75 – это условные почтовые адреса для открытой переписки, по которым стали именовать сам город Саров, имевший секретное название Кремлев. Поскольку этими адресами пользовались рядовые жители города, не имевшие отношения к засекреченному объекту, они, как бы за неимением других вариантов, присвоили городу название по почтовому адресу.

Таким замысловатым образом переплетаются история, география и культура в названии Арзамас – названии города, который вряд ли поэтому можно считать провинциальным.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М. 2003.
2. Попов А. И. Арзамас // Русская речь. 1968. № 1. С. 75–77.
3. Успенский Л. В. Загадки топонимики. М. 2008.

Мухачёва Ирина Валерьевна,
кандидат филологических наук, МГУ имени М. В. Ломоносова, преподаватель

Е.И. Назарьев (Москва)

О лингвистике и прагматике военно-мемуарного дискурса

В докладе рассматриваются военные мемуары как дискурсивное явление. При наиболее близком рассмотрении данной категории невозможно игнорировать их пересечение как с документалистикой, так и с художественной литературой.

Проникновение языковой личности автора в нарративное своеобразие военных мемуаров, её выход на первый план произведения и причастность одновременно и к культуре, и к подсознательному, уникальному мировосприятию самого автора приводит к возникновению однозначной специфики такого текста. Так развивается однозначная суггестивная функция военного текста, направленная на интеракцию между читателем и текстом, диалогичность, при частую устойчивой формальной монологичной структуре, сложном сочетании поэтических и прозаических явлений.

Так возникает проблема восприятия эмоций и эстетики языковой личности автора. Передача художественных элементов текста сама по себе крайне важна для военной мемуаристики, как для одного из наиболее интересных представителей текстов экспрессивного типа, однако его восприятие осложняется ещё и вовлечением военной тематики, а также, зачастую, присутствием инородной лингвокультуры.

Внутри дискурса естественным образом формируется историко-культурная и лингвокультурная основа, которая не является в своей сущности фактором обусловленности дискурса, но выступает в роли пресупозитивной среды, на фоне которой и осуществляется дискурсивная деятельность. Так языковая личность обуславливает специфическое воплощение самого дискурса, а дискурс в свою очередь порождает специфическое материальное воплощение культуры. При этом для понимания взаимодействия дискурса и культуры важно учитывать как чисто лингвистические, так и прагматические проявления, то есть исследовать как ментальную сферу деятельности человека, так и скрытые культурно маркированные элементы текста. Всё это приводит к необходимости создания такого дискурсивного анализа, который позволил бы

исследовать одновременно языковые, текстовые и культурно-ситуативные составляющие дискурса.

Назарьев Егор Игоревич
Кафедра общего и сравнительного
языкознания ИИЯ им. М. Тореза

О.В. Никифорова (Арзамас)

Наименование женщины лёгкого поведения в нижегородских говорах

Отличительной чертой русской ментальности, присущей сельским жителям с их патриархальным укладом жизни, являются моральные суждения. В традиционной народной культуре всё, что определяется как норма, имеет высокий социальный статус. Это замужняя женщина и женатый мужчина; дети, рождённые в браке; супруги, заботящиеся друг о друге, о детях, о доме, о престарелых родителях. Всё, что противоречит норме, получает отрицательную оценку. Так, диалектоносителями признаётся ошибочным, несоответствующим нормам нравственности поведение распутного, развратного человека, особенно женщины. Положение женщины в обществе определялось отношением к сексуальной сфере и деторождению. В традиционной народной культуре женщина могла реализовать себя в полной мере только в браке, выполнив жизненное предназначение – рождение ребенка. Она была обязана утвердить своё положение в семье не только как женщина, но и как мать. Все остальные жизненные сценарии (внебрачные отношения, добрачная беременность, рождение детей вне брака и др.) считались грубым нарушением нравственности и повсеместно порицались. Низкий социальный статус имеет женщина, родившая вне брака; женщина, плохо выполняющая функции в браке, например, гулящая. Именно таких женщин, заслуживших неуважение предосудительными поступками, по словам Т. В. Леонтьевой, «язык фиксирует в качестве социальных маргиналий».

В нижегородских говорах диалектная лексика для обозначения женщины, своим поведением попирающей ценности народной культуры, относится к разряду пейоративной и объединяется в несколько групп: номинации женщин, вступающих во внебрачные отношения (*любовница, полюбовница, голубушка, дешёвка, сожительница, лярва, дама, свистуха, подруга, слабая девка, дешёвая девка*); номинации женщин, родивших ребенка вне брака до замужества (*беззаконница, бесчестная, выблядка, незамужница, дева нагульная*); номинации женщин, вышедших замуж без согласия родителей (*самоходка, самокрутка*); номинации замужних легкомысленных женщин лёгкого поведения (*распутная женщина, вольная баба, общая баба, гулящая баба, беспутая жёнка, блудная баба, развратница, распутница, блудница, давалка, вертихвостка, потаскушка, илюшка*). Данные лексемы в нижегородских говорах содержат в своей семантике пренебрежительную, оскорбительную, грубую, презрительную, пренебрежительную оценку, относятся к бранной антиэтической лексике.

Большая часть лексем мотивирована глаголами, имеющими значение ‘вести разгульный образ жизни, распутничать’ с протозначением ‘передвигаться, ходить’: гулять – *гулящая, гулёна, гуляка, гуляха, гуляшка*; блудить – *блудница, блудня, блудная девка*; таскаться – *потаскуха, потаскушка*; шляться – *илюха, илянда, иляндра*. Сема ‘движение’, ‘путь’ заключена в лексемах *беспутная, распутная, непутная, непутёвая*. Лексемы *грешница, блудница* изначально были связаны с церковными представлениями. Зафиксированы лексемы с иноязычным этимологом, например, *проститутка*, которое в речи диалектоносителей трансформируется в *простигосподи*.

Таким образом, крайне негативное отношение сельских жителей к блуду и многочисленность наименований в нижегородских говорах распутной женщины, ведущей безнравственный образ жизни, свидетельствуют, о нравственности и большом стремлении жителей Нижегородской области к целомудренности и чистоте во взаимоотношении полов. Поскольку лексемам присущ образно-метафорический и оценочный характер, они выражают мировоззренческие, этические, общекультурные смыслы, что позволяет рассматривать их как субстрат народной культуры.

Никифорова Ольга Валентиновна,
кандидат филологических наук, доцент,
декан историко-филологического факультета
Арзамасского филиала ННГУ

С.А. Нога (Санкт-Петербург)

Истории для детей о психическом здоровье: на границе науки, искусства и педагогики

Научная коммуникация — это термин, который отсылает нас сразу к нескольким областям взаимодействия: музеям, блогам, журналистике и в то же время научным публикациям и конференциям. Концептуально — это работа на стыке интересов ученых, общества и государства.[1] Профессионалы в области коммуникации научного знания зачастую отправляются на поиски форм, где научное знание может преломиться в призме искусства. Например, в практике научной коммуникации можно встретить проект *Dance your PhD*, в которой ученые превращают свои докторские диссертации в танец и музыкальную композицию.[2]

Исследования, посвященные поискам наиболее продуктивной формы сообщения научного знания детям, уделяют внимание фактору эмоционального вовлечения. Одним из приемов такого вовлечения могут стать истории (или нарративы), так как именно истории дают возможность проявиться эмоциям и создают значимый контекст для восприятия научных фактов.[3] В работе с детьми также важна педагогическая работа, влияющая на выбор моделей поведения в ситуациях столкновения с феноменом, и история — также может поставить проблемный вопрос для обсуждения с наставником или предложить решение. Одним из проблемных вопросов является долгое время маргинализованная в российской действительности тема психического здоровья. Так как эта ситуация имеет распространенный характер — по данным Института показателей и оценки здоровья, 13,04% или около 970 млн. человек в мире столкнулись с психическим расстройством в 2019 году[4] — имеет смысл раскрыть ее феноменологию для детской аудитории. Однако тема требует от авторов поиска оригинальных форм, способных как заинтересовать юных читателей, так и сделать долгое время маргинализованную в российской действительности проблему доступной для осмысления и интегрируемой в картину мира субъекта с минимальной степенью искажений.

Сегодня большинство произведений для детей на тему психического здоровья являются пограничными, сочетая в себе педагогический или научный элемент, вписывающиеся в художественную структуру, они находятся на стыке адаптирующего, информирующего и иногда культурно значимого текста.

Одним из выдающихся текстов на эту тему является роман Элизабет Феншем *Helicopter Man*, написанный в форме дневника мальчика, который остается жить с отцом, страдающим параноидальным расстройством. [5] В 2006 году книга получила награду Австралийского совета детской книги в категории «Книга года для юных читателей». Читатель получает детективную историю: она наполнена напряженным событийным

рядом, что может в значительной степени удерживать внимание. В сочетании детективного романа и научной информации дети могут получить представление о специфике проявлений и причин психического нездоровья.

Гретхен Келбо совместно с Центром наркологии и психического здоровья в Торонто предлагает историю *Can I catch it like a cold* [6], через которую дети получают ответы на основные вопросы о депрессии. Автор работает на стыке двух форм: художественной — в произведении есть герои и путь, хотя эти формы функциональны; и методической — автор указывает на конкретные структуры, в которые можно обратиться при столкновении с психическим расстройством.

После обзора верно отметить, что наиболее полной формой для коммуникации с детьми на тему психического здоровья могут стать тексты на стыке художественного вымысла, научного знания и обучающих методик. Текст, выведенный на границу трех составляющих, может стать уникальным примером коммуникации, закрывающим сразу несколько потребностей юной аудитории в процессе познания сложных феноменов окружающего мира и адаптации к ним.

[1] MOOC «Научная коммуникация». Александра Борисова. Научная коммуникация в России и в мире. URL: <https://mooc.lektorium.tv/asset-v1:ITMO+NK+ondemand+type@asset+block@4.1.pdf> (Дата доступа: 30.03.2023 г.)

[2] Dance Your Ph.D. Science. URL: <https://www.science.org/content/page/announcing-annual-dance-your-ph-d-contest> (Дата доступа: 30.03.2023 г.)

[3] ElShafie S. Making Science Meaningful for Broad Audiences through Stories. // *Integrative and Comparative Biology*. №58. P. 1213–1223.

[4] Institute of Health Metrics and Evaluation. Global Health Data Exchange (GHDx). URL: <http://ghdx.healthdata.org/gbd-results-tool?params=gbd-api-2019-permalink/d780dffbe8a381b25e1416884959e88b> (Дата доступа: 31.03.2023 г.)

[5] E. Fensham. *Helicopter Man*. — Bloomsbury, 2005. — 144 p.

[6] Kelbaugh G. *Can I Catch It Like A Cold?: A Story To Help Children Understand A Parent's Depression*. — Centre for Addiction & Mental, 2002. — 22 p.

Нога София Алексеевна,
магистр 2 курса, Университет ИТМО,
направление «Научная коммуникация»

В.В. Нуркова (Москва)

САМООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ЛИЧНОСТИ⁴⁵

Автобиографические тексты порождаются человеком в различных коммуникативных контекстах, с различной мотивацией и, в связи с этим, приобретают своеобразные характеристики. Формальная автобиография, интимный дневник, сетевой блог, мемуары для печати и мемуары для младших членов семьи – один и тот же человек способен получать от своей памяти тонко нюансированные нарративы, точно калиброванные посланным ей запросом.

С распространением научной и прикладной психологии в культурный репертуар вошел новый жанр автобиографического текста – рассказ о себе в рамках психотерапевтического или исследовательского дискурсов. Одной из наиболее амбициозных нарративно-ориентированных исследовательских практик, претендующих

⁴⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФ 22-28-00368.

на максимальную экономичность и информативность относительно личности, является экспликация самоопределяющих автобиографических воспоминаний (СОВ). Указанная процедура исходит из презумпции того, что человек располагает совокупностью воспоминаний, которая является своеобразным экзистенциальным «автографом» личности, представляя собой метафорическое выражение её ядерной мотивации, устойчивых черт и ведущих целей [4]. Отсюда, для получения материала, который может служить единицей анализа личности, участника исследования просят вспомнить и рассказать такой субъективно достоверный эпизод личного прошлого, который «выражает его личность», «показывает его настоящего». В соответствии с концепцией СОВ как средства выражения личности через содержание автобиографической памяти вводится ряд дополнительных требований [2]. Так, типичная инструкция предлагает конкретизировать СОВ таким образом, чтобы оно: 1) относилось к периоду более года назад (индикатор принадлежности к автобиографической памяти); 2) было эмоционально насыщенным (индикатор релевантности актуальной мотивации); 3) обладало четкостью и детальностью (индикатор субъективной достоверности); 4) многократно вспоминалось прежде (индикатор включенности в психологический репертуар) и 5) вызывало цепь ассоциативно связанных воспоминаний (индикатор вершинного положения в «смысловой грозди» автобиографических воспоминаний).

На современном исследовательском поле представлены работы корреляционного характера, направленные на поиск как универсальных, так и популяционно специфичных систем взаимосвязей различных аспектов СОВ с характеристиками личности и поведенческими переменными. Крайне важно подчеркнуть существование данных (пусть и немногочисленных), свидетельствующих в пользу того, что СОВ – не эпифеноменальные образования, способные лишь информировать о текущем состоянии личности, но и потенциальные средства активного воздействия на протекание разноплановых психических процессов и поведение. Эта идея раскрывается в двух частично пересекающихся направлениях исследований: 1) клинические случаи использования СОВ в психотерапии; 2) экспериментальные воздействия на характеристики СОВ, приводящие к изменению личностных и поведенческих переменных.

Признавая явный интерес к явлению СОВ в современной когнитивной психологии личности, следует признать, что статус данного типа автобиографических текстов остается во многом маргинальным. Не прояснена связь СОВ с традиционной формой развернутого письменного нарратива, в т.ч. в художественной литературе; не раскрыта история развития СОВ в ряду иных автобиографических жанров; отсутствуют работы, осваивающие феномен СОВ с применением междисциплинарного методического инструментария.

Литература

1. Нуркова В.В. Автобиографический нарратив как действие целенаправленного самосозидания личности // Психология деятельности в XXI веке: к 50-летию факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова: сборник научных трудов (Ученые записки кафедры общей психологии. Вып. 3); [науч. ред. Б.С. Братусь, Е.Е. Соколова, Е.В. Битюцкая]. М.: МГУ, 2016. С. 311–329.
2. Нуркова В. В. Самоопределяющие автобиографические воспоминания в системе личностно-мнемических межфункциональных связей // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 1. С. 79–89.
3. Nourkova V., Gofman A. Everyday heroes: Graphical life stories and self-defining memories in Covid -19 medical volunteers // Journal of Personality. 2023. V. 91. № 1. P. 85–104.
4. Singer J. A., Blagov P., Berry M., Oost K. M. Self-defining memories, scripts, and the life story: Narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of personality. 2013. V. 81. № 6. P. 569-582.

Нуркова Вероника Валерьевна
доктор психологических наук, доцент, профессор РАН, профессор факультета психологии,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

3. Е. Оборнева (Москва)

Письма «метаморфского митрополита» Неофита: особенности перевода

Изучая русско-греческие дела, отложившиеся в 1 описи 52 фонда РГАДА (Сношения России с Грецией), исследователь сталкивается с документами, выходящими за рамки стандартной документации Посольского приказа и общепринятого формуляра, соблюдаемого в грамотах, челобитных, расписках и выписках. Именно такой материал содержится в деле о «приезде Метаморфского монастыря митрополита Неофита, сосланного потом в ссылку в Свяжский монастырь за дурное его, по доносу старцов, поведение», от 24 февраля 1628 г., содержащее 319 листов.

Кроме документов о приезде митрополита и его ссылке, значительный объем «дела» занимает дневник Неофита, написанный до его приезда в Россию (опубликован Л.Ю. Астахиной), а последние 80 листов – письма Неофита к родственникам и друзьям в Константинополе, перехваченные у него, по-видимому, во время первого или второго побега из заточения в конце 1629 – начале 1630 г. После этого опальный митрополит был переведен из монастыря в городскую тюрьму. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Письма Неофита дошли до нас исключительно в переводе. Необычно то, что письма турецким сановникам, например, Ибрагим-паше, Кедыр-паше, были написаны по-гречески. Объяснение этому обнаруживается в письме к брату Георгию, которого митрополит просит переписать (то есть перевести) грамоты по-турецки и отдать в Сарай, чтобы османское правительство поспособствовало освобождению Неофита через патриарха. Сам митрополит не знал турецкого и татарского языков, что выяснилось при его задержании. Еще одно письмо адресовано к турку Рум-Ибрагиму, который был греком и «потурчился», что объясняет греческий язык послания. Большинство же писем адресовано лицам с христианскими именами, по-видимому, хорошо знавшим греческий язык.

Вопрос об имени переводчика писем представляет значительные сложности. В это время в Посольском приказе служили Иван Селунский, Борис Богомольцев и Анастас Селунский, но, во-первых, язык писем несколько отличается от общепринятого языка перевода греческих грамот (там содержится большее количество книжных слов и оборотов), а во-вторых, в письмах Неофит обвиняет «главного» на тот момент переводчика Посольского приказа Бориса Богомольцева, поэтому перевод вряд ли мог быть поручен переводчикам внешнеполитического ведомства. Из писем мы узнаем о действительной причине ссылки митрополита, а также становится понятным, почему через два года Борис Богомольцев сам попал в опалу и был сослан в Малмыж, после чего смог вернуться на прежнюю должность лишь спустя более 10 лет. Можно предположить, что письма митрополита мог перевести чашник Иона из казанского Спасского монастыря, которому адресовано последнее сохранившееся послание Неофита, написанное по-гречески.

Оборнева Зинаида Евгеньевна
канд. ист. наук, научный сотрудник Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

С.А. Пантелеев (Сергиев Посад)

Проблема авторства «Послания к монашествующим» Серапиона Тмуитского

Святитель Серапион, епископ Тмуитский, автор IV в., создал довольно большое число сочинений, среди которых было не менее 55 посланий (по свидетельству прп. Иоанна Дамаскина). Однако до нас дошло очень незначительное число его трудов, включая «Послание к монашествующим» (*Epistula ad monachos*, CPG 2487). Вплоть до недавнего времени оно считалось подлинным творением епископа г. Тмуиса.

К. Фитшен в 1992 г. подверг авторство сомнению, выдвинув ряд внешних и внутренних аргументов, которые не могут быть приняты без дополнительного внимательного рассмотрения. Например, автор обращает внимание на рукопись из Синодального собрания ГИМа (№ 128), содержащую текст «Послания», но где утрачено начало (около листа) и затем надписано «Его же слово к монашествующим Египта» (л. 148 об.). «Его же» здесь должно относиться к свт. Иоанну Златоусту, чьи гомилии открывают рукопись. Но поскольку Златоусту «слово» не может принадлежать, оно, по мысли К. Фитшена, создано анонимным автором.

Кроме необходимости, на наш взгляд, пересмотра этого и иных аргументов против подлинности, которые выдвигает немецкий исследователь, можно предложить, как минимум, одно доказательство в защиту подлинности «Послания к монашествующим». В частности, необходимо обратить внимание на введенное в научный оборот в сер. XX в. послание, адресованное ученикам прп. Антония Великого (CPG 2493). Его греческий оригинал утрачен, имеются только сирийская (представлена двумя рукописями) и армянская (минимум семь рукописей) версии (рус. перевод: Послание Серапиона Тмуитского ученикам преподобного Антония / Перевод с древнеармянского, примечания диак. С. Пантелеева, перевод с сирийского, примечания М. Г. Калинина // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: Издат. Правосл. Св. Тихоновс. гуман. университета, 2015. Серия «Филология». Вып. 5 (45). С. 127–134).

Подлинность этого послания не подвергается сомнению даже К. Фитшеном. *Epistula ad Antonii discipulos* довольно краткое произведение, одной из тем которого является призыв к ученикам «отца монашества» подражать их учителю, прежде всего в силе молитве. Кроме того автор останавливает свое внимание на идее заступничества праведников перед Богом, благодаря чему живущие на земле избегают самых различных бед. Сам прп. Антоний именуется «ходатаем» (в армянской версии) и только благодаря его молитве гнев не сходил на землю (египетскую).

В «Послании к монашествующим» автор, после своего рода «энкомия» монашеству, переходит к теме ходатайства праведников. В зависимости от молитв монахов ставится благоденствие мира в целом, жизнь г. Александрии, а также такие явления, как своевременный дождь, разлив Нила и т. д. Одним из праведников-ходатаев называется пророк Моисей, в послании же к ученикам прп. Антония – Аарон, действовавший по указанию Моисея.

Приведенные аргументы, с одной стороны, не могут дать полной уверенности в том, что «Послание к монашествующим» принадлежит Серапиону, епископу Тмуиса. С другой стороны, доводы К. Фитшена тоже не являются окончательным доказательством ошибочности традиционной атрибуции рассматриваемого сочинения. С учетом же сложившейся традиции и указанного явной параллели, мы вполне можем считать, что оно принадлежит епископу Серапиону.

Пантелеев Сергей Александрович,
Диакон, кандидат богословия,

Е.А. Пастернак (Москва)

«Известные всем происшествия и подлинные дела»: о формировании биографии Державина им самим и другими

В докладе пойдёт речь о, пожалуй, одном из самых оригинальных автобиографических сочинений в русской литературе рубежа XVIII – XIX веков — «Записках из известных всем происшествиев подлинных дел, заключающих в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина». На склоне лет знаменитый автор решил описать собственную биографию, однако сделал это весьма нестандартным образом.

Он выбирает повествование от третьего лица, однако очень подробно описывает мысли, чувства, причины поступков (себя / своего героя), — получается необычная нарративная конструкция, которая будет рассмотрена на конкретных примерах. Кроме того, поэт явно не просто пишет рассказ о себе, но пытается сочинить своеобразный роман, во время чтения которого можно следить за приключениями главного героя. Он определённым образом старается сделать текст занимательным, выстроить повествование по законам этого жанра — возможно, не формулируемым им прямо, а иногда действительно совпадающим с деталями его реальной биографии (детство в бедной семье, осознание своего поэтического дара, становление героя-самоучки и т. д.).

При этом его представления о занимательности зачастую расходятся с современными: так, он считает нужным подробно и несколько утомительно для читателя описывать всё, что касается мелких деталей разных «происшествиев». Парадоксально, но при таком стремлении к буквализму державинское повествование нельзя назвать максимально достоверным: он останавливается далеко не на всех событиях из своей жизни, зачастую упускает или искажает причины тех или иных поступков, а о той части биографии, которая представляется наиболее любопытной — собственном творчестве, сочинении стихов, общении с другими поэтами, — рассказывает совсем не столь подробно, как можно было бы ожидать от одного из крупнейших русских поэтов.

Державинские «Записки» остались маргинальным памятником литературы: их нельзя в полной мере назвать ни «обычной» писательской биографией для широкого круга читателей, ни романом, ни записками «в стол», ни сознательно продуманным автобиографическим повествованием о собственной жизни, хотя в них можно найти отдельные черты текстов такого типа.

Сочинение Державина будет сравниваться в докладе с другими попытками написать биографию поэта (Я. К. Грот, В. Ф. Ходасевич и др.) — будет кратко обозначено, какую стратегию для повествования выбирают разные биографы, чем она (не) отличается от державинской и какой образ поэта в результате формируется у читателя.

Пастернак Екатерина Алексеевна
к. филол. н., м. н. с. Института мировой культуры МГУ имени М. В. Ломоносова

Е.Н. Пенская (Москва)

Тело и дело Робера Макера: маргиналии в эго-документах А.В.Сухова-Кобылина

17 октября 1870 г., Сухово-Кобылин, спустя год после завершения фарса «Смерть Тарелкина», последней части драматической трилогии, сделал помету в «Записной книжке»: «Тень Робера Макера преследовала меня...» (РГАЛИ. ф. 438 оп. 1 ед. хр. 247. Л. 114).

Имя этого авантюриста, преступника, героя мелодрамы «Постоялый двор в Адрэ», сочиненной тремя авторами - Бенжаменом Антье, Сент-Аманом и Полиантом – и поставленной 2 июля 1823 г в парижском театре «Амбигю Комик», обрело долгую жизнь не только во французской (Lemaire M. Robert Macaire: la construction d'un mythe. Du personnage théâtral au type social, 1823—1848. Paris: Honoré Champion, 2018; Мильчина В.А. Жизнь и приключения саркастического бандита// Новое литературное обозрение. 2021. №1. С.96-97), но и европейской культуре (Крэг Э.Г. Генри Ирвинг. (Фрагменты книги) // Крэг Э. Г. Воспоминания, статьи, письма. М.: Искусство, 1988. С.128). Облик героя претерпевал многообразные трансформации (Сеголен Ле Мэн. Представления общества о теле. III. Робер Макер// История тела в трех томах. Т.2. От Великой французской революции до Первой мировой войны. М.:Новое литературное обозрение, 2014. С. 110-118) еще и благодаря исполнению блистательного актера Фредерика Леметра, игра которого способствовала сотворению макеровского мифа. Русский Робер Макер – отдельная тема. Пожалуй, не изученная. Известно, что Тургенев, Герцен упоминали о нем. Анненков красочно и детально описал постановку пьесы «Робер Макер» в 1848 г. (Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. С. 231—233). Русский опыт рецепции французских авантюристов достаточно устойчив, и Робер Макер наряду с Рокамболом (персонажем серии романов Понсона дю Террайля) занимает прочное место. Сухово-Кобылин не является исключением среди тех, кто апеллирует к этой практике, примеряя Робера Макера к отечественным реалиям. В августе 1856 года он с сарказмом описывает московские торжества по случаю коронации сына и преемника Николая, Александра II: "В два часа началось шествие. Впереди ехали жандармы, затем придворные лакеи, потом конвой государя. Чернел в кольчугах азиатский полуэскадрон. Линейные синие казаки, синие атаманские казаки. Потом депутации государевы: черкесы, бухарцы, киргизы, грузины, гурийцы и, наконец, знатное русское дворянство верхом... Рядом за этими вольными народами, за этими крепкими натурами, энергичными лицами тащились бесшляпные, гадкорожие, жирные, подловидные, изнеженно-гнилые русские дворяне и два Робер Макара (так у Сухово-Кобылина – Е.П.) — Андрей Борисович Голицын и Владимир Сергеевич Голицын. Я закрыл лицо руками. Рядом с кольчугами, копьями, пашками и южною красотой костюма гурийского ехал кварталенообразный и подлобедный дворянский мундир. За ними ехали кирасиры и потом государь и его свита. Он был на бело-серой лошади не очень большого роста, и немедленно за ним густою толпою великие князья в разнообразнейших формах — все это составляло безразличную массу. Свита была страшная, до 200 человек. Впереди их ехал Государственный Совет и придворные в золотых мундирах. Четыре кареты были нагружены Государственным Советом и министрами....Сколько в этих четырех золоченых ящиках было соединено грязи, гнили, подлости и совершенных, и имеющих быть совершенными, интриг. Я... упрекал церемониймейстера, зачем за ними не везли цугом же громадную кисолету с куревом для очищения заражаемого воздуха..." (Сухово-Кобылин. Дневник// Дело Сухово-Кобылина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 157-158). Этот злой очерк с незначительными вариациями встречается и в записных книжках (РГАЛИ. Ф.448. оп. 1 ед. хр. 252. Л.39), а возвращаясь к описанию игры Леметра, которая, видимо, производила впечатление и на Сухово-Кобылина, он называет его «Росцием бульваров» (Сухово-Кобылин. Записная книжка. Конец 1860-1870-е гг. РГАЛИ. Ф.448. оп. 1 ед. хр. 247. Л.76). Кстати, Эйзенштейн в своих рассуждениях о пафосе, романтическом театре и о причинах, породивших образ Робера Макара, повторяет ту же характеристику, а свой путь от него к звуковому кино, применение монтажных приемов осмысляет через телесные

воплощения Леметра в роли Робера Макера, отраженной в карикатурах Домье: «...я мечтал сверстать из ста одной позы на сто одном листе похождений Робера Макера — последовательные фазы жестикуляции бессмертного французского актера Фредерика Леметра» (Эйзенштейн С. М. Избранные произведения: В 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 3. С.323). Думается, Сухово-Кобылин воплотил множественность этих движений в пластике и жестикуляции, выраженных в речевых и телесных превращениях Кречинского, Расплюева, Тарелкина – метаморфозах одного и того же типа, за которыми стоит образ Робера Макера. Эту интенцию старался воспроизвести и Мейерхольд в 1917 году, когда ставил в Александринском театре все части трилогии.

Пенская Елена Наумовна,
доктор филологических наук,
профессор, НИУ ВШЭ, ГИТИС, МФТИ

Я.А. Пенькова (Москва)

Словообразовательные маргиналии: полипрефиксальность и среднерусские начинательные глаголы

В истории русского языка отмечено сосуществование нескольких приставочных глаголов с корнем *щѣ-/щьп-* ‘рождаться, прорасти, начинаться’: *въчати, въсчати, зачати, начати, почати, расчати, учати*. Перечисленные глаголы употреблялись без видимых семантических различий, выделяясь прежде всего стилистическим статусом, частотностью, диалектной принадлежностью. С функциональной точки зрения, особняком стоял только *учати*, употреблявшийся исключительно как матричный предикат (только с инфинитивом), имевший ограниченный деривационный потенциал и дефектную парадигму, что позволяет его относить не к лексическим, а к синтаксическим способам обозначения начинательности [Пенькова 2023].

В среднерусской письменности зафиксирован также полипрефиксальный начинательный глагол *поучати (поучну)*, интерпретации которого посвящен доклад:

А какъ учнемъ у сестры нашей на своихъ недруговъ прошати помочи или сестра наша Елисавет-королевна **поучнеть** у насъ **просить** на своихъ недруговъ помочи, и намъ другу друга спомогати. (Англ.д., 87. 1583 г.) [СлРЯ XI—XVII, с. 42]

В СлРЯ XI—XVII вв. *поучати* толкуется как как делимитативный: ‘начать время от времени делать что-л.’ Предлагая делимитативную интерпретацию, составители СлРЯ XI—XVII, судя по всему, ориентировались на то, что употребленные в одном контексте *поучати просити* и *учати прошати* (см. пример выше) должны быть симметричны. Однако объяснить присоединение *по-* как показателя делимитативности при наличии других, более привычных способов передачи многократности (таких, как, например, итеративный суффикс инфинитива) едва ли возможно. С нашей точки зрения, данное толкование нуждается в уточнении.

Чтобы установить семантический вклад приставки *по-* в глаголе *поучати*, мы классифицировали все представленные в СлРЯ XI—XVII вв. глаголы с комбинацией префикса *по-* и *у-*, выделив пять семантических типов: 1) атенуативный (*поубавити* ‘несколько уменьшить’, *поубыти* ‘убыть несколько’); 2) дистрибутивный (*поувязнути* ‘увязнуть (о многих)’, *поуробети* ‘оробеть (о многих)’); 3) делимитативный (*поудержати* ‘задержать на некоторое время’, *поукрытися* ‘спрятаться на некоторое время’); 4) рефактивный (*поутвердити* ‘подтвердить (еще раз)’); 5) глаголы, в которых приставка *по-* дублирует перфективирующее значение приставки *у-* (*поухоронити, поучинити*).

В докладе на основе данных русских диалектов и других славянских языков обосновывается, что *по-* следует интерпретировать в качестве чистовидовой приставки. Предлагаемая интерпретация имеет существенное значение и для понимания специфики глагола *учати*, который в ряду однокоренных стал первым подвергаться опрощению и утрачивать начинательную семантику, представляя собой чисто служебный глагол – показатель перфективации.

Литература

Пенькова Я. А. Инхоативный глагол *учати* в среднерусской письменности: лексика или грамматика? // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2023. В печати.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 18. Потка–Преначальный. Гл.ред. Г. А. Богатова. М.: Наука, 1992.

Пенькова Яна Андреевна,
к.ф.н, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА ЭССЕ 2018 г. «КАК МЫ ПИШЕМ»)

В продолжение темы «Компаративные конструкции в эссеистике современных прозаиков» мы решили глубже исследовать проблему рефлексии современных писателей над своим творчеством и своим временем, над литературным процессом и местом писателя в мире. Это 36 современных писателей, наиболее известные из которых – Е. Водолазкин, Л. Улицкая, М. Степнова, Р. Сенчин, А. Матвеева, Л. Юзефович, С. Шаргунов, Ш. Идиатуллин, З. Прилепин. Для формулирования своей позиции они используют жанр эссе, который синтезирует в себе черты мемуаров, дневника, философско-публицистической статьи, художественной прозы. Компаративные конструкции – метафоры и сравнения – играют в этом жанре особую роль, связывая смыслы в целостные единства, порождая цепочки ассоциаций, которые становятся текстообразующим началом. Эти компаративные тропы, с одной стороны, встраиваются в традиционные образные парадигмы, а, с другой стороны, авторы зачастую находят новые, неожиданные повороты в развитии метафорических смыслов.

В работе будут проанализированы основные семантические классы предметов и образов сравнения компаративных тропов, относящихся к тематике литературного творчества. В первую очередь, в качестве предмета сравнения в текстах рассматриваемого сборника выступает писательский труд, который сравнивается с тяжелым физическим трудом шахтера, землекопа, пахаря, строителя, каменотеса, с разными другими профессиями: разведкой новых территорий, работой детектива, охотой, ювелирным делом и т.д. Кроме того, писательство уподобляется плаванию, погружению с головой под воду. Помимо этого образного соответствия, ассоциирующегося с традиционной образной параллелью «Жизнь – плавание», современные прозаики пользуются и другими устойчивыми метафорическими парадигмами «Писательство – путь» и «Писательство – горение».

Писатель образно характеризуется как *шахтер, пахарь, ювелир, ловец истории, бета-тестер новой реальности, трансформатор языка, клептоман, блюдце на спиритическом сеансе, указательный палец на руке общества*. Все эти метафоры высвечивают разные стороны его деятельности и места в обществе.

Объектом метафорического осмысления становится и сам процесс литературного творчества, начиная от замысла произведения до его воплощения. Замысел ассоциируется с прилетом бабочки, с накапливанием болезненных ощущений (*зудит, чешется, царапает*), с кипящей или заливающей голову водой, а его воплощение – с выходом накопленного наружу: выливанием воды, выдавливанием чирья и т.п.

В рассматриваемых эссе регулярно встречаются компаративные тропы, сравнивающие литературу с другими видами искусства – музыкой, живописью, скульптурой, театром. Важными предметами сравнения компаративных тропов становятся также язык и слово.

Среди семантических классов образов сравнения компаративных конструкций надо отметить образы, связанные с жизненным циклом человека – рождением, жизнью, смертью, беременностью, а также с отношениями отцовства. Встречаются и другие антропоморфные образы, растительные, зооморфные, кулинарные метафоры.

Особое внимание обращают на себя научно-технические термины, которые становятся опорными словами компаративных тропов, характеризующих литературное творчество. Это термины из области физики: *электрический ток, энергия заряженного аккумулятора, резонаторы* (в душе писателя), *спектральные линии* (мотивации авторства), кристаллографии: *кристаллизация* и др., химии, астрономии, компьютерных технологий: *форматировать реальность, мозговой компьютер* и др., автомобильного транспорта: *управление «литературной машиной»*. В значительном числе контекстов используются обозначения различных инструментов и приборов.

Перечисленные образные парадигмы позволяют увидеть литературное творчество в разных ракурсах, часто новых и неожиданных.

Петрова Зоя Юрьевна,
канд. филол. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
ведущий научный сотрудник;

Фатеева Наталья Александровна,
доктор филол. наук, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
главный научный сотрудник

Г.П. Пилипенко (Москва)

Лингвистический ландшафт уругвайского Сан-Хавьера: между русскоязычным прошлым и испаноязычным настоящим

Уругвайский город Сан-Хавьер в уругвайской провинции Рио-Негро является центром русской диаспоры, которая возникла здесь в 1913 году в результате переселения из южнорусских губерний последователей религиозного движения «Новый Израиль». За более чем столетнее существование общины русский язык остался в активном пользовании только у представителей старшего и пожилого поколения потомков переселенцев. Изучение языка потомков южнорусской диаспоры, языковой ситуации в Сан-Хавьере можно отнести к «маргинальным» темам русской лингвистики, поскольку эти темы не были в центре внимания исследователей. При этом местное русское сообщество представляет собой периферию русского культурного пространства. О том, насколько широко представлен русский язык в визуальном пространстве города, можно судить по лингвистическому ландшафту. В результате проведения полевых исследований удалось задокументировать надписи на разных языках в общественном пространстве Сан-Хавьера и его окрестностях. В докладе будут проанализированы надписи на русском

языке (в кириллической и латинской записи) и на испанском языке. Целью исследования является выявление диалектных и контактных особенностей в русскоязычных надписях.

Сан-Хавьер известен в Уругвае как туристическое направление, во многом использование «русского наследия» наряду с природными особенностями (расположение на реке Уругвай) является сегодня основным для привлечения гостей. Элементы русского языка в Сан-Хавьере встречаются в наименовании некоторых культурных и социальных учреждений, напр., кинотеатр *Pobieda, Hogar de ancianos Valodia* (дом престарелых «Володя»). На въезде в городе установлена растяжка с приветствиями на четырех языках: русском (кириллица), английском, немецком и португальском и испанском: *Bienvenidos a San Javier. Добро пожаловать! Welcome! Willkommen! Bem vindo!* Отдельно будут рассмотрены надписи на надгробных памятниках. Русские «следы» на памятниках можно обнаружить в антропонимике, а также в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов и в терминах родства (напр., *VLADIMIR CARPIUC / 07/03/1922 / 26/08/2002*). Большая часть надписей до 1950-х гг. выполнена по-русски, но и здесь появляются признаки двуязычия: имя и фамилия дублируются латиницей.

Пилипенко Глеб Петрович
Кандидат филологических наук
Старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН

А.А. Плетнева (Москва)

Иван Курин вместо Эпикура: рифмы и фонетические параллели в раёшных текстах

Предметом нашего анализа станет большой и достаточно аморфный массив текстов, написанных раёшным стихом. Сюда входят присказки, скоморошины, народная драма, тексты райка и балаганных дедов, некоторые лубочные тексты, а также рифмованные пословицы. Весь этот разнородный материал объединяет, во-первых, использование раёшного стиха, а во-вторых, то, что все эти тексты связаны с балагурством и шутовством, то есть народной смеховой культурой.

Для раёшных стихов рифма является главным текстообразующим приемом. Обращает на себя внимание, что тексты разных жанров имеют одинаковые рифмы. Так, например, слово «ворона» устойчиво рифмуется со словом «оборона». В лубке про шута-скомороха находим: «На жопе держу ворону, от комаров оборону». В собрании пословиц Даля зафиксировано две пословицы с этой рифмой: «Эта ворона нам не оборона» и «Ворона сове не оборона».

В докладе будут освещены вопросы формальной организации рифмы и ее функционирования в тексте. Это такие вопросы, как:

- Употребление неточной рифмы («Здесь имеется польза, у кого на брюхе вши ползают»).
- Перенос ударения, обусловленный рифмой («-Ну а кабы овин-то вспыхнул? / -Я б его прочь отпихнул»; «Мы зажили веселò / животишки подвело»), в том числе и в именах собственных («Венчали нас у Флора, против гостиного двора, где висят три фонаря»).
- Использование рифм-ослышек («Есаул: На море чернедь / Атаман: что за черти? / Это в горах - черви, / в воде - черти, / в лесу - сучки, / а в городах – судейские крючки»).

- Рифма может определять внешний вид и поведение персонажей в драматургических и лубочных текстах. Так, например, в лубках шут Фарнос (устойчиво рифмуется со словом «нос») всегда изображается с большим носом, а Аринка (устойчиво рифмуется со словом «волынка») или танцует, или играет на волынке.

- Рифма может превращать имя собственное в апеллятив. Например, имя Ермак (в лубочных текстах и пословицах устойчиво рифмуется со словом «колпак») становится наименованием для целовальников (держателей питейных заведений), которые при исполнении обязанностей носили специальные валяные колпаки.

- Рифма может быть способом фонетического освоения реалий. При этом малоизвестное слово рифмуется с хорошо известным («Вместо Епикура руку приложил сибирский дворянин Иван Курин» или «Дворец Ватикан / всем дворцам великан! / А вот город Париж / как туда приедешь, тотчас угоришь»).

Подобные особенности раёшных текстов объясняют тот интерес, который проявлял к ним литературный авангард. Многие рифмы народного стиха XVIII-XIX в. у современного читателя ассоциируются скорее с экспериментами поэтов-модернистов, чем с народной словесностью.

Плетнева Александра Андреевна,
к.ф.н., в.н.с. Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН

А.А. Плотникова (Москва)

Раяц, рай и «тот свет»

В работе рассматриваются тексты-нарративы о происхождении ряда названий компактно расположенных сербских сел в Неготинском крае на границе с Болгарией. Фольклорно-диалектный материал собран во время этнолингвистической экспедиции автора в села Роглево, Смедовац и Раяц, представляющие собой вместе с окрестными селами Брачевац и Тамнич своеобразный сербский анклав в окружении влашских (румунских) сел на территории сербско-болгарского пограничья в Сербии. Экспедиция проводилась в рамках работы по гранту РФФИ 22-18-00484 «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении».

Анализируются тексты-легенды (зачастую – шуточного, анекдотического характера) об именовании местных поселений, при этом основными персонажами нарративов становятся странствующие по этим местам демиурги: Бог / знаменитый сербский хайдук Велько. Поскольку данная территория относится к винодельческому региону, то многие сюжеты, мотивирующие происхождение того или иного названия, соотносятся с приключениями героев рассказов после апробации ими напитков, изготавливаемых в том или ином селе. **Раяц** как наиболее известное винодельческое село в регионе обычно оказывается в центре повествования как ключевая точка при завязке всего сюжета. В рассказах жителей из разных сел часто прослеживается своеобразное соревнование между собой в том, чья земля плодороднее, чей рельеф более подходит для путника, у кого алкогольные напитки более изысканы и т.д. При этом нарративы «соревнующихся» собеседников из разных сел могут быть построены на игре слов, выступающих в данном случае в отношении оппозиции, например, *raj* (славизм «рай») и *raja* (турцизм «народ, толпа»).

Особое внимание при опросе уделялось мотивировкам заимствованных сербами у влахов фрагментов похоронно-поминальных обычаев и обрядов. Обряд пускания воды в

сосуде из тыквы со свечами в с. Раяц трактуется необходимостью правильного сопровождения души умершего в **рай** (*за душу да иде у рай*); человек, почивший без свечи в руках, по поверьям, возвращается в свой дом: *без свеће ће да лута душа* («без свечи будет душа блуждать»); *у кујну луна, куца – кажу да је умрла без свеће* («по кухне стучит, гремит – говорят, что <баба> без свечи умерла») и т.д. Чтобы избежать превращения покойного в «вампира» (ходячего покойника), предпринимается ряд оберегов, имеющих явно архаическую славянскую основу, а также и прямые текстуальные соответствия в иных сербских (и шире – славянских) регионах.

Раю на земле (каковым видится собеседникам именно село Раяц) противопоставляется «**тот свет**»: по рассказам якобы там побывавших и вернувшихся, «тот свет» рисуется как место, по всем признакам неприглядное. Нарративы из Раяца и ближайших сел повествуют о попадании туда через отверстие «под хвостом кобылы». «Тот свет» – пространство холодное, пустое (без воды) и требующее «земных» денег (деньги в гроб и могилу покойного кладут, чтобы тот купил себе там что-нибудь: *да купи нешто на онај свет*).

Плотникова Анна Аркадьевна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН

С.В. Прибора (Москва)

Художник-реалист, метафизик и художник-исследователь Павел Филонов в эпистолярных признаниях учеников

(к 140-летию со дня рождения и Году педагога и наставника в России)

В Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде ярчайшего художника-авангардиста первой половины XX века Филонова Павла Николаевича (1883-1941), хранятся три письма [1] предвоенного и уже военного времени от его учеников. Письма эти были дороги Филонову, он берег их до самой смерти 3 декабря 1941 года в голодном блокадном Ленинграде. Это пронзительно чистосердечные, целомудренные, юношески наивные тексты с той редкой исповедальной искренностью, что вообще свойственна только письму как мощному эмоциональному и нравственному порыву в отличие от мемуаров и даже дневников.

Данные тексты и ранее попадали в поле зрения исследователей¹, но в ряду других писем, воспоминаний [3] и дневников [2] опубликованы не были.

Постимпрессионистическое, экзистенциальное, а одновременно и вполне реалистическое² по форме творческое мировоззрение Павла Филонова, сдобренное кубо-футуризмом и футуризмом уже зимой 1910-1911³ гг. выбросило из себя мощный росток нового искусства, нового художественного течения, которое в 1925 году оформилось в школу «Мастеров аналитического искусства».

Многослойная, но «не взболтанная» смесь реализма и филоновского анализа оказалась именно тем творческим методом, который, располагая ищущую молодежь⁴ своей неременной реалистической составляющей, позволял почувствовать крылья совершенной свободы. Свобода эта опиралась единственно на самоотверженное желание отдать работе все свои силы, вооружившись знанием и творческой интуицией, путем установления всех настоящих, возможных или ранее бывших связей между всеми

изображенными персонажами и предметами и подчинением этих связей некоему интуитивно же определенному (в том числе внутреннему психическому) непрерывному процессу. Филоновский принцип «сделанной вещи», доводивший «напряжение consistency картины до состояния биологической сцепленности частиц в природе»⁵, казалось, обрекал на успех. Это был гипноз⁶ мастерства.

Жертва труда, жертвенность вообще, лежала в основе и метода, и самого образа жизни мастера; и именно этим стремлением и стремлением работать честно и правдиво пронизаны исследуемые письма. Письма подписаны, два датированы. Но лишь одно и датировано 1 апреля [уточнено С.П.] 1938 года и полностью [1, лл. 1, 1 об.] подписано неким Михаилом Абрамовым (сведения о нем отсутствуют). Содержание письма и утверждение, в частности, что только он, Абрамов, может стать Павлу Николаевичу «учеником, продолжателем», побудили к поиску причины для такого утверждения в дневниках Филонова и мемуарах современников.

Примечания

1. Комментарии и приложение [2, С. 532, 631].
2. Примером тому портреты Филонова, среди них «Портрет А.Ф. Азибера с сыном». 1915 г. Холст, масло. 115 x 83, ГРМ. Также «Семейный портрет (Пасха)». 1924 г. Бумага, акварель, графитный карандаш. 30,5 x 51,3, ГРМ.
3. Филонов о себе в «Автобиографии» [3, С. 31].
4. Сестра Филонова Е.Н. Глебова (1888-1980) вспоминает: «У брата были не ученики, а «изучающие мастера»[3, С.70].
5. П.Н. Филонова цитирует его ученица, член МАИ (1925-1932) Т.Н. Глебова [3, С. 239].
6. Студенты Академии художеств говорили о Филонове, что «он гипнотизер» (2, С. 221).

Источники и литература

- 1.РГАЛИ. Ф. 2348. Оп. 1, ед. хр. 35. Л.1-3.
- 2.Павел Филонов. Дневники. ГРМ. Автор статьи Е. Ковтун. СПб.: Азбука, 2001.
- 3.Павел Филонов: реальность и мифы. Автор статьи, комментариев и составитель Л.Л. Правовойрова. М.: Аграф, 2008.

Прибора Светлана Васильевна
скульптор, заслуженный художник РФ, доцент по кафедре мастерства художника-постановщика,
профессор кафедры мастерства художника мультимедиа художественного факультета АНО ВО "Институт
кино и телевидения (ГИТР)"

А.В. Птенцова (Москва)

А не то в момент узнаешь, как башка слетает с плеч: из истории ультимативной конструкции а не то

В докладе рассматривается семантическая история конструкции *а не то*, используемой в современном русском языке для выражения угрозы в ситуации, которую условно можно назвать выдвиганием ультиматума.

По данным Национального корпуса русского языка, эта конструкция появляется впервые в текстах XVIII века, где она используется несколько шире, чем в современном русском, и может иметь коррелят *так*.

В текстах XVIII века *а не то* способна вводить указание на любую произвольную ситуацию, противопоставленную описываемой в левом контексте; ср.: *Коли земли мне не отведете, так стану нестредь ткать, а не то, так в дом пойду; ведь ты знаешь, что я работник*

не из последних (П. А. Плавильщиков. Бобль, 1790). Сочетание *а не то* представляет здесь собой условную (неполную) клаузу, присоединяемую к главной при помощи *так*.

Однако в большом числе контекстов ситуация, вводимая при помощи *а не то*, является негативной; при этом намечается семантическое сращение коррелята *так* с *а не то* в единое сочетание, выполняющее функцию союза (впрочем, *так* является здесь факультативным элементом); ср.: *Старик ему говорил, что счастье его великое, что попался ему навстречу, а не то так попался бы в руки другим разбойникам, где бы должен был лишиться жизни* (Сказка о французском королевиче Шатере и о прекрасной королевне Лукерии Испанской, 1788); *Обороняйся ты от Полкана как можно и стой против его крепко, а не то так ты и все воинство Китайское погибнет* (Сказка о тридесяти трех летнем сидне Иване-крестьянском сыне, 1788); *Сударь, будь нам отец, возврати несчастному отцу его сына, а умирающей любовнице ее любезного, а не то я умру у ног твоих* (П. Ю. Львов. Роза и Любим, 1790).

Контексты данного типа частотны и в современном языке (однако с утратой коррелята); ср.: *Отойдешь десять шагов от дороги – и подавай голос, а не то потеряешься* (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, 1964).

«Ультимативные» употребления *а не то*, в которых данная конструкция подразумевает намеренную каузацию негативной для адресата ситуации в случае невыполнения им определенных условий, также фиксируются начиная с XVIII века. Употребление коррелята *так* является факультативным и в подобных случаях; при этом варьирование может наблюдаться в пределах одного текста; ср.: *Поди опять к ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я тебя прибую до смерти* (Смирный мужик и драчливая жена [сказка], 1780-1790); *Вели отдать мою коробочку, а не то худо всем будет* (Смирный мужик и драчливая жена [сказка], 1780-1790); *Офицер бросился к нему и схватя за рясу закричал: пошоль вонь, а не то, я тебя дубиною отсель провожу* (Ф. А. Эмин. Адская почта, 1788); *Сунься-ка только ко мне; отойди, я говорю, а не то зашибу больно* (П. А. Плавильщиков. Бобль, 1790).

Легко видеть, что в диахроническом отношении контексты трех указанных типов образуют цепочку с семантическим сужением на каждом следующем шаге.

В современном русском языке контексты первого типа вышли из употребления; ср. прагматически странное^{??} *Поставьте мне доклад в очном формате, а не то я сделаю его в зуме*.

«Ультимативные» же контексты, по-видимому, наиболее частотны для современной конструкции *а не то*; ср.: *Гони на Южную, гад, а не то я из тебя решето сделаю!* (М. Бару. Принцип неопределенности).

Анна Владимировна Птенцова
к.ф.н., доцент кафедры русского языка
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова

Т.Б. Радбиль (Нижний Новгород)

АРЗАМАС КАК МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЭЗИИ

В наших предыдущих работах мы уже отмечали значительный потенциал прецедентного названия «Арзамас» символизировать значимые вехи русского пространства, ориентиры русского мира, что находит отражение и в языке отечественной поэзии. В настоящем исследовании мы продемонстрируем художественное преобразование Арзамаса из просто города на карте в мифоним, в котором причудливо сочетаются два топологических измерения — земное, природное, и трансцендентное, метафизическое.

Материалом исследования являются данные поэтического корпуса в национальном корпусе русского языка.

В поэтическом дискурсе Арзамас часто употребляется в развернутых пространственных метафорах как воплощение необъятности русских просторов, подлежащих духовному освоению: *Наследники Батья и Мамая, // Командовать мы приучили глаз // И, площади за стени принимая, // Хотим глядеть из Тулы в Арзамас* [А.К. Толстой. Портрет (1872-1873)].

Арзамас — это метафора дальних расстояний, точка мгновенного переброса из столичного Петербурга в дальнюю провинцию и наоборот: *Ленивец милый на Парнассе, / Забыв любви своей печаль, / С улыбкой дремлешь в Арзамасе / И спишь у графа де-Лаваль* [А.С. Пушкин. Тургеневу (1817)].

Не случайно в басне В.А. Жуковского именно принадлежностью к городу Арзамас маркируется образ «понаехавших» периода XIX в., приехавших из провинции завоевывать Москву: *Один / Московский гражданин, / Пришлец из Арзамаса, / Матюшка-долгохвост, по промыслу каплун, / На кухню должен был явиться / И там на очаге с кухмистером судиться* [В.А. Жуковский. Каплун и сокол (1806)].

Да и в веке двадцатом Арзамас нередко символизирует самый далекий ориентир, до которого трудно добраться даже на поезде: *За версты, / за сотни, / за тыщи, / за массу / за это время заедешь, мчась, / а мы / ползли и ползли к Арзамасу / со скоростью верст четырнадцать в час* [В.В. Маяковский. По городам союза (1927)].

Арзамас в этом плане выступает как некая крайняя точка русского пространства, определенный ориентир в русском мире, своего рода фронтир, как в физическом, так и в духовном плане, в том числе и как форпост на границе области русского пьянства: *И русский пить переставал / От Арзамаса до Украйны, / И Кокорев публиковал, / Что есть дела, где нужны тайны* [Н.А. Некрасов. Что подельывает наша внутренняя гласность (1860)].

Также вполне закономерно в этом ключе, что смешение пространств, явлений, событий Севера и Юга, Востока и Запада, произошедшее в ходе «мировой революции», в стихотворной зарисовке Н.А. Клюева на этнографические мотивы воплощается в том числе и посредством упоминания «глухого Арзамаса»: *Туркестан караваном ваты / Посетил глухой Арзамас* [Н.А. Клюев. «Зурна на зырянской свадьбе...» (1921)].

В примере: *Между Муромом и Арзамасом, // Гордо глядя в лицо автотрассам, // Золотятся церковные луковицы, // Храмы древние вновь штукатуруются* [Л.Н. Мартынов. Двенадцатое колено (1967)] — мифологема Арзамаса также участвует и в построении собирательного образа истинной традиционной Руси, Руси православной, которому противопоставлен символ механистического, вещного прогресса, лишённого духовности.

Представление о пространственной удаленности Арзамаса в русской поэзии легко сопрягается с удаленностью в пространстве метафизическом, когда Арзамас воспринимается в качестве символа недостижимого идеала, «града небесного», земли обетованной: *Не ждали мы девических проказ, // И даже ты переступила меру: // К безвестному бежала офицеру // В неведомый небесный Арзамас!* [В. Ф. Перелешин. Комета Когутека (1974)].

Аналогичное представление о недостижимой дали, к которой стремится душа, может строиться на обыгрывании прецедентного текста известной пословицы о косоглазии «Один глаз на нас, другой — в Арзамас»: *Глаза косых, согласно поговорке, // На Арзамас глядят — и на Кавказ* // [В. Ф. Перелешин. Глаза (1972)]. — В данном фрагменте пословица используется в контексте «магии слова» — защите поэта от сглаза, «дурного глаза». Но возможно игровое переименование этой пословицы и в плане элегическом, далеком от исходного смысла пратекста: *Но глаз, глядящий в дальний Арзамас, // заплыл слезою* [Н.Е. Горбаневская. «Ничто не повторится. Никогда...» (1993)].

В постмодернистском тексте В.Б. Кривулина *арзамас*, чей мифологемный, не-географический характер подчеркнут написанием со строчной буквы, наряду с другими

апеллятивами-городами, символизирует недостижимый дальний край, в том числе и в духовном измерении, возможно, и предвестие смерти (в трактовке этого стихотворения Л.В. Зубовой): ... *сущие дети они // ладони в цыпках // заусеницы ссадины шрамы // гусеничные следы // колени да локти в зеленке // под ногтями — воронеж тамбов // пенза или зола арзамаса // там я не был но все поправимо // буду быть может // еще не вечер* [В. Б. Кривулин. Сущие дети (2000)].

Еще одна грань переосмысления мифонима «Арзамас» как трансцендентного «локуса» связана с устойчивой в мировой и отечественной культуре мифологемой «арзамасского ужаса» Л.Н. Толстого, за которой закрепилось представление об экзистенциальном страхе смерти, который приводит к острому и трагичному ощущению бессмысленности существования. Отголосок этого представления, на наш взгляд, можно видеть в балаганном, рашном абсурде А.И. Введенского, в котором воспроизводится своего рода атмосфера «плясок смерти»: *чертями мир оброс / и адский пир везде / далекий чеха склеп / теперь плывёт на нас / спасайся Арзамас / и тверь кричит...* [А. И. Введенский. Галушка (1925)].

Радбиль Тимур Беньюминович
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Российская Федерация)

Шура Раханская (Москва)

История рода Раханских vs записи у границ личного бытия

Основываясь на записях моей мамы об истории семьи и происхождении моей бабушки (Александры Григорьевны, в девичестве Раханской), а также информации из интернета, РГАДА, РГИА и НИАБ, мне удалось проследить историю рода Раханских на протяжении 12 поколений от первого Яна Роханского, обосновавшегося на землях Смоленского воеводства после получения «привилегии отъ Короля Польскаго Владислава IV на имене Дубровка называемое»¹⁾. В докладе будет представлено родовое древо и сведения из жизни представителей этой ветви рода Раханских/Роханских с конца XVII по начало XX века.

Кроме того, с помощью польских сайтов и гербовников удалось найти основателя рода Раханских/Роханских (конец XV века). Это Ян Троян герба Ястржембец, судья белский в 1489–1496 гг., который «взял имя Раханский (*Rachanski*)» после того, как в 1482 г. он приобрел в собственность Раханы (*Rachanie*). Сам же город Раханы, наделенный Магдебургским правом, был основан в 1425 г. по указанию князя Мазовецкого и Белского Земовита IV.

В докладе будет также представлена информация по работе с архивами и сайтами, представляющими интерес для генеалогических исследований. К сожалению, пока что не удалось обратиться в польские архивы и найти документы, связывающие поколение внука Яна Трояна Раханского – Станислава Трояна Раханского (хорунжего и – позднее –

¹⁾ РГИА Ф. 1343. Оп. 28. Д. 775

В РГАДА Ф. 145 «Приказ великого княжества Смоленского» (Оп. 1. Кн. 1) в Книге записной Смоленского воеводства пятерогубного подымного с тамошних жителей сбору, установленного на сейме для платежа войску и собираемого через сборщиков Друцкого-Соколинского и Галимона от 5 марта 1650 г. есть запись №3 12 Aprilis P[an] Jan Rochanski z maiętnosti Dubrowek w trakcie Roslawskim z dymu zyte[go], Iwan woyt przysięgę wykona.

подкомория белского, подписавшего Люблинскую Унию 1569 г.) и Яна Раханского из имени Дубровка.

Ефимова Александра Ивановна,
к.ф.-м.н., доцент, доцент физического факультета МГУ
Шура Раханская – псевдоним для публикаций нефизического содержания

А.И. Резниченко (Москва)

«Купно заедино». Материалы Философского Собора «Великое русское исправление имён» и Первого Большого Русского Собора как маргинальный текст

В докладе рассматриваются тексты (как открытые, опубликованные в интернет-СМИ и телеграм-каналах организаторов, так и предназначенные для внутренней рассылки) и аудиоматериалы (представленные преимущественно на YouTube), входящие в Материалы Философского Собора «Великое русское исправление имён» (2022) и Первого Большого Русского Собора (2022-2023); указываются основные представители движения и их наиболее яркие достижения в области современной гуманитаристики; описывается предыстория движения и его формат. Цель доклада – рассмотреть, насколько это возможно, полно, этот феномен с точки зрения философии языка; показать его прямую зависимость от резкой смены контекста с февраля 2022 года.

Собор «Великое русское исправление имен» осуществлялся преимущественно в аудиоформате; Первый Большой Русский Собор имеет сложный, смешанный формат, который включает в себя «Представление участника»⁴⁶, «Экспертизу доклада», которая распадается на «Общие впечатления», «Тезисы доклада. Карту терминов», «Доводы доклада», «Критерии доклада: 1. По мировоззрению. 2. По универсальности мысли. 3. По творческой претензии мысли», и, наконец, выносятся «Итоговое заключение», по форме напоминающее то ли выписку из протокола заседания кафедры, то ли резолюцию партийного собрания.

Старые добрые попытки найти в материалах Соборов рациональное зерно, потерпели поражение, и немудрено: участники Соборов провозгласили крах европейской цивилизации Модерна и, шире, всей европейской цивилизации, выстраивая нарратив всеобъемлющей Русской Идеи; провозгласили на особом, «битом» языке, имеющем к «нормальной», «скучной» русской философской традиции весьма отдаленное отношение. Происходит выстраивание нарратива, характерного для явления, которое уже я называю «языком войны»: любое высказывание Другого, поскольку он не Другой, а Враг, маркируется отрицательно. Это «битый» язык, клиповый нарратив, как и все идеологии последних ста лет. Эти тексты сложно рационально критиковать. Подловить на противоречиях, на несоответствии фактов, на банальном непонимании чужих концепций и незнании материала - не получается и не получится, «язык войны» эти моменты попросту игнорирует, поскольку сам построен на противоречиях, несоответствии, непонимании и недостоверности (разумеется, с точки зрения обычного академического научного гуманитарного языка).

Эта особенность позволяет рассматривать материалы Соборов как феномен, с одной стороны, квази-религиозный и идеологический, а с другой - как феномен псевдонауки, со всеми характерными чертами такого рода дискурсов. Среди таких черт базовой является спонтанная агрессия по отношению к воображаемому оппоненту,

⁴⁶ Из-за своеобразия языка Соборов все аутентичные термины помещаются здесь в кавычки; все цитаты в самом докладе будут приведены дословно.

Другому, который определяется то как «коллективный Запад», то как «цивилизация моря», то как «англосаксы», то как «либералы» - этот перечень можно продолжать. Классическим представителям европейской философии тоже досталось. С русскими сложно.

Единственная возможность этому противостоять - не говорить на этом языке. И постараться, по возможности, сделать так, чтобы он из маргинального не превратился в господствующий.

Резниченко Анна Игоревна
доктор философских наук, профессор
кафедры Истории отечественной философии философского факультета РГГУ

М.М. Ровинская (Москва)

Ойкодомонимы: естественные и искусственные номинации

Предлагаемая работа представляет из себя продолжение исследования, начатого А. В. Егоровой и посвящено ее памяти.

Известно, что жилые и административные дома (здания), хотя и могут представлять из себя произведения архитектурного искусства, в отличие от произведений всех прочих искусств, обычно не имеют названий. Это обусловлено первичностью и важностью прикладного, а не эстетического использования домов. Тем не менее яркие, выделяющиеся архитектурные здания могут получать неофициальные названия-прозвища, которые возникают стихийно и используются в неофициальной речи. Пути естественной номинации таких зданий были рассмотрены А. В. Егоровой в 2022 году на примере московских домов. В настоящей работе материалом для анализа служат названия домов в российских городах-миллионниках, что позволяет расширить и уточнить классификацию.

В то же время в крупных городах можно наблюдать активное городское строительство (в основном, комплексное). Новые здания и жилые комплексы тоже получают названия, но, в отличие от зданий первой группы, названия эти являются коммерческими номинациями, придумываются рационально на этапе планирования, используются как официальные наименования. Для такого рода номинаций тоже предлагается классификация. Особенный интерес представляет сравнение стихийной и рациональной номинативных стратегий, а также определение их условной успешности, которую, в частности, можно определить по расширению сферы употребления номинации («народные» наименования могут проникать в официальный язык и даже менять свой статус, а коммерческие названия могут использоваться в разговорной речи).

Ровинская Мария Михайловна,
доцент кафедры русского языка МАРХИ,
преподаватель НИУ ВШЭ

П.Д. Ролдугина (Москва)

Указание на цель в семантике некоторых наречий образа действия (следом, вслед, вдогонку)

Объектом работы являются наречия *следом, вслед, вдогонку*, которые указывают на перемещение за движущимся объектом. В принятых классификациях они не включаются в класс наречий цели. Однако смысл 'цель' является фундаментальным для естественного языка, и можно ожидать, что он входит в семантику не только собственно целевых слов. В работе демонстрируется, что указание на цель входит в семантику выбранных наречий.

Ролдугина Полина Дмитриевна
мнс ИРЯ РАН

Т.В. Романова (Нижний Новгород)

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТАХ ИСПОВЕДАЛЬНОГО ТИПА

Биографические тексты, разные по жанру и стилю (дневники, воспоминания, литературные портреты, очерки, документально-художественная проза, интернет-дневники, блоги) попадают в диффузные, пограничные зоны при их классификации. Все они в той или иной степени имеют черты исповедальности. В фокусе нашего внимания находятся публицистические тексты, главная цель которых – осмысление собственного Я, представление аксиологической позиции автора, следовательно, предполагается активное употребление средств субъективной модальности. Источниками послужила художественно-публицистическая проза В. Астафьева, П.Басинского, И.Бродского, В.Войновича, И.Глазунова, М.Козакова, А.Кончаловского, Д.Лихачёва, Ю.Нагибина, В.Некрасова, О.Павлова и др.

Специфика коммуникации в проанализированных текстах связана, в том числе, с особенностями проявления категории текстовой модальности: в исповедальном тексте она имеет диалогический характер, это средство самопознания и осознания другого.

Автор исповеди моделирует образ адресата: внешний адресат; внутренний адресат, внешний адресат с вкраплением внутреннего; адресат – реальное лицо, входящее в ближний круг автора; фиктивный, обобщённый адресат (*читатель, дорогой коллега*); высшая сила и др. Некоторые исповедальные тексты самоадресованы. Тип адресата, его психотипические и социотипические характеристики, определяет степень диалогичности текста, его явную или скрытую диалогичность.

Через обращение к адресату осуществляется диалогизация авторской речи. Для этого в составе авторской речи используются вопросительные предложения, риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы. Вопросно-ответные комплексы имитируют разговорный стиль, доверительную форму общения, реализуют функцию вовлечения адресата, часто читателя, в коммуникацию. Это и средство композиционной организации микротема текста.

Адресат играет композиционно-содержательную роль в построении текста. От фактора адресата зависит и толкование значения модальных средств в исповедальном типе текста.

Для исповедального текста можно выявить наиболее очевидные параметры коммуникативного согласования: *автор – читатель; субъект высказывания – образ автора – адресат*. Таким образом, говоря о диалогизме исповедальной прозы, мы выясняем содержание данных параметров согласования. Модусы утверждения, уяснения, убеждения, модальность определённости характеризуют определённый психотип автора и адресата и особенности их коммуникации. Модусы отрицания,

кажимости, возможности, согласия и возражения, модальность неопределённости определяют совершенно противоположный тип личности и способ коммуникативного взаимодействия.

Романова Татьяна Владимировна
доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Нижний Новгород,
руководитель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики

М.И. Рухмаков (Москва)

О переписке братьев Трубецких в контексте исследования философско-богословского наследия Августина Блаженного

В данный доклад войдут результаты продолжающегося исследования различных рецепций творчества блж. Августина в истории русской философской и богословской мысли второй половины XIX - первой половины XX вв. Этот период в отечественной исторической науке, вплоть до 1917 г., по праву считается расцветом русской «августинианы», когда были опубликованы десятки статей и монографий за авторством как известных ученых-богословов эпохи, так и светских историков, юристов и философов, охватившие практически все сферы обширного наследия гиппонского епископа.

Одним из авторов, внесших значимый вклад в историю российского августиноведения, стал философ, правовед, видный религиозный и общественный деятель Евгений Николаевич Трубецкой (1863-1920). Магистерская диссертация Е.Н. Трубецкого «Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке. Ч. 1. Мирозерцание блаженного Августина», защищенная им в 1892 году и тогда же вышедшая отдельной книгой, особо выделяется тем, что она стала одной из первых попыток в отечественной науке системно рассмотреть политико-правовые и исторические взгляды христианского богослова и отца Церкви, а также цельно представить его мировоззрение и жизненный путь.

При этом важно учитывать, что, подходя к монографии о блж. Августине, Трубецкой пишет ее в значительной степени под влиянием теократического проекта В.С. Соловьева, что определенным образом сказалось на приведенных в ней оценках исторической роли блж. Августина как «родоначальника и отца латинской теократии». Подробности спора при личной встрече с Владимиром Соловьевым осенью 1886 г. Трубецкой в дальнейшем опишет во второй части своих «Воспоминаний» и в письме своему брату Сергею. Дошедшая до нас часть переписки Трубецкого 1897-1898 гг. с историком-медиевистом А.С. Вязигиным также позволяет предположить, что тот изначально рассчитывал возобновить с выходом обеих частей своего исследования давнюю дискуссию с Соловьевым по поводу теократического вопроса.

Отдельный интерес при анализе монографии «Мирозерцание блаженного Августина» для нас сегодня представляет эпистолярное наследие Е.Н. Трубецкого, и в особенности его переписка 1880-90-х годов со старшим братом, также видным русским философом Сергеем Николаевичем Трубецким (1862-1905), подготовленная к изданию их родной сестрой, княжной Ольгой Николаевной Трубецкой (1867-1947). Эти письма являются не только источником многих примечательных биографических подробностей из жизни братьев Трубецких, широкого круга их друзей и знакомых из числа заметных деятелей науки конца XIX в., но и позволяют заглянуть внутрь исследовательского процесса и хода становления их философской мысли. На страницах писем Сергей и Евгений делились планами, научными гипотезами, проектами будущих статей и книг, не

стесняясь при этом высказывать сомнения и даже оппонировать друг другу по различным вопросам. В контексте изучения наследия блж. Августина данная многолетняя переписка приоткрывает важные подробности о ходе работы младшего из братьев над своей магистерской диссертацией и позволяет нам проследить отношение к ней старшего брата, делающего, со своей стороны, важные критические замечания по ходу всего написания монографии.

Рухмаков Матвей Игоревич
аспирант кафедры истории русской философии
философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

В.А. Рябец (Калининград)

Киево-Печерский патерик в маргиналиях Сергия Шелонина*

В статье Русского биографического словаря сказано, что инок Соловецкой обители Сергей Шелонин является "одним из малоизвестных писателей XVII века" [3:362].

Действительно, лишь малая часть работ, связанная с деятельностью этого книжника, можно считать изученной. Как отмечает исследователь О.С. Сапожникова, составитель монографии, посвященной жизни и деятельности инока Сергия, Сергей Шелонин был "выдающимся русским книжником"[2:2], "ярким примером русского инока-эрудита, сформировавшегося полностью на богатейшем наследии славянской православной книжности без прямого влияния западноевропейской культуры" [2:469]. Малоизученность наследия Сергия Шелонина требует с проведения новых исследований, посвященных как общему анализу творчества этого книжника, так и отдельных аспектов его наследия.

С деятельностью Сергия Шелонина связана подготовка издания первой печатной Лествицы 1647 года "по указу царя Алексея Михайловича и по благословению патриарха Иосифа" [5]. По словам игумена Дионисия (Шленова), издание это "имело всероссийское значение"[5], что подтверждается словами из самого издания: "Труды исписания богодарованнаго разума всепреподобнаго и богоносного отца нашего общаго учителя и наставника Иоанна, глаголю же Лествичника, и спустити бы во всю свою великую Русию, печатным тиснением, на просвещение и украшение святым Божиим церквам и во общую пользу христоименитаго народа душам" [4:309 об.].

По подсчетам исследователя Т.Г. Поповой, на полях этого издания имеется 2986 маргиналий с указаниями на семьдесят два произведения. Справочный аппарат, представленный в таком количестве ссылок, является, по мнению О.С. Сапожниковой, "самым полным в славянской культуре комментарием к этому сочинению"[2:309].

Среди представленного множества маргиналий в издании Лествицы 1647 года обнаружено шесть ссылок на Киево-Печерский патерик. Герменевтический анализ текста Киево-Печерского патерика в сопоставлении с текстом Лествицы Иоанна Синайского обоснован тем, что Лествица, несомненно, была знакома печерским книжникам, на что указывает наличие "намного больше, чем 19" [1:57] рукописей, созданных на территории Киево-Печерской лавры.

Изучение обнаруженных маргиналий может расширить сферу герменевтического анализа как текста Лествицы Иоанна Синайского, так и текста Киево-Печерского патерика, и помочь обнаружить новые смысловые корреляции между двумя памятниками в контексте Священного Предания.

* Работа выполнена при поддержке РФФ, проект №22-18-00005

Литература

1. Попова Т.Г. Киевские рукописи Лествицы Иоанна Синайского // Рукописна та книжкова спадщина України. 2019. №. 23. С. 56-71
2. Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в, Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. — М.; СПб.: «Альянс-Архео», 2010. — 560 с.
3. Русский биографический словарь: Сабанеев – Смыслов / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова – Санкт-Петербург: тип. В. Демакова, 1904. – Т. 18. – 673 с.
4. Лествица Иоанна Синайского. М., 1647.
5. Игумен Дионисий (Шленов). Иоанн Лествичник.
https://azbyka.ru/otechnik/Dionisij_Shlenov/ioann-lestvichnik/#note64

Рябец Варвара Александровна,
студентка 3 курса БФУ им. И. Канта

С.Ю. Семенова (Москва)

Высказывания о величинах, пограничные по отношению к литературной норме

Исследования параметрической лексики, проводившиеся в отечественной лексической семантике (в том числе выполнявшиеся автором), фактически основывались на презумпции соответствия изучаемых употреблений такой лексики и ее контекстов нормам литературного языка. Это было обусловлено как общей теоретической установкой, характерной для семантических изысканий, так и тем, что существенный круг исследований пришелся на «докорпусную» эпоху.

Ныне представляется интересным расширить задачу и включить в сферу наблюдений контексты, выходящие за пределы литературной нормы (или пограничные). Такой постановке во многом способствует современная электронная среда, образующая эмпирическую базу для наблюдений и включающая корпусы, блоги, рекламные тексты, обращения к поисковым машинам и некоторые другие релевантные виды ресурсов и жанры.

В данной работе рассматриваются некоторые случаи, встретившиеся в высказываниях о величинах (количественных параметрах и их значениях) и характерные для интернет-коммуникации, канцелярита, разговорной профессиональной речи.

Для названных сфер заметным типом нестандартности стало употребление так называемых «квазипараметров» с аппозитивно присоединяемыми количественными группами; вот примеры запросов в Яндексе: *Ток 16 А сколько киловатт?*; *Что такое инфляция 10 процентов?* Здесь фигурируют квазипараметры *ток* и *инфляция* – имена, близкие к именам величин, но не вполне «параметризовавшиеся». В контекстах, выражающих числовые значения, литературная норма требует «навешивания» полноценного параметра, своего рода оператора переключения с бытийной сущности (или явления) на количество: не *ток*, а *сила тока 16 А*, не *инфляция*, а *размер / скорость / темп инфляции 10%*, однако в текстах рассматриваемых «нестрогих» жанров нередко происходит эллиптическое опущение полноценного параметрического имени.

Еще один тип пограничного с точки зрения литературной нормы способа выражения параметрической информации - беспредложное примыкание количественной группы к имени объекта, характеризуемого по параметру: *автомат 16 ампер*, *канистра пластиковая 10 литров* и т.п. При опущении имени параметра еще более «телеграфный» облик таким фрагментам придает опущение предлога (так, даже без указания параметра представляются допустимыми варианты *автомат на 16 ампер*, *канистра на 10 литров*).

При доминировании в рассматриваемых жанрах нестандартностей эллиптического типа встретились случаи тавтологии (т.е. избыточности). Напр., имя величины первый раз упоминается явно, а второй – в составе аббревиатуры: «*В 2008-2009 годах был увеличен размер МРОТ...*» [НКРЯ]. Некоторую аналогию для таких проявлений канцелярита можно видеть у аппозитивных конструкций, не связанных с величинами: *банк ВТБ, институт МГПИИ* (правда, в последних примерах нет нарушения литературной нормы, поскольку сокращения *ВТБ, МГПИИ* и т.п. суть имена собственные, а в примере с *МРОТ*, в котором аббревиатура не является именем собственным, налицо нарушение нормы).

Рассмотрение «пограничных» высказываний о величинах имеет, в том числе, прикладную направленность. Основными прикладными сферами являются извлечение информации о параметрах из реальных (а не только «правильных») текстов и восстановление нормативных вариантов названий параметров в структурах, принимающих извлеченную информацию.

Семенова Софья Юльевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН, доцент РГГУ

А.В. Семенович (Владимир)

Эстетика неопубликованного текста или жизнь после смерти автора

Концепт «смерть автора» является известным способом осмысления текста и подразумевает работу, основанную не на авторских установках, но на специфике восприятия реципиента. «Письмо - та область неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности, черно-белый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего» [1]. «Смерть автора» - эффектная метафора, предполагающая её сопровождение предлогом «как бы». Автор как бы умер, в связи с чем у читателя имеется свобода интерпретации текста.

Однако существуют ситуации, когда «смерть автора» оказывается не метафорой, а фактом реальной смерти автора, оставившего после себя не просто тексты, но неопубликованные и недописанные тексты. Именно такая ситуация возникла после смерти Ф. Кафки, когда благодаря его другу, М. Броду, были опубликованы многие произведения автора. Человек, в чьем распоряжении оказывается текст умершего автора, становится не только читателем, но и соавтором текста, т. к. именно у него возникает уникальное право оформления и публикации текста, а значит право на его окончание, на определение его судьбы. Такое взаимодействие с текстом предполагает весьма специфические эстетические переживания между осознанием состоявшейся трагедии, осмыслением текста, оставшегося после смерти автора, и участием в судьбе этого текста.

У автора настоящих тезисов имеется свой уникальный опыт работы с неопубликованным текстом после смерти его автора. 25.11.2012 трагически погиб Денис Кабанов (он же D'Неон) - поэт и музыкант, известный только в узких кругах андеграундной культуры г. Владимира. В отношении творчества Дениса вполне уместно применение метафоры «песни в пустоту», введенной в культурный дискурс благодаря авторам одноименной книги о представителях отечественной рок-музыки, не снискавших популярности, вопреки своему таланту [2].

После смерти Дениса обнаружено множество рукописей его стихов, которые никогда не публиковались, не выносились автором на публику. Один из его текстов

«Опускаюсь каменным облаком» получил свои оригинальные и не похожие друг на друга интерпретации в исполнении ныне существующих музыкальных коллективов «Семен и Хор Блаженных имени Ф. М. Достоевского» [2] и «БКТТ» [3].

«Косноязычие утренних спичек,
Зажигают серу моих привычек,
Раскаляют древо великих познаний,
Облачая сны в воспоминания.
Прожитой ночи, игры со свечами,
Убитой души своими руками,
Набитой совести сырым ворохом
Опускаюсь каменным облаком...»

Предложенные музыкантами варианты трансляции данного текста отличаются друг от друга динамикой, ритмом, составом инструментов, способами звукоизвлечения и в итоге создают разные эстетические реальности, в каждой из которых, казалось бы, обреченный на забвение текст живет после смерти автора.

Примечания

- Барт Р. «Смерть Автора» / Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1994. С. 384
Горбачев А., Зинин И. Песни в пустоту: потерянное поколение русского рока 90-х. – М. 2015
Опускаюсь каменным облаком. Семен и Хор Блаженных имени Ф. М. Достоевского / Яндекс музыка - <https://music.yandex.ru/album/24338877/track/109858096>
О.К.О. БКТТ / Яндекс музыка - <https://music.yandex.ru/album/10565158/track/65333869>

Семенович Александр Владимирович
кандидат философских наук,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Alexei Sivertsev (Chicago)

Language in the Margins: Synagogue Mosaics and Cross-Language Epigraphic Formulas in Late Roman Palestine

The paper investigates the use of cross-language epigraphic formulas in synagogue floor mosaics in late Roman Palestine (4-8th centuries CE). It explores multilingual inscriptions and a variety of production and viewing techniques through which these inscriptions were embedded into their physical and symbolic environment. The multilingual inscriptions find themselves in the margins in two different, yet interrelated ways. On the one hand, not unlike marginalia on a book page, the inscriptions were often quite literally situated in the margins of a mosaic floor. On the other, it was not just individual languages, but rather the tension and dialogue generated by multiple languages interacting within the floor's common symbolic space that produced meaning. The meaning, therefore, was generated in the margins, that is, spaces at the borders of individual languages employed in the inscriptions.

The paper is an invitation to approach the language of inscriptions as a form of material artifact. The language operated within the material context of iconographic and epigraphic segments embedded into the space of mosaic floors. Our study of language, therefore, should focus not so much on language as an abstract category (exemplified by Hebrew/Aramaic vs. Greek dichotomy), but language as a material object delineated by the circumstance of its production and viewing.

This paper understands the materiality of languages used in multilingual inscriptions in two fundamental ways:

1. A mosaic floor emerges as a cluster of relationships among its textual and artistic elements. That cluster was manufactured as a single spatial and structural unit, as an integrated network of embedded figurative and epigraphic materials, in the context of a specific production site, workshop, or artisan guild. The production of a floor mosaic usually involved the use of epigraphic and iconographic models and formulas functionally akin to molds used to mass-produce clay lamps and figurines. These formulas were deployed in various combinations, most likely in coordination with tastes and preferences of a specific community and/or individual donors who sponsored the mosaic. There is no evidence that inscriptions in different languages were manufactured by different groups of artisans. The opposite seems to be true: multilingual inscriptions embedded into a mosaic floor were generated by the same actors and in line with the same set of structural and aesthetic principles. Cross-language formulas, the paper argues, played an important role in the production of such inscriptions.
2. In addition to being manufactured as clusters of relationships, the floors were also viewed by their audiences as integrated syntactic and semantic units delineated by their physical boundaries. Like words in a sentence, individual elements within such a unit accrued meaning in relation to the unit's other elements. The floor's material space, in other words, determined its syntax as well as the meaning of its individual parts. A visitor, whether that person was literate, illiterate, or partially literate, would likely perceive a floor mosaic as the syntactic and semantic cluster consisting of cross-referencing and cross-pollinating iconographic and textual elements.

Many of the Aramaic/Hebrew and Greek inscriptions, often approached today as two distinct and self-enclosed epigraphic corpora, are embedded in the same floors from the same synagogues. Many of these inscriptions were sponsored by the same people and manufactured at the same production sites. Viewers would encounter the inscriptions not as disembodied narratives, but as material objects framed (often, quite literally so) in a particular way. Texts in different languages would often be phrased according to the same sets of cross-language formulas (*dekhir le-tav = mnesthe eis agathon, athra kadisha = hagnos topos*, etc.), further complicating the cleanliness of linguistic dichotomies. Rather than merely being distinct corpora, separated – to appropriate Ramsay MacMullen's useful terminology – by language and epigraphic habit, Aramaic, Greek, and Hebrew inscriptions functioned as layers of exchangeable codes through which bi- or trilingual synagogue communities articulated themselves.

Alexei Sivertsev
professor, DePaul University,
The Department of Religious Studies

Смирнова А.В. (Пермь)

«Вот такие мои дела»: характеристика отраженной повседневности в сельском нелитературном дневнике

Ценным источником для реконструкции повседневности являются дневниковые тексты. Так как главным адресатом дневника является сам автор [Михеев 2006; Зализняк 2010], такой эго-документ зачастую сохраняет аксиологическую систему пишущего, отражает факты биографии, которые могут быть незаметны в других источниках. Кроме того, дневник обычно на протяжении нескольких лет фиксирует каждодневную рутину пишущего, и в диахронии этот срез позволяет составить наиболее полный образ отраженной повседневности, включая изменения в мировоззрении автора и окружающем его мире.

Материалом нашего исследования стали три дневника сельских жителей Пермского края конца XX – начала XXI в. (фотокопии хранятся в архиве Лаборатории теоретической и прикладной фольклористики ПГНИУ). Первый дневник велся супругами А.А.Н., 1932 г.р., и А.Г.М., 1920 г.р. (с 1986 по 1995 гг.). Его особенностью является коллективность: муж и жена писали дневник вместе, прочитывали записи друг друга, а собственные тексты создавали иногда как ответ «соавтору». В дневнике отразилось разделение обязанностей, различие мироощущения, особенности семейных отношений – споры авторов по этим и другим поводам происходят иногда прямо на страницах общей «амбарной книги».

Второй дневник велся с 1990 по 2014 гг., он принадлежит И.В.И., 1933 г.р. Пожилая женщина вела активный образ жизни, следила за политической повесткой и культурными событиями, – однако при этом жила в умирающей деревне на 6 домов и ухаживала за больной дочерью. Дневник отличает обилие различных графических элементов и рисунков, с помощью которых автор выделяет важные для себя события и, возможно, осуществляет своеобразную арт-терапию. Большое место в повседневности автора занимают семейные праздники, отношения с соседями и родственниками.

Третий дневник был написан с 1999 по 2003 гг., он принадлежал Ш.В.А., 1957 г.р. Житель села, мужчина средних лет, вел записи аккуратно, регулярно перечисляя выполненные за день хозяйственные дела, упоминая общение с односельчанами и прочие виды досуга, которые автор зачастую называет «гулянием». Особое место в структуре дневника занимают наблюдения за погодой.

Авторы (три из которых принадлежали к одному поколению) вели дневники почти в одно и то же время и проживали в селах, расположенных на соседних территориях (Юрлинском и Кудымкарском районах Пермского края). Их записи отражают во многом общую картину мира, характерную для сельского жителя того времени. Наша исследовательская задача заключается в том, чтобы проанализировать отраженную повседневность и формы ее воплощения в дневниковых текстах. Повседневность «конструируется» нами с учетом трех важных параметров [Лелеко 2002]: природных, социальных и ментальных феноменов, упоминаемых в дневниковом тексте.

Можно заметить, что в дневниках «ближний мир» имеет для авторов большее значение, чем мир «удаленный». Общественные связи внутри мини-сообществ (сел) очень тесные. В дневниках отсутствует рефлексия над событиями прошлого, наибольшее значение авторы придают настоящему. Жизнь неразрывно связана с природой, а ее качество зависит от успешного ведения хозяйства.

Литература

1. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // НЛЮ. 2010. №6. С. 162–181.
2. Лелеко В.Д. Пространство повседневности как предмет культурологического анализа: Автореф. дис. ... канд. культурол. наук. СПб., 2002.
3. Михеев М. Дневник в России XIX – XX века – эго-текст, или пред-текст. М., 2006. URL: <http://uni-persona.srcrcc.msu.ru/site/research/miheev/kniga.htm>.

Смирнова Алена Вячеславовна
Магистрант филологического факультета Пермского государственного
национального исследовательского университета

Е.А. Смирнова (Москва)

Модусная рамка глосс в Евангелии Тяпинского

Маргиналии активно использовались в польских протестантских изданиях Св. Писания 1-й половины XVI века. Глоссы «простомовного» Евангелия Тяпинского ок.

1580 г. [Evanheliје... 2005] (далее ЕТ) подробно описаны в работах [Жураўскі 1960, Rothe, 2005, Клімаў 2012], однако с позиции субъекта речи эти ‘заметки на полях’, или Randglossen, как их называет Г. Ротэ, характеристики пока не получили. Если рассматривать текст Евангелия как диктум, то маргиналии можно считать своего рода модусной рамкой: именно в них отражается сам переводчик и его отношение к семантике и, в частности, прагматике слова.

Характер глосс ЕТ — чисто языковой (текстологический), а отнюдь не герменевтический. Отсутствие отсылок на Отцов Церкви и на религиозную доктрину, а также полное отсутствие экзегезы — толкования библейских понятий и реалий — является главной особенностью ЕТ, которая отличает памятник не только от всех восточнославянских изданий XVI века, но от многих польских изданий того времени, в том числе С. Будного [Клімаў 2012: 301-302].

Маргинальные глоссы приводятся нами внутри наборного текста ЕТ в квадратных скобках непосредственно после слова или словосочетания / фразы, к которой дается комментарий переводчика. Перед толкуемым словом или отрезком текста ставится двоеточие: **Ико во вѣмль иона в чѣреве :китове [то слово г'р'к'у'ѣское • которимъ тѣю рибѣ звали•] три дни и три ноци • такъ вѣдѣ и снѣгъ ѹлѣуни въ сердѣцѣи зем'ли три дни и три ноци•** (Мф 12:40). Варианты толкований внутри глосс помечаются двоеточием с двух сторон, до и после: **И переменилъ се передъ ними • и роз'с'ветило се ов'лиучѣ его такъ сол'н'цѣ, а одежи его вѣли белѣ :такъ с'вет'ло [в' ин'г'х' перек'ладѣхъ :такъ с'негъ:]•** (Мф 17:2).

Тяпинский обычно обращается к читателю во 2 лице будущего времени или повелительного наклонения: **Што найдешъ и в' книгѣ старого завета або таѣментѣ** (Мф 1:11); **г'леди о томъ ѡ мар'ка ѡ главе...** (Мф 3:4). Подобная разговорная стилистика характерна для протестантского дискурса XVI века и встречается, например, у С. Будного [Клімаў 2012: 305]. Формы императива являются в данном случае одним из маркеров персуазивности.

В качестве доказательств правильности перевода Тяпинский может апеллировать к другим переводчикам, отмечая, что все по-разному переводят: слово **:ѡрокъ: роз'маните се вѣк'ладаѣ** (Мф 2:8); при этом утверждать, что сам евангелист переводил следующим образом: **:веельзавѣла [то слово евѣреиское тое жѣ ѣ в г'р'еуескомъ • и дуч'кольвекъ розно его вѣк'ладаю • але нѣкоторые доводѣтъ, иж' самъ еван'гелиста ото вѣк'ладаѣ его :к'наземъ вѣсов'скимъ:]** (Мф 12:24). В самых сложных случаях Тяпинский предлагает читателю принять решение о переводе слова самостоятельно: **:сатана сатанѡ [то слово евѣреиское тое жѣ и в' г'р'еуескомъ • некоторые его вѣк'ладаю :потѣвар'цою: але иж' м'ногие протѣв' толиѡ роз'не вѣк'ладаю • пр'ото вѣшени и тѣ и нижеи тое слово само кож'домѡ для росѣд'кѡ положоно•]** (Мф 12:26).

Отсылки на источники при вариантах перевода Тяпинский дает очень расплывчато, без конкретизации: **в' г'р'еуескѣи некоторыхъ • и в' ѣншѣ перек'ладѣ** (Мф 1:11); **некоторыи вѣк'ладаютъ** (Мф 6:11); **в' ин'г'х' словенскѣи перек'ладѣх'** (Мф 9:15); **в' инои' перек'ладѣ словен'скомъ в' ап'ракасе :м'ладен'ца: в' ч'оли' з' м'ногими перек'ладѣи • и з' р'еуѣю • з'гажаѣ сѣ** •(Мф 2:16) — т. е. ‘согласуется’ (в последнем примере, вероятно, дается отсылка к разговорной речи). Стратегия убеждения читателя в достоверности информации нестандартная. Объяснение, что «так говорят, так называют» встречается в глоссах ЕТ регулярно: **ин'г'е вѣк'ладаю** (Мф 5:22); **:статиръ [такъ некоторѡю монетѡ з'валѣ по г'р'еуескѣи•]** (Мф 17:27); **:лѣнѣт'ыковѣ [ин'г'е тепер' тѣю немоцъ вален'т'ыновоу назывѣютъ•]** (Мф 4:24). Некоторые трудные слова, во избежание ошибки, и вовсе

остаются без перевода: :осан'на [то с'лова ев'реис'кїе • и д'ла т'рд'ного ѡ в'ык'ладу и в' г'р'к'уе'кї о'с'тав'ленгы, ... в'едь же ѡж' ѡн'гы роз'нен в'ык'ладю • прото саные с'лова о'с'тав'ленгы] (Мф 21:9).

По способу подачи информации в глоссах ЕТ представлена модусная рамка, несомненно выделяющая памятник среди протестантских изданий XVI века.

Литература

Жураўскі, 1960. *А. І. Жураўскі.* Тыпы і асаблівасці глос у Евангеллі В. Цяпінскага // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. 1960. Вып. 7. С. 213–226.

Клімаў, 2012. *І. П. Клімаў.* Евангелле ў перекладзе Васіля Цяпінскага. Мінск, 2012.

Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare / Hrsg. H. Halenčanka. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 5. Paderborn, München, Wien, Zürich: Biblia Slavica, 2005. 231 s.

Rothe, 2005. *H. Rothe.* Vasil Tjapinski: Theologischer Wortgebrauch, kirchenslavische und polnische Evangelienübersetzungen // Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare / Hrsg. H. Halenčanka. Serie III: Ostslavische Bibeln. Band 5. Paderborn, München, Wien, Zürich: Biblia Slavica, 2005. S. 200–220.

Смирнова Екатерина Андреевна,
к.ф.н., научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Института славяноведения РАН

Е.Е. Смирнова (Москва)

Особенности кинодискурса режима Виши

Режим Виши – темная страница истории Франции, о которой до сих пор существует довольно мало исследований. Большинство книг, посвященных этому периоду (Джулиан Джексон, Франсуа Брош), открывается предисловием, в котором подчеркивается нежелание французов рефлексировать на тему коллаборационизма из-за ее неоднозначности в отличие от, например, роли движения Сопротивления.

Работ, затрагивающих тему французского кинематографа того времени, еще меньше. Жак Сиклие начинает свою книгу «Франция Петена и ее кино» (1981) опровержением отсутствия киноиндустрии во Франции в 1940-1944 годах. Вопреки распространенному мнению фильмы снимались и во Французском государстве. И это были не только такие всем известные произведения, как «Ворон» Анри-Жоржа Клузо или «Вечерние посетители» Марселя Карне. Но и еще очень многие другие документальные и игровые фильмы.

В этой связи, особый интерес представляет анализ лингвокультурной составляющей французского кинодискурса этого периода. Его сравнение с соответствующим дискурсом фашистской Германии, их сопоставление, поиск точек соприкосновения и различий. Подобное исследование неизбежно находится на границах нескольких наук: истории, культурологии и лингвистики. Возможно, подобный подход – один из ключей к пониманию событий не столь далекого прошлого.

Смирнова Евгения Евгеньевна
мл.научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса при МГЛУ
Evgenia Smirnova, Moscow

Соболева А.Е. (Москва)

«Тобѣ подобаетъ пѣснь»: еще раз о языке и тексте Виленской псалтыри

Виленский свод хранится в Библиотеке Академии наук Литвы. Время создания рукописи — около 1517–1530-х годов. Тексты рукописи известны тем, что представляют собой переводы ветхозаветных книг с древнееврейского языка на «просту мову» (статьи о толковании, составлении и пении Псалтыри, книга Иова, Руфь, Псалтырь, Песнь песней, Экклезиаст, Притчи Соломоновы, Плач пророка Иеремии, книга пророка Даниила, Эсфирь). Предисловие к Псалтыри взято из пражского издания Франциска Скорины 1517 года. Все ветхозаветные книги, кроме Псалтыри и заключительного фрагмента Притчей, переведены непосредственно с древнееврейского языка. Предполагается, что переводы сделаны в XV в. Первая половина Псалтыри имеет очевидную церковнославянскую основу, причем она является контаминацией существующих редакций, текст кроме того ориентируется на латинский перевод, а «проста мова» представлена вкраплениями, однако ситуация кардинально меняется с середины. Ни одному из текстов свода подобная языковая неравномерность несвойственна. В докладе предлагается рассмотреть текст Псалтыри в кругу современных ей переводов.

Соболева Александра Евгеньевна,
к.ф.н., старший научный сотрудник
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
доцент Московской духовной академии;
ведущий научный сотрудник
Российской государственной библиотеки

Соболева М. Е. (Сергиев Посад)

«Что скрывают монастырские вклады: из жизни богомольцев XIX века»

Крупные монастыри издревле славились не только богатыми библиотеками, но и роскошными сокровищницами — ризницами, в которых хранились драгоценные вклады именитых богомольцев. На протяжении многих веков это были изделия из драгоценных металлов и тканей, тогда как количество передаваемых в монастыри икон было достаточно скромным. Ситуация изменилась в XIX в. Во многом это было связано с расширением зажиточного купеческого сословия, любившего украшать жилища большими домовыми иконостасами, а также с техническим прогрессом (развитием литографского производства) и появлением многочисленных мастеров, изготовлявших иконы «средней руки» (и стоимости соответственно). Прикладные книги XIX в. фиксируют значительный рост количества передаваемых в монастыри образов.

На протяжении XIX в. в ризницу Троице-Сергиевой лавры было вложено более 600 «святых образов», большинство из которых вошло в состав иконной ризницы на момент составления последней описи монастыря в 1908 г. После октябрьской революции обитель была закрыта, а все ее имущество было передано в ведение новообразованного Сергиевского музея (сегодня Сергиево-Посадский музей-заповедник). За период 20–60-х гг. XX в. музей понес огромные потери: множество экспонатов было списано для последующего уничтожения или перепродажи через систему Антиквариат, наиболее ценные предметы передавались в крупные столичные институции. Так от некогда богатого собрания поздних икон сохранилось всего 53 образа.

В докладе предлагается рассмотреть изменение в характере вкладов икон в XIX в. на примере ризницы Троице-Сергиевой лавры. Изучение этих данных дает представление о некоторой хронологической динамике, связанной с военными конфликтами или памятными датами; изменении социального статуса вкладчиков, а также раскрывает интересные и подчас трагические истории из жизни дарителей (от споров из-за наследства до помешательств на фоне любви).

Соболева Маргарита Евгеньевна,
старший научный сотрудник
Сергиево-Посадского государственного
историко-художественного музея-заповедника.
Филиал «Ризница Троице-Сергиевой лавры»

О.В. Соколова (Москва)

На границе поэтического и обыденного высказывания: поэзия в интернет-пространстве

Во второй половине XX в. и более активно – в эпоху пандемии – мы наблюдаем изменение модели коммуникации (по Р. Якобсону), связанное с выдвиганием канала и кода, и модификацией остальных параметров. В связи с этим лингвистика все более интенсивно изучает проблемы интернет-коммуникации в новых интерфейсах: в социальных сетях, блогах и мессенджерах [Androutsopoulos 2006; Zappavigna 2012; Herring, etc. 2013]. Указанные новые форматы обладают признаками «эго-текста», т.е. текста о себе самом, имеющего своим объектом обстоятельства жизни самого автора, и написанные с субъективной авторской точки зрения [Михеев 2007: 6].

В докладе будут рассмотрены новые стратегии коммуникации и субъективации в современной поэзии в интернет-пространстве, которая, с одной стороны, взаимодействует с форматом электронного дневника, а с другой, с помощью новых технологий вовлекает адресата в непосредственную интеракцию.

Специфика коммуникации современной поэзии в новых медиа обусловлена тем, что в зависимости от формата (блоги, социальные сети, мессенджеры или приложения типа «Телеграмма»), она может совмещать асинхронный и синхронный, дистантный и контактный типы интеракции. Наиболее релевантным в этом плане является формат поэтических текстов в социальных сетях, в которых принципы очной (или *face-to-face*) коммуникации, с характерным для нее синхронным общением, совмещаются с принципами дистантной коммуникации, когда каждый участник оставляет определенный семиотический «след». Это связано с тем, что социальные сети обладают двойной перспективой синхронизации: сообщения могут быть прочитаны как в момент отправки, так и спустя время, и обладают широким, но ограниченным кругом адресатов, к которым чаще относятся т.н. *друзья* или *френды*, *подписчики*. Более того, в современной поэзии автоадресация (по Ю. Лотману) и «идеальная» адресация (по В. Беньямину) дополняются новыми видами адресации, когда сообщение формирует актуальную интеракцию, вовлекая в процесс коммуникации адресатов как в синхронном режиме, так и в отдаленном, позволяющем участникам включаться в диалог, выбирая тот или иной коммуникативный ход. При этом важна и возможность непосредственного диалога автора и адресата благодаря набору репликовых инструментов (комментарии, лайки, перепосты, теги), которые также могут быть симультанными и дистантными, диалогичными и полифоничными.

В докладе будет рассмотрено взаимодействие обыденного и поэтического дискурсов на материале сообщений в блогах и социальных сетях, которые включают разные виды

текстов: поэтические тексты с комментариями и гибридные тексты. Будут выделены и проанализированы такие виды поэтической интернет-коммуникации, как: асинхронный тип онлайн-коммуникации; синхронный тип онлайн-коммуникации, или face-to-face-коммуникация; поэтический флешмоб и «гибридные» тексты, характеризующиеся пограничным форматом между поэтическим и обыденным высказыванием.

Литература

- Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX века). М., 2007.
Androutsopoulos J. Introduction: Sociolinguistics and computer-mediated communication // Journal of Sociolinguistics 10. 2006. P. 419–438.
Herring S. C., Stein D. and Virtanen T. Pragmatics of Computer-Mediated Communication. Berlin, 2013.
Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media. London and New York, 2012.

Соколова Ольга Викторовна
Институт языкознания РАН, д.ф.н., с.н.с.

Е.В. Степанян, Т.В. Кузнецова (Москва)

Маргинальное творчество, проект «Наивно? Очень!» и князь Мышкин-аутист

1. Известны описания болезненного состояния князя Мышкина: «...я только молча смотрел... я всегда, если болезнь усиливалась... впадал в полное оупение, терял совершенно память, а ум хотя и работал, но логическое течение мысли как бы обрывалось.»
2. Это - картина, фрагменты которой напоминают так распространившийся сегодня аутизм с типичными для этого состояния эпилептическими включениями (оммаж покойному Николаю Богданову).
3. Впоследствии картина состояния героя меняется на противоположную аутической: в замкнутой в свою внутреннюю тюрьму душе расцветают исключительные качества: духовная чуткость, умение прикоснуться к чужой душе, словом, преодоление отдельности от окружающих.
4. Специалист по аутическим состояниям замечает об этом персонаже: «... у него лишь аутичные черты, или он уж очень высокофункциональный аутист. Он очень чуткий, в классике аутизма этого нет... В первую очередь аутистов социальным реакциям надо долго и упорно учить.»
5. Эмпатия князя направлена вовне, к другим людям. Чувствительность классического аутиста (а может, и вообще современного человека) направлена вовнутрь, к самому себе, к своей боли. Но в то же время стихи, афоризмы, картины таких больных способны передать проникновенное чувство мира, понимание другого человека. Возможность выхода из своей внутренней темницы, «мышкинского» переживания братства с людьми им дает творчество.
6. Московский проект «Наивно? Очень!» (создан в 2010 году, посвящен социализации людей с ментальными особенностями) существует с девизом «Художественное творчество для таких людей – мостик в наш мир...» Интересно, что в галерее представлены работы художника Николая Бондаренко, иллюстрирующие роман Ф.М. Достоевского «Идиот».
7. Образы, соотносимые с персонажами и ситуациями «Идиота», обнаруживаются и в произведениях других мастеров галереи. Но самой художественно богатой является сюита картин, представленных Тимуром Штроманом. Его работы, сюжетно не связанные с романом Достоевского, но глубоко ему созвучные, представляют один из самых интересных примеров «параллельного

иллюстрирования», перед которым открываются большие и еще не освоенные оформительские возможности.

Кузнецова Татьяна Владимировна,
кфн, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ;

Степанян Елена Владимировна,
кфн, старший научный сотрудник Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки,
член Международного общества Достоевского (IDS), член Международной ассоциации искусствоведов

К.А. Суворова (Москва)

Размышления геолога о малой родине

Я очень люблю этот утонувший в воде и зелени среди каналов полупетербургский полувенетский город... И бесконечно благодарен ему за первые науки и пробуждение самосознания, в которых я так нуждался в годы детства и юности.
Б.С. Соколов.

В название данного доклада вынесена часть из заголовка краеведческой работы Б.С. Соколова «Краеведение у истоков российской культуры (кое-что из размышлений геолога о своей малой Родине)», в котором отражены проблемы изучения истории и культуры регионов и краеведения в целом. Периферия становится неким мифологическим пространством, миф которого формируется благодаря различным исследованиям не только профессиональных историков и культурологов, но и деятелей из иных научных сфер.

В Архиве РАН хранится фонд известного палеонтолога, доктора геолого-минералогических наук, академика АН СССР (1968) Б.С. Соколова. Среди документов данного фонда имеется несколько дел, связанных с местом его рождения – городом Вышний Волочёк Тверской области. Борис Сергеевич Соколов на протяжении всей жизни старался поддерживать связь со своей малой родиной. До 1940 года он практически каждое лето бывал в родных краях, затем ритм жизни, научные исследования, проекты, преподавательская деятельность и международные проекты, в которых он участвовал, не оставляли времени для посещения Тверской области, но в последние десятилетия своей жизни, начиная с 1985 года, он снова активно начал бывать в родных местах и стал активным участником краеведческого общества, которое сложилось в Вышнем Волочке. Этой малой родине учёного посвящено несколько его работ: «К молодым экологам и краеведам», «Краеведение у истоков российской культуры (кое-что из размышлений геолога о своей малой родине)», «Записки с берегов Имоложья». В них затрагивается тема возрождения памятников культуры в столичных городах и районных центрах без учёта более отдалённых городов и сёл, которые также являются неотъемлемой составляющей всего культурного и исторического пространства всей страны. В работах красной нитью проходит проблема важности малой родины в судьбе и жизни конкретного человека, а также восприятие понятия родины в целом через призму детских образов.

Дневниковые записи Б.С. Соколова, также позволяют выявить некоторые характерные признаки его «взаимоотношений» с малой родиной. Это как частота поездок, организационный процесс пребывания в селе Берёзки, так и посещение природных мест.

Его вклад в развитие истории Вышнего Волочка и села Берёзки не ограничивается лишь теоретическими исследованиями. Учёный принимал участие в разных проектах и

мероприятиях, о чём свидетельствуют фотографии, находящиеся в фонде и личная переписка с местными краеведами.

Краеведческие работы Б.С. Соколова – прекрасный личный источник по истории Вышневолоцкого района в целом и села Берёзки в частности, в котором зафиксированы важные личные моменты жизни автора и его подход к вопросам развития краеведения.

Список использованных источников и литературы

1. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 50 (Соколов Б.С. "К молодым экологам и краеведам" ("К молодому поколению краеведов и экологов") // Удомельская старина 2004. № 37. с. 1-2)
2. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 60 (Соколов Б.С. «Краеведение у истоков российской культуры (кое-что из размышлений геолога о своей малой родине» // ВИКА, 2001. № 4. с. 3-12)
3. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 61 (Соколов Б.С. «Записки с берегов Имоложья» // Ирида-прос, 2007. 448 с.)
4. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 68. (Ежедневники и дневники Соколова Б.С. Автограф. 31 декабря 1985 - 31 июля 2007)
5. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 264. (Письмо Соколову Б.С. от Зигерт Г.Е., краеведа из Вышнего Волочка. 1 п. Авторизованный компьютерный набор. 12 февраля 2004)
6. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 259. (Письмо Соколову Б.С. от Епатко Ю.Г., искусствоведа, старшего научного сотрудника Государственного Русского музея. Санкт-Петербург. 1 п. Рукопись. 31 марта 2004 – 9 апреля 2004)
7. Архив РАН Ф. 2195. Оп. 1. Д. 289. (Письма Соколову Б.С. от Подушкова Д.Л., краеведа, писателя. Удомля. 2 п. Авторизованный компьютерный набор. Январь 2002 – 8 апреля 2004)
8. Письма Соколова Б.С. Смирнову М.Т. и Максимовой О.А. // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. 2013. №13. с. 49-62. http://vischny-volochok.ru/wika/wika013/wika13_17.shtml
9. Письма Соколова Б.С. Зигерт Г.Е. и Ступкину Е.И. // Вышневолоцкий историко-краеведческий альманах. 2013. №13. http://vischny-volochok.ru/wika/wika013/wika13_19.shtml

Суворова Ксения Андреевна
Архив РАН, исполняющий обязанности младшего
научного сотрудника

О.С. Сулим (Москва)

СТАБИЛЬНОСТЬ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ САМООПРЕДЕЛЯЮЩИХ НАРРАТИВОВ⁴⁷

Один из лучших способов описать себя – рассказать историю из своей жизни. Создавая автобиографические нарративы, рассказчик не документирует события прошлого, а конструирует образ своего Я, структурируя доступный его сознанию опыт в соответствии с актуальными самооценочно-значимыми чертами, ценностями и смыслами. Особую роль в процессе нарративного самосозидания играют самоопределяющие автобиографические воспоминания (СОВ). Эти воспоминания о «опорных» эпизодах жизни человека помогают ему чувствовать себя «собой» в разные времена, выступая метафорическим выражением сущности его идентичности [2, 4].

Однако само понятие идентичности сегодня приобретает некоторую пластичность. В последнее время многие исследователи акцентируют внимание на понимании идентичности как сложной полифонической конструкции [1]. Предполагается, что, обладая широким репертуаром социальных ролей, связанных с конкретными личностными и поведенческими проявлениями, человек может конструировать для каждой из них особую историю. Будучи частью глобальной «нарративной идентичности» человека, такая частная история не подчиняет себе другие истории, но существует наравне

⁴⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ №22-28-00368

с ними. Учитывая возможность существования разнообразных, в том числе противоречивых и не пересекающихся идентичностей у одного субъекта, логично предположить, что отдельно взятый нарратив СОВ, репрезентируя конкретные «части» личности, все же не может позволить одновременно оценить сложность и комплексность структуры интегральной идентичности.

Кроме того, номенклатуру СОВ нельзя назвать стабильной. Создание и развитие нарративной идентичности происходит на протяжении всей жизни, отвечая конкретным вызовам и задачам каждого этапа жизненного цикла. Потому содержание СОВ способно довольно гибко подстраиваться под задачи актуального возрастного периода: например, нарративы младших подростков об отношениях с родителями чаще содержат темы конфликтов из-за выраженной потребности в сепарации, в то время как старшие подростки чаще упоминают темы близости, поскольку стремятся найти баланс между близостью и автономией [3]. Результаты нашего исследования показали, что менее половины респондентов способны вспомнить и воспроизвести СОВ, рассказанное в прошлом году. Стоит отметить, что личностные характеристики, описанные в двух нарративах с интервалом в 15 месяцев, частично или полностью пересекались, однако менялась оптика их восприятия: упомянутое ранее поведение описывалось как нежелательное и намеренно корректируемое в настоящий момент; менялись причины, приписываемые успехам в личностно-значимой деятельности; появлялись новые смыслы и выводы о себе, извлеченные из события прошлого и влияющие на поведение в настоящем.

В связи с относительной пластичностью идентичности как в течение жизни, так и в зависимости от конкретного социального контекста, возникают проблемы психологического «срока годности» самоопределяющих нарративов; их масштабности относительно ядерных и периферических компонентов личности; синхронии динамики нарративных и личностных процессов.

Литература

1. Зайцева Ю.Е., Горюнова Ю.В. Жизненный сценарий молодых людей в полинарративной перспективе: культурные запреты и предписания постмодерна. – 2022.
2. Нуркова В.В. Самоопределяющие нарративы в развитии личности // Психологическая наука и образование. 2014. Том 19. № 4. С. 22–30.
3. McLean K.C., Thorne A. Late adolescents' self-defining memories about relationships // *Developmental psychology*. – 2003. – Т. 39. – №. 4. – С. 635.
4. Singer J.A. *Memories that matter: How to use self-defining memories to understand & change your life*. – New Harbinger Publications, 2005.

Сулим Ольга Сергеевна
студентка, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

И.З. Сурат (Москва)

«За смолу кругового терпенья...» (из комментариев к стихам Мандельштама)

1. В стихотворении О.Э.Мандельштама «Сохрани мою речь навсегда...» (1931) совместными усилиями исследователей (О. Ронена, А.К. Жолковского, Л.Г.Пановой, С.Г. Шиндина, С.Г. Стратановского, О.Б. Заславского, Л.М. Видгофа, И.З. Сурат и др.) прокомментирован каждый мотив, каждая деталь, однако вторая его строка остается непроясненной, на что обратил внимание в недавней работе Л.М. Видгоф: «Третья же часть формулы — “За смолу кругового терпенья” — говорит, думается, о долгой терпеливой работе поэта по выработке драгоценной “смолы” поэзии. Какой смысл

- имеет в данном случае определение “круговое”, автору этих строк не совсем понятно» (Видгоф Л.М. Из наблюдений над стихами О.Мандельштама // Звезда, 2022, № 11). Именно на этом слове мы и остановим наше внимание.
2. В 1929 году на экраны должен был выйти немой фильм «Шкурник» режиссера Николая Шпиковского по мотивам рассказа Вадима Охрименко «Цыбала» - о злоключениях верблюда и его случайного хозяина во время гражданской войны на территории Украины. Мандельштам, пытаясь в январе-феврале 1929 года получить место редактора-консультанта на Киевской кинофабрике, видел фильм еще до премьеры и написал на него подробную одобрительную рецензию под названием «Шпигун», однако фильм был запрещен к показу, поскольку в нем была усмотрена дискредитация Красной Армии (Марголит Е., Шмыров В. (из’ятое кино) 1924-1953. М., 1995, с. 10). Фильм найден и восстановлен в 2000-е годы.
 3. Рецензия Мандельштама (впервые опубликована в 1977 году) начинается с характеристики верблюда и его положения между белыми и красными – вместе со своим хозяином он поочередно оказывается во власти то одной, то другой воюющей стороны. Мандельштам не мог не соотнести этот сюжет с собственными скитаниями периода гражданской войны, когда он на протяжении одного месяца 1920 года был дважды арестован – сначала врангелевцами, а потом батумскими властями. Самоидентификация с героем фильма кажется органичной, если помнить про общеизвестное, зафиксированное во многих мемуарах внешнее сходство Мандельштама с верблюдом.
 4. В финальном эпизоде фильма показана торжественная интеграция пойманного верблюда в народное хозяйство: его запрягают в мельничный круг, и он все последние минуты фильма ходит по кругу вместе с лошадьми, приводя в движение жёрнов на фоне картины дружной молотбы зерна колхозниками и колхозницами (демонстрация отрывка из фильма). Здесь тема трикстера соединяется с «темой труда и хозяйства», что с неудовольствием отметил Мандельштам в своей рецензии.
 5. В начале 16 главы «Четвертой прозы», писавшейся в декабре 1929 – начале 1930 года, т.е. через несколько месяцев после просмотра фильма, Мандельштам применяет этот визуальный образ к самому себе: «Сколько бы я ни трудился, если бы я носил на спине лошадей, если бы крутил мельничьи жернова, все равно никогда я не стану трудящимся. Мой труд, в чем бы он ни выражался, воспринимается как озорство, как беззаконие, как случайность. Но такова моя воля, и я на это согласен. Подписываюсь обеими руками». Отталкиваясь от кинопечатления, он дальше развивает свои представления о специфике писательского труда, что было для него принципиально важно в момент создания «Четвертой прозы» и в ходе предшествующих ей событий.
 6. Все это дает ключ к пониманию строки «За смолу кругового терпенья и совестный деготь труда» и позволяет прокомментировать ее не только в связи со стихотворением Пастернака «Лето» (что было сделано в работах О.Ронена и Л.М.Видгофа), но и в собственном мандельштамовском контексте.

Ирина Захаровна Сурат,
Институт мировой литературы РАН им А.М.Горького,
ведущий научный сотрудник, дфн

А.В. Тер-Аванесова (Москва)

Деревенские рассказы о неудачном замужестве как фольклорные тексты

Предлагается анализ текста и композиции двух рассказов, записанных в поморских деревнях Та́мица Онежского р-на и Ке́ба Лешуконского районов Архангельской области. Рассказчица из Тамицы (моя запись 2003 г.) говорит о замужестве своей бабушки, рассказчица из Кебы (запись С.К. Пожарицкой и С.В. Князева 1991 г.) – о замужестве матери. Хотя эти две деревни между собой непосредственно не связаны, их объединяет общая культурная традиция (в частности, бытование одних и тех же пословиц и поговорок).

Эти тексты могут быть отнесены к жанрам семейного или женского фольклора в первую очередь потому, что они неоднократно воспроизводились и, возможно, до сих пор воспроизводятся: рассказчицы слышали их от женщин старшего поколения как в кругу семьи, так и на «женских» посиделках (об этом прямо говорится в одном из рассказов). Вероятно, и самим рассказчицам не раз доводилось их пересказывать. С этим, очевидно, связана стилистическая «отточенность» текстов. Фольклорными чертами рассказов можно считать троекратное повторение одного элемента повествования. Помимо этого, рассказы насыщены пословицами, поговорками.

Действие обоих рассказов происходит в первом десятилетии XX века. Композиция их одинакова: девушку выдают замуж по сговору родных (в одном случае – вопреки ее желанию); замужество оказывается неудачным; две попытки прекратить существующее положение дел или изменить его к лучшему не достигают успеха; в результате третьей попытки семейная жизнь налаживается. На всех этапах развития сюжета для всех действующих лиц важнейшим способом выразить правомерность своих поступков являются пословицы и поговорки. Судя по этим рассказам, семейные отношения по сути регламентируются пословицами. Так, в рассказе из Кебы муж, пьяница и дебошир, уговаривая жену вернуться к нему, взывает к ее долгу хозяйки, многократно повторяя: «Поди, Фёкла, поди, трои сутоцьки короушка не доёна», а на упреки в рукоприкладстве отвечает: «А жона моя и воля моя». В том же рассказе братья, выдавая сестру замуж против ее желания, свою решимость выражают словами: «руки-ноги свя́жом да отда́им», а сестра свое несогласие – «занесите плаху, занесите топор, рубите мою голову – не пойду». Эта последняя поговорка претворяется в жизнь в рассказе из Тамицы: бабушка рассказчицы после двух неудачных попыток покончить с собой («давилась – не задавилась: верёвка оборвалась на чердаке; топилась – не утопилась»), приносит в избу чурку и топор и просит мужа отрубить ей голову. Глубокое впечатление от этой сцены, увеличенное силой пословицы, заставляет мужа перемениться: с тех пор он ни разу не бил жену («боле пальцем не задевал»). Такого же результата (что выражается почти теми же словами – «боле палецько́м не заде́ивал») достигает и мать рассказчицы из Кебы и ее братья.

Поворотным моментом в истории из Кебы становится объявление братьями о разрыве родственных отношений с мужем сестры, выраженное с помощью матерной брани (в ответ на заявление мужа, что жена полностью находится в его воле, брат жены отвечает: «А ху́я не хо́цёшь?», а когда муж сестры называет его шурином, говорит ему: «Хуюрин! Кона <имя брата> дак шурин, а сестра дак не жена»). Лаконичные матерные реплики здесь исключительно функциональны, их цель – донести до мужа сестры категорическое несогласие с его взглядом на семейные отношения и готовность к полному разрыву с ним. Можно предполагать, что к тому же брат говорит обидчику сестры то, что, по распространенному на русском севере обычаю, следует говорить при встрече со всем вредным и чуждым человеку (матерная брань помогает при встрече с нечистой силой, ходячими покойниками, колдунами и т. п.).

Тер-Аванесова Александра Валерьевна
к.ф.н., Москва, ИРЯ РАН

А.С. Терентьев (Сергиев Посад)

Явление Пресвятой Богородицы прп. Сергию Радонежскому: некоторые особенности ранних редакций Жития

Житие прп. Сергия Радонежского было написано в 1418–1419 гг. его учеником, прп. Епифанием Премудрым. Затем, в 1440-е — 1450-е гг. оно неоднократно редактировалось иером. Пахомием Логофетом. Из Епифаниевской редакции Жития до нашего времени дошли только предисловие и первые 10 глав в составе Пространной редакции Жития (XVI в.). Сохранился целый ряд Пахомиевских редакций Жития, при этом их точное количество является предметом научной дискуссии (Б. М. Клосс выделяет пять Пахомиевских редакций и еще одну Проложную, также принадлежащую иером. Пахомию). Наконец, дискуссионным вопросом является и хронологическое соотношение двух древнейших Пахомиевских редакций.

В докладе Первая Пахомиевская редакция по Б. М. Клоссу (редакция Б по прот. В. Яблонскому) будет именоваться *Троицкой* (по старшему списку редакции: РГБ. Ф. 304/1 (собр. Троице-Сергиевой лавры фундаментальное). № 746. XV в.), а Вторая Пахомиевская редакция по Б. М. Клоссу (редакция А по прот. В. Яблонскому) — *Чудовской* (по старшему списку редакции: ГИМ. Чудовское собр. № 151. XV в.). Относительно же прочих редакций будет использоваться классификация Б. М. Клосса.

Эпизод явления Пресвятой Богородицы с апостолами Петром и Иоанном прп. Сергию Радонежскому в Чудовской редакции отличается полнотой и композиционной завершенностью по сравнению с вариантами этого эпизода в других редакциях. В этой редакции эпизод состоит из предисловия, основной части и заключения. При этом особого внимания заслуживает содержательно ценное предисловие Чудовской редакции, которое в других редакциях или отсутствует вообще, или представлено в крайне урезанном виде. Это предисловие имеет трехчастную структуру: 1) дана определенная хронологическая привязка явления (в *последнюю лѣта живота* прп. Сергия); 2) причиной общего недостатка в пище и всем необходимом для земной жизни называется отсутствие практики приобретения имений в Троицком монастыре; 3) говорится о том, что прп. Сергей скорбел не о недостатке пищи как таковом, а о братии своей, так тяжело переносящей лишения.

После предисловия следует обратиться к основной части эпизода явления Богородицы преподобному и выделить несколько общих особенностей, отличающих Троицкую и Чудовскую редакции от прочих.

1. Согласно им во время акафиста прп. Сергей обращает свой молитвенный взор к Богородице, тогда как позднейшие редакции говорят об иконе Богородице.

2. В них отсутствует обращение преподобного к своему ученику, прп. Михею, с указанием молитвенно бодрствовать ввиду грядущего особенного посещения.

3. Только эти две редакции указывают на время явления Богородицы — вечер одной из пятниц Рождественского поста.

4. То, что от поднятия прп. Михея и до призвания прпп. Исаакия и Симеона прошло около получаса, говорят только две ранние Пахомиевские редакции.

5. Слова Жития, что прп. Сергей после явления Богородицы *ничтоже можаше ѡвѣщати* на расспросы своего ученика прп. Михея.

Однако, есть в основной части эпизода уникальная особенность Чудовской редакции. Это слова Пресвятой Богородицы, обращенные к подвижнику: *прїидохомъ постѣтити тебе*. Здесь употребляется глагол в 1-м лице множественного числа, тогда как в других редакциях данный глагол употреблен в единственном числе (*прїидохъ*).

Отдельного внимания заслуживает нумерологичность в Житии прп. Сергия. Относительно рассматриваемого нами эпизода хочется указать на смысловое единство

трех сюжетов — видения птиц, явления Пречистой Девы и причащения преподобного Божественному Огню. Все три сюжета объединяет *мотив обетования*.

Кроме этого, два эпизода — видение птиц и явление Богородицы — представляются еще и параллельными, так как их объединяет *мотив молитвы за учеников*.

Наконец, в рассматриваемом эпизоде мы видим еще одну композиционно-стилистическую особенность — троекратное обращение к *мотиву изобилия*. Это видно на примере слов Богородицы и ближайшего комментария автора Чудовской редакции.

Повествование о явлении Богородицы в двух древнейших редакциях гораздо глубже и полнее, чем в последующих редакциях. Но из этих двух редакций именно Чудовская редакция обладает такими содержательными и композиционными особенностями, которые свидетельствуют о ее большей идейной, содержательной и композиционной полноте и близости к несохранившейся части Епифаниевской редакции.

Терентьев Александр Сергеевич,
магистр теологии,
аспирант Московской Духовной Академии

М.В. Третьякова (Арзамас)

Русские путешественники 90-х годов XVII века: путевые заметки «неизвестной особы»

В 1697–1699 гг. в страны Западной Европы в рамках Великого посольства отправилась значительная группа представителей Русского царства. В первую очередь, это само Великое посольство, среди которого находился и сам царь Петр I. Они должны были посетить Австрию, Саксонию, Бранденбург, Республику Соединенных провинций, Англию, Венецию и Папу Римского. Правда, до Венеции и Рима посольство не доехало из-за дошедших до царя известий о бунте стрельцов. Известно, что целями посольства были: получение поддержки европейских стран в борьбе с Османской империей и предстоящей войне со Швецией, получение при поддержке европейских держав северного побережья Черного моря, сообщение о победе в Азовских походах, приглашение на русскую службу иностранных специалистов, знакомство с жизнью и порядками европейских государств и стран. Еще одна группа была отправлена исключительно в итальянские государства (Венецию), чтобы обучиться там навигационному делу. Третья группа была отправлена в Англию или Голландию. Была еще одна группа, в ее составе находились лица, которые отправились в Европу самостоятельно. Среди участников этой группы и была некая «неизвестная особа», оставившая путевой дневник о своем путешествии по Европе в 1697–1698 гг. Считалось, что под этим именем мог скрываться и сам Петр I, и другие участники посольства. Потом стала преобладать точка зрения, что имя этого человека узнать не предвидится никогда. Правда, Д. Ю. Гузевич своими исследованиями смог доказать, что «неизвестная особа» – это никто иной как Алексей Петрович Измайлов (†1705), комнатный стольник Петра I. Он отправился в Европу самостоятельно, у него не было никакого специального поручения. Предполагают, что им двигало желание и увидеть мир, и возможность обучения, и возможность сделать карьеру. В путь он отправился 11 мая 1697 г., выехав из Москвы, а в Москву вернулся весной или летом 1698 г. За время своего путешествия он посетил Любек, Гамбург, Бремен, Амстердам, Дюссельдорф, Франкфурт-на-Майне, Инсбрук, Тренто, Венецию, Рим, Флоренцию, Геную, Милан, Тревизо, Аугсбург, Утрехт, Амстердам, Зволле, Бремен,

Гамбург, Берлин, Гданьск, Кенигсберг, Мемель, Митаву, Ригу. Дневник ведется подневно. Автор указывает дату, сообщая, какой населенный пункт он проехал/посетил/остановился на проживание, далее пишется, где он был, что видел. Записи завершаются в апреле 1698 г. отметкой, что он добрался до Великих Лук. В своем дневнике А. П. Измайлов пишет о том, где он побывал, какие достопримечательности увидел. Среди посещенного им есть и кабинет Рюйша в Амстердаме, и Лейденский анатомический театр, и Лейденский университет, и церкви и монастыри европейских городов, и ярмарки, и театральные представления, и загородные виллы городов Апеннинского полуострова и etc. Его определяют как первого русского туриста, который отправился в путешествия с исключительно познавательными целями.

Третьякова Марина Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории, обществознания и права Арзамасского филиала
Национального исследовательского Нижегородского государственного университета

М.В. Турилова (Калуга)

Александр Сиверс (1894–1929) на страницах мемуаров Т. А. Аксаковой-Сиверс «Семейная хроника»

Татьяна Александровна Аксакова-Сиверс (1892–1981) начала записывать свои воспоминания в 1952 г. на поселении в Вятских Полянах Кировской области. Заглавие отсылает к «Семейной хронике» С. Т. Аксакова (1856), изобразившей патриархальную старину крепостного права в России и предварившей его отмену в 1861 г. Мемуары распространялись в самиздате, впервые были опубликованы в 1988 г. в Париже, позже в России. Книга — ценный источник сведений для исследователей жизни новомучеников и людей, еще не прославленных в лике святых; филологов, краеведов и историков.

Изображены детство и юность в Санкт-Петербурге и Москве дворянки из богатой аристократической семьи. По семейному преданию, ее бабушка, Надежда Петровна Сиверс (Мартос), была правнучкой имп. Екатерины II и светлейшего кн. Григория Потемкина-Таврического. Упомянуты вел. кн. Сергей Александрович Романов и св. прпмц. вел. кн. Елисавета Феодоровна, принимавшие гостей на рождественском приеме. Замужество Т. А. Аксаковой-Сиверс, революция, арест, ссылка, лагерь, жизнь на поселении, Ленинград.

Показаны православное детство, юность, молодые годы ее брата — Александра Сиверса (1894–1929). После развода родителей он рос с отцом, лето проводил с родителями отца на дачах в Петергофе, под Тарусой, на берегах Клязьмы, с родителями матери в их усадьбе под Козельском. Показаны многие события, в которых предки, родственники и знакомые Сиверсов действовали достойно и героически. Осенью 1905 г. начались революционные столкновения. Граф Нессельроде в Саратове раздавал землю крестьянам, с П. Долгоруковым в Париже уговаривал французов не давать денег русскому правительству, был лишен придворного звания. В 1915 г. Александр женился на внучке Нессельроде Татьяне Юматовой, в 1918 г. у них родился сын Алик.

«Брат воспитывался в строгости и в свои детские и юношеские годы получил максимум того, что было необходимо для его развития», — замечает автор. Сначала мальчик учился в модном Тенишевском реальном училище, собираясь стать горным инженером. В 1905–1909 гг. сопровождал отца в поездках по Европе, хорошо знал европейское искусство. Студенты технологического института учили его немецкому языку. В 1908 г. был переведен в гимназию, затем в закрытый Александровский лицей,

где восторженно окунулся в романтику лицейских традиций и дружбы. Летом 1913 и 2014 гг. жил в Англии, где учил английский язык.

После революции с женой и ребенком жил на Волге, служил лесным объездчиком, заведующим музеем. В Петрограде служил в Управлении государственных универсальных магазинов, затем управляющим делами немецкой концессии «Мологолес». Весной 1925 г. в Ленинграде был арестован по «лицейскому процессу», осужден по 58-й статье на 10 лет Соловецкого лагеря особого назначения.

Весной 1926 г. Татьяна Аксакова-Сиверс отвезла Алика и своего сына Диму в Ниццу к матери. Летом 1927 г. Татьяна Сиверс ездила на Соловки и виделась с мужем. В начале октября 1929 г. просила о помощи Е. П. Пешкову, возглавлявшую Комитет Красного Креста. В начале ноября Татьяна Аксакова-Сиверс получила от брата последнюю открытку со штампом УСЛОНа, датированную 24 октября 1929 г.: «Очень неприятно в осенней сырости с утра до вечера быть в лесу на работе, когда дождь льется за воротник. Твой пёсик-братик!» Вскоре им сообщили о массовом расстреле на Соловках в ночь с 28 на 29 октября. Подтверждение смерти Александра нашлось в начале декабря, в письме с Соловков Н. М. Путиловой к сестре. Е. П. Пешкова вывезла вдову Татьяну Сиверс во Францию к сыну. Она приняла постриг с именем Мария в монастыре на Луаре.

Приводятся свидетельства о жизни и смерти Александра Сиверса на Соловках. Сослан отец, арестован муж, расстреляны родственники и знакомые Татьяны Аксаковой-Сиверс. Многие покинули Россию. Вероятно, автор книги предполагает, что некоторые родственники и знакомые живы, надеется что-то о них узнать. Хорошо известно пророчество блж. Параскевы Дивеевской об убийстве в 1918 г. императора Николая II, его семьи и слуг; революции, годах искупления греха царубийства, царе «его рода» и будущем России. История Арзамаса и географически близкого к нему Сарова (бывшего Арзамаса-16) тесно связана с этим пророчеством и исследованиями в этой связи.

Мария Валерьевна Турилова,
кандидат филологических наук, независимый исследователь

А.В. Уланова (Москва)

Представители Серебряного века в дневниках и воспоминаниях Андрея Николаевича Ильина (1872/73 – 1928) (к 150-летию со дня рождения)

А.Н. Ильин – представитель старинного дворянского рода Ильиных, двоюродный брат ученого-философа, правоведа, публициста И.А. Ильина (1883 – 1954) и отец известного историка искусства, профессора МГУ им. М.В. Ломоносова М.А. Ильина (1903 – 1981). А.Н. Ильин, стоявший у истоков зарождения отечественного краеведения, успел опубликовать единственный свой труд – книгу «Село Виноградово» (1912). Недавно обнаруженные в фонде Ильиных рукописного отдела Российской государственной библиотеки дневники и воспоминания А.Н. Ильина стали новым источником по истории самой династии Ильиных, а также сведений о представителях Серебряного века отечественной культуры.

Андрей Николаевич вел свои записи с некоторыми перерывами на протяжении долгих лет. Они представляют собой рукописные и машинописные тексты общим объемом 445 листов, охватывающие период с 1881 г. по 1914 г. Воспоминания относятся, в основном, к детству и гимназическим годам. А дневниковые записи А.Н. Ильин начал вести уже в зрелый период жизни. В столь объемном и содержательном материале упоминается большое количество как хорошо известных, так и уже забытых имен

современников, с которыми довелось общаться автору. Ильин рассчитывал, что у дневника будут читатели, прежде всего это его собственные дети (об этом прямо говорится в тексте). Поэтому мемуарист составил алфавитный указатель встречающихся в дневнике фамилий, который насчитывает 227 персоналий.

Среди добрых знакомых Ильина его гимназические товарищи граф В.В. Мусин-Пушкин (1870 – 1923) и барон С.К. Фелейзен (1875 – 1936). Андрей Николаевич общался с писателем и краеведом Москвы В.А. Гиляровским (1855 – 1935), издателем и поэтом С.А. Соколовым-Кречетовым (1878 – 1936) и его братом П.А. Соколовым (? – 1966) – основателем знаменитого Летнего театра в Малаховке (1911). На свадьбе К.Д. Бальмонта (1867 – 1942) Ильин был шафером невесты – Е.А. Андреевой (1867 – 1950). Он бывал в гостях у директора Императорских театров В.А. Теляковского (1860 – 1924), являлся поклонником таланта его жены Гурли Логиновны, урожденной Миллер (1850 – 1922) – художницы по костюмам оперных и балетных постановок Большого театра. Ильин был свидетелем творческого роста их сына Всеволода Владимировича (1894 – 1963), ставшего позже художником-декоратором и знатоком истории костюма. Из дневника стало известно о дружбе А.Н. Ильина с художником-акварелистом, графиком и архитектором М.А. Дурновым (1867 – 1928), снискавшим в светских кругах Москвы славу «властителя дум», к мнению которого прислушивались, с чьим суждением считались. Как художник-график он сотрудничал с издательствами «Гриф» и «Скорпион». В 1901 г. М.А. Дурнов написал портрет своего друга К. Бальмонта. Бальмонт же посвятил ему поэтический сборник «Будем как Солнце» (1903).

На рубеже XIX – XX вв. заметным социальным явлением стала дачная жизнь. В имени Ильиных Быково на летний сезон арендовали дачи представители московского бомонда: Сабашниковы, Андреевы, знаменитый тенор Большого театра Л.В. Собинов, французский генеральный консул в Москве Дюфреш, бельгийский генеральный консул Ван Шерпензель Тим и многие другие. Страницы дневника А.Н. Ильина наполнены атмосферой этого периода.

Отдельно в докладе будет сказано о самом авторе мемуаров, высоком уровне литературного языка его дневниковых записей, о вкладе А.Н. Ильина в развитие краеведения Подмосковья.

Источники

ОР РГБ. Ф. 814. К. 7. Ед. хр. 3, 4, 5, 9.

Уланова Анжела Владимировна
зав. учебным кабинетом кафедры истории медицины и социально-гуманитарных наук
лечебного факультета ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский
медицинский университет им. Н.И. Пирогова» Минздрава России

Е.В. Урысон (Москва)

Мышление в русской языковой картине мира (предварительные заметки)

Основной объект работы – глагол *думать* (о чем-л.) в значении ‘размышлять’, ср. *думать об отпуске; думать, куда пойти учиться; думать, с кем пойти в поход*. Кроме того, будет рассматриваться семантика слова *мысль*, ср. *В голову пришла замечательная мысль*, а также значение и употребление слова *ум*, ср. *Ум лихорадочно работает – где взять денег; Умом Россию не понять*.

Задача работы – выявить некоторые специфические черты представления о мышлении, представленного в русской языковой картине мира. Будет продемонстрировано, что достижения психологии начала 20 в. в познании процесса

мышления неожиданным образом совпадают с языковым представлением о думании – как если бы язык предвосхитил эти открытия, зафиксировав в своей семантической системе некоторые тонкие, неочевидные особенности мышления, на которые психология обратила внимание лишь немногим более ста лет назад. Предлагаемое здесь описание выбранного фрагмента языковой картины мира хорошо соответствует наблюдаемой нами внеязыковой действительности, объясняя легкую смену взглядов и убеждений, происходящую у масс людей в переломные эпохи

Урысон Елена Владимировна,
д.ф.н., гл.н.с. ИРЯ РАН.

М. Ю. Федосюк (Москва)

Военная служба полковника Российской армии Михаила Павловича Федосюка в зеркале протоколов полкового комитета офицерских и солдатских депутатов

Михаил Павлович Федосюк (1879–1944) – мой двоюродный дед, в память о котором мой отец решил назвать меня Михаилом. В 1897 г. М.П. Федосюк поступил на военную службу и к 1916 г. дослужился до звания полковника. В марте 1917 г. он был назначен на должность командира 20-го гренадерского Базарджикского полка Российской армии, который в то время размещался где-то на территории Гродненской губернии. После того, как после Октябрьской революции 1917 г. полк был расформирован, М.П. Федосюк перешел на службу в Красную армию, где до 1922 г. работал в различных подразделениях, связанных со снабжением, а позднее постоянно находил и терял работу снабженца или бухгалтера в различных гражданских учреждениях.

В нашем семейном архиве сохранился довольно необычный для домашних архивов документ – тетрадь с протоколами полкового комитета офицерских и солдатских депутатов 20-го гренадерского Базарджикского полка. Судя по этой тетради, командир полка должен был знакомиться с каждым из протоколов и утверждать его, о чем свидетельствуют его подписи и замечания почти на каждом из них. Протоколы велись с 19 марта по 8 октября 1917 г. и после расформирования полка, очевидно, никем не востребованные, остались у командира полка. Знакомство с этими протоколами позволяет увидеть, с какими проблемами, возникавшими в Российской армии после Февральской революции 1917 г., сталкивался полковник М.П. Федосюк.

Судя по всему, важнейшей из проблем было сохранение строгой армейской дисциплины в условиях демократизации российского общества, нередко граничившей с вседозволенностью. О конфликте между борьбой за дисциплину и распространением демократии свидетельствуют даже трансформации в названиях протоколов. Первые два протокола озаглавлены: «Протокол заседания *разрешенного Командиром полка* солдатского комитета 20 гренадерского Базарджикского полка», однако, начиная с протокола от 1 апреля 1917 г., упоминаний о том, что заседания разрешены командиром полка, в заглавиях протоколов нет.

А вот две выдержки из приложенного к первому из протоколов «Обращения к солдатам»: «Помните, товарищи: в единении сила, для этого нужно, один ли это солдат или целая группа, никогда, ни в каких случаях не входить в критику и не ослушиваться приказаний начальников, если бы даже они казались вам непонятными или бы даже нарушали достоинство солдата-гражданина»; «Взять хотя бы, к примеру, не запрещенную теперь игру в карты. Помните, что она не разрешена, а лишь не запрещается и что каждый из нас должен отдавать себе отчет, что хорошо и что плохо».

О прочих проблемах, которые приходилось решать командиру полка, можно судить по следующим пунктам в повестках дня заседаний:

- Сапоги и их починка;
- Случай о хождении 3-й роты на работу в Старый Двор, где таковой не оказалось;
- Соотношение раскладки, утвержденной начальником дивизии, с выдаваемыми продуктами;
- Устройство увеселительной постановки спектакля в предстоящие дни Святой Пасхи;
- Открытие библиотеки при полковом комитете и изыскание средств для нее;
- Доклад гр. Васильева о столкновении между прапорщиком Шараповым и гр. Барановым;
- О продажах хмельных напитков в деревне;
- О солдатской лавке;
- Случай в 4 роте перемены солдатами новых сапог на старые вольным жителям с взятием додачи;
- Вопрос о матах и дровах для роты;
- О худых шинелях.

Кое о чем из перечисленного предполагается на конференции рассказать подробнее.

Федосюк Михаил Юрьевич,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры сопоставительного изучения языков
факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени
М. В. Ломоносова

В.В. Фещенко (Москва)

**ТРАКТАТ В ОБЛИЧЬЕ ПОЭМЫ:
ПОГРАНИЧНЫЙ ЖАНР И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ЯЗЫКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ⁴⁸**

*И до сих пор не высказана горечь.
Роман, трактат служебен, но не вечен.
Одно хорошее четверостишие
Томов трудолюбивых тяжелей.*

Чеслав Милош. Поэтический трактат

Жанр трактата в стихах как пограничный между теоретическим и поэтическим дискурсами прежде всего ассоциируется с такими именами в истории словесности, как Лукреций, Гораций, Буало, Гвидо Аретинский. В XX веке это междискурсивное взаимодействие стиха и прозы приобрело новые экспериментальные формы. В русском символизме и авангарде трактат стал одной из форм манифестации новых поэтических стратегий и теорий (см. «Глоссолалию» Андрея Белого, «Доски судьбы» Велимира Хлебникова, «Глас о согласе и зогласе» Василиска Гнедова и др.) на границе между научными и художественными жанрами.

Пародийное обыгрывание жанра поэтического трактата осуществляется Игорем Терентьевым в ряде его текстов. В «Трактате о сплошном неприличии» происходит наложение друг на друга элементов поэтического текста (визуально-экспериментального),

⁴⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

научного стиля и разговорной речи. Начало текста имеет типичные признаки трактата: пронумерованные тезисы («стих 1», «стих 2», «утих 3», «псих 4» и т.д.), деление на абзацы соизмеримой длины, вынесенные в заголовки структурные элементы («Начало», «Учение о факте»). Характерные для научного дискурса дискурсивные маркеры («во-первых», «во-вторых», «в целом», «а потому», «словом», шрифтовые выделения) перемежаются дискурсивными элементами и конструкциями из разговорной речи («слушай дальше!», «вот к сожалению дошли мы до черт знает какой мудрости»; «вот тебе правило», «Итак, будьте искренни!», «же!»), включая сниженную лексику с полускрытыми намеками на общенность (что и подобает названию «о сплошном неприличии»).

Любопытно, что этот «трактат» Терентьева вышел в те же годы, в которые Людвиг Витгенштейн писал свой знаменитый «Логико-философский трактат», ставший впоследствии эталоном этого философского жанра. Примечательно также, что и у русского футуриста, и у венского позитивиста речь идет о *факте*: у Витгенштейна – об атомарных фактах как элементах мира («*Мир есть совокупность фактов, а не вещей*»), у Терентьева – о литературном факте как документальном («*Появился факт!!! / Лишенный всякого смысла, бесполезный, злой, никакой, неудобный, простой ябедный голый факт*»). Скорее всего, интерес к факту тут – совпадение или дух времени. Однако немаловажно, что жанр трактата порождает размышление о схожих явлениях. В этой связи симптоматично также обращение к трактатному дискурсу на грани философии и поэзии у обэриутов-чинарей (особенно, у Я. Друскина и Д. Хармса). Друскин отмечал также, что некоторые стихотворения А. Введенского можно рассматривать как философские трактаты (в стихотворении «Ковер Гортензия» повторяющиеся элементы, в частности конструкции с личными местоимениями, Друскин считает логическими пропозициями, основанными на алогизме). Пропозициональность (логическая структурность высказываний) была свойственна и многим поэтам русского неоавангарда: В. Казакову, Л. Аронзону, Г. Сапгиру, А. Драгомощенко.

«Трактат» Витгенштейна оказал большое влияние на поэтов «языковой школы» в США. Так, Розмари Уолдроп отмечала, что пропозиция как форма высказывания обладает качеством логической «замкнутости», и это качество можно использовать в стихе: «I tried to work with this challenge, accept the complete sentence (most of the time) and try to subvert its closure and logic from the inside, by constantly sliding between frames of reference» («Thinking of Follows»). «Composition of the Cell» Лин Хеджинян строится по модели трактата с короткими пронумерованными стихами. При этом на протяжении текста фразы-строки обнажают свою структурность:

1. 6 Rocks are emitted by sentences to the eye.
2. 13 Circumstances rest between rocks.
2. 14 The person of which I speak is between clocks.
3. 1 Exploration takes extra words.

Особого внимания заслуживает анализ текста Чарльза Бернстина «The Artifice of Absorption» (1987). А. Парщиков, участвовавший в его переводе на русский язык, называет его «поэмой-трактатом» или «ученой поэмой». По мнению Парщикова, текст этот манифестарен для поэтики автора и является «разновидностью конструктивистской поэмы, где «реальный», документальный материал — рефлексия поэта по поводу значения приема в вербальном искусстве». Положения-пропозиции на темы поэтических техник здесь разбиваются на стихотворные фрагменты, позволяя читать этот текст сразу в двух режимах: теоретическом (трактат) и поэтическом (поэма):

*Это
рискованный путь, потому что в той мере,
в какой стихотворение кажется*

*чрезмерно само-осозанным в противоположность
внутренне
очаровывающему или физически
присутствующему, оно может вызвать
само-осознание в читателе, разрушая
его или её поглощённость театрализацией
или концептуализацией текста, уводя
его из области вызванного переживания в
область демонстративной техники.
Это тема многих моих
произведений.*

В таком гибридном дискурсе «поэмы-трактата» актуализируются сразу и поэтическая, и металингвальная функции языка. Возникает сквозная самореференция (сосредоточение пропозиции на самой себе): метатекстуальные маркеры одновременно вступают в нелинейные парадигматические связи в стиховом пространстве поэтического трактата.

Владимир Валентинович Фещенко (Институт языкознания РАН)
Старший научный сотрудник, доктор филологических наук

Т.М. Хусяинов (Москва), Д.О. Жаров (Вена)

Реконструкция социальной реальности жителей малых городов на рубеже XIX-XX веков посредством корпуса почтовых открыток «Пишу тебе»

Почтовые открытки в России появились в 1872 году, первоначально они не имели иллюстраций — одна сторона предназначалась для текста сообщения, а вторая для адреса. В 1894 году почтовым ведомством России было разрешено издавать иллюстрированные открытки частным лицам, благодаря чему они стали очень популярны среди населения. Знакомым стал выпуск пасхальных открыток 1894 года, серию с четырьмя весенними акварелями художника Николая Каразина. Коллекцию создали в благотворительных целях после Русско-турецкой войны. Изданием открыток занялась российская Община Красного Креста имени святой Евгении, а руководила процессом принцесса Евгения Ольденбургская⁴⁹.

Возможность сделать недорогой, но милый и яркий подарок родственнику или знакомому, даже если тот проживает на другом конце империи или в другой стране, приглянулась и дворянам, и мещанам, и даже крестьянам.

Почтовая открытка как мультимодальный источник стала объектом оцифровки и систематизации в цифровом корпусе проекта «Пишу тебе»⁵⁰, в рамках которого происходит накопление и структурирование дореволюционных, советских и современных почтовых открыток. На конец марта 2023 г. в корпусе «Пишу тебе» находится более 16950 открыток, при этом количество открыток увеличивается каждый день, пополняясь из общедоступных источников, семейных архивов, частных и музейных коллекций. Большинство открыток в корпусе написано на русском языке, остальные — на более 30 иностранных языках. Самая ранняя почтовая открытка в корпусе была отправлена в 1881

⁴⁹ Лёгкая Д. Традиция пасхальной открытки // Культура.рф. URL: <https://www.culture.ru/materials/187957/tradiciya-paskhalnoi-otkrytki>

⁵⁰ Проект «Пишу тебе». URL: <https://sysblok.ru/postcards>

г., самая поздняя — в 2022 г. «Пишу тебе» предоставляет исследователям возможность использовать корпус в своих исследованиях.

Мы сосредоточим свое внимание, в рамках данной работы, именно на возможности реконструирования социальной реальности жителей малых населенных пунктов: людей, живущих в уездных городах, селах и деревнях, усадьбах и хуторах.

Здесь, в дореволюционный период, в отличие от больших городов меньше грамотного населения, далеко не всегда есть постоянное почтовое сообщение и меньший доступ к видам открыток, которые могут быть отправлены, а сам уклад жизни и повседневность отличается от жителей больших городов.

Благодаря открыткам мы получаем возможность узнать о жителях удаленных населенных пунктов Российской Империи: их социальные связи (горизонтальные и вертикальные), социальный капитал, социальный статус, описание быта и повседневности, образ мыслей и картина мира. В качестве примера мы рассмотрим открытки, отправленные из города Арзамас на рубеже XIX-XX веков.

Открытка отправлена из Арзамаса в гостиницу в городе Гурзуф в Крыму⁵¹. Адресант сокрушается, что получатель не приехал в гости, по всей видимости по пути в Крым, а также делится своими планами - "сами едем прокатиться по Волге завтра". На самой открытке фотография общего вида на город Арзамас. Кроме того, важной составляющей данной открытки являются почтовые штампы, которые сообщают нам не только даты отправки (18.06.1913) и получения (21.06.1913), но и конкретное место отправления - вокзал в городе Арзамас. Почтовая открытка добралась из Арзамаса в Гурзуф (свыше 1300 км) за 4 дня. Интересно, открытка предназначалась Василию Алексеевичу Никольскому - "артисту русской оперы", что указано на самой открытке.

Вторая открытка была отправлена из Киева в город Арзамас⁵² предназначалась Константину Алексеевичу Аргентову. Из текста почтовой открытки и дополнительной метаинформации мы узнаем о том, где Аргентов жил в Арзамасе (Дом Постниковой), с кем переписывался, обращение ЕВБ (Его Высокоблагородие) указывает на социальный статус.

Интересно, что достаточно часто, кроме указания имени получателя указывался его социальный статус, который мог быть связан как с профессией, так и с Табелем о рангах. Так в первом случае это "артист русской оперы", во втором - "Его Высокоблагородие". Рассматривая профессиональную сферу, мы можем встретить широкий круг профессий, например, учитель, техник зубного кабинета, доктор, священник, статский советник и т.д., а также ряд статусов, связанных с обучением: гимназист, слушательница курсов, студент.

Кроме того, вопрос социального статуса может рассматриваться исходя из адреса получателя. Далеко не всегда почтовая открытка направлялась домой, нередко указывался адрес работы, благодаря чему мы можем увидеть сферу и даже конкретное место работы получателя, например, Русско-Азиатский Банк, аптека, или Исправительное арестантское отделение, какое-либо военное формирование или корабль. Все это дает возможность для более подробной проработки вопроса конструирования социальной реальности на основе почтовых открыток.

Хусяинов Т.М.,
старший преподаватель департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный
исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Жаров Д.О.,

⁵¹ Открытка №208721 // Цифровой корпус почтовых открыток "Пишу тебе". URL: <https://sysblok.ru/postcards/card/208721/>

⁵² Открытка №209379 // Цифровой корпус почтовых открыток "Пишу тебе". URL: <https://sysblok.ru/postcards/card/209379/>

В.А. Черванёва (Москва)

Комментарий сказочника к своему тексту: тематический и прагматический параметры

Проблема, предлагаемая для обсуждения в докладе, стала актуальной в последние десятилетия в рамках коммуникативно ориентированного изучения фольклорного текста – как речевого высказывания с учетом коммуникативной ситуации, ее особенностей и составляющих ее компонентов.

Одной из первых работ в этой области в применении к сказочному материалу стала статья Н.М. Герасимовой «Севернорусская сказка как речевой жанр» [Герасимова 2012], где исследовательница обратилась к анализу элементов сказочного текста, не относящихся непосредственно к сказочному нарративу: присказкам, концовкам-«постсказкам», обращенным к слушателям ремарок, задающим сказочные «правила игры» и таким образом маркирующим конвенциональные границы ситуации. Н.М. Герасимова показала, что эти элементы выполняют важную коммуникативную функцию, а именно «переноса» слушателей в «иной» мир, служат маркером «инаковости» сказочного пространства и времени и противопоставленности реальной, актуальной ситуации рассказывания текста, в которой присутствует реальный сказочник и его аудитория.

Принятые в настоящее время принципы записи фольклорного текста, во многом обусловленные новыми техническими возможностями фиксации устной речи, предполагают полную расшифровку текста, таким образом, вся коммуникативная ситуация записи попадает в поле зрения исследователя. И мы имеем возможность рассматривать внетекстовые элементы и другого рода – комментарии и пояснения сказочника к тексту, не связанные непосредственно со структурой сказочного повествования, но имеющие непосредственное отношение к ситуации речи. Раньше такого рода элементы текста вычищались при подготовке текста к публикации или даже, скорее, не фиксировались в условиях ручной записи. Но и сейчас со всей очевидностью ощущается ограниченность попутных комментариев исполнителя от текста сказки, их «инородность» (при публикации, как правило, такие элементы приводятся в скобках – ср. сборник [Самоделова 2013]).

В докладе предполагается обсудить факторы, обуславливающие ощущение границ двух речевых жанров – собственно сказки и комментариев сказочника. Прежде всего, таким фактором выступает тематический параметр текста (комментарии, как правило, касаются интерпретации сюжета, обстоятельств знакомства рассказчика с сюжетом сказки, обстоятельств актуальной ситуации речи, не относящихся непосредственно к тексту). Во-вторых, ключевыми являются факторы коммуникативной ситуации: 1) образ адресата (представление рассказчика о коммуникативных ожиданиях собеседника, его потребности в информации определенного рода, степени информированности собеседника); 2) фактор адресанта (имеется в виду мена роли говорящего – с позиции нарратора как демиурга текста, предполагающей особый сказочный хронотоп, на позицию собеседника – реального человека, включенного в коммуникативную ситуацию, которой свойствен хронотоп речевого режима «здесь и сейчас»).

Литература

Герасимова 2012 – Герасимова Н.М. «Севернорусская сказка как речевой жанр // Герасимова Н.М. Прагматика текста. Фольклор. Литература. Культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. С. 70–91.

Черванёва Виктория Алексеевна,
к.ф.н., доцент РГГУ, ведущий научный сотрудник
Центра типологии и семиотики фольклора

И.А. Шаронов (Москва)

Прагматика русских пословиц и поговорок в диалоге*

Пословицы и поговорки (паремии) – народные сентенции, образно передающие житейскую мудрость. Многие из этих единиц уходят из языка, поскольку содержат непонятные для современных поколений реалии и отражают элементы патриархального мышления. В словарях паремий [Даль 1984, Зимин и др. 2009, Жуков 2000, Мокиенко В.М., Никитина 2007; Мокиенко, Никитина, Николаева 2010, Мокиенко 2012] акцент делается на объяснении значения единиц и их культурологическом комментарии, без чего понимание таких единиц для молодого поколения и для иностранных студентов крайне затруднительно.

В предлагаемом докладе внимание фокусируется на роли пословиц и поговорок в бытовых диалогах. В таких употреблениях значение единицы деформируется под влиянием дискурсивно-прагматических задач, решаемых говорящим – его попытками убедить собеседника в чем-либо, успокоить, обнадежить его, не поверить или отказать ему и т.д., используя паремию как речевой акт или как аргумент при том или ином речевом акте.

В докладе будут предложены прагматические описания ряда паремий в типовых ситуациях их диалогического употребления. Такие описания полезны для учебных целей, представляется, что они послужат полезным дополнением к традиционным описаниям паремий.

Литература

1. Даль В. Пословицы русского народа, тт. 1–2. М., 1984.
2. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000.
3. Зимин В.И., Ашурова С.Д., Шанский В.Н., Шаталова З.И. Русские пословицы и поговорки. Учебный словарь. М., 2009.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М., 2010.
6. Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно. Пословицы в современном русском языке М., 2012.

* Данное исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/> The reported study is funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

Шаронов Игорь Алексеевич
доктор филологических наук, и.о. заведующего кафедрой русского языка РГГУ

Е.В. Шатько (Москва)

Книга писем как особый жанр (на материале хорватской и сербской литератур)

В 2009 г. была опубликована первая книга писем «Transatlantic mail», эпистолярный разговор между друзьями детства, а теперь и литераторами – боснийско-хорватским прозаиком М. Ерговичем и боснийским поэтом, эмигрировавшим в США, С. Мехмединевичем. В первой книге есть и третий соавтор – фотохудожник М. Ковачевич, чьи работы дополняют и иллюстрируют обсуждаемые темы (осада Сараева, первые выборы в Боснии, протесты и др.). В 2014 г. выходит «сербско-хорватская переписка» «Всякая всячина» (Tušta i tma), написанная по заказу издательства: самый плодовитый и популярный хорватский романист М. Ергович и самый плодовитый и популярный сербский романист С. Басара в начале работы над проектом были едва знакомы, но общий политический, исторический и литературный контекст (и непростые отношения между странами) гарантировали успех задуманному диалогу: они открыто и честно говорят о распаде Югославии, войне, бомбардировках Белграда, религиозном фундаментализме, семье, дружбе, одиночестве, политике, национализме, путешествиях, национальной самоидентификации и др. Сербско-хорватская переписка имела такой оглушительный успех, что пережила не одно переиздание, а в 2015 г. вышло ее продолжение – «Второй круг» («Drugi krug»), посвященная не менее актуальным вопросам современности (коллективная и индивидуальная память, история и ее интерпретация, терроризм и тд.). В докладе рассматривается жанровое своеобразие перечисленных произведений (вполне ожидаемые фрагментарность, полифоничность, исповедальность, частая смена точки зрения и др.), а также выявляются особенности художественного стиля каждого из авторов, сохраняющиеся и за пределами их сугубо художественных произведений.

Шатько Евгения Викторовна,
к.ф.н., научный сотрудник Институт славяноведения РАН,
старший научный сотрудник ГИИ

Я.Г. Шемякин (Москва)

О границах экзистенциального пространства личности в свете концепции гуманитарного знания М.М. Бахтина

1. Два предела знания по М.М. Бахтину: личность и вещь. Человек как предмет гуманитарного знания.
2. Концепция человека согласно Бахтину: несводимость личности к «Я». Личность как познавательный предел – это всегда «не я, а я во взаимоотношении с другими личностями, то есть я и другой, я и ты» (М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 2013. С. 391). Экзистенциальное пространство личности как граница между «Я» и «Другим». Попытка самоизоляции «Я» как тупик. Специфика взглядов Бахтина: антииндивидуалистический персонализм.
3. Главный принцип гуманитарного знания: не точность познания в смысле естественных наук, а глубина проникновения. Смысл метафоры глубины как основы бытия homo sapiens. Диалогический характер этой основы.
4. Неправомерность абсолютного противопоставления гуманитарного и точного естественно-научного знания. Гуманитарное знание как «инонаучное», со своим специфическим критерием точности (С.С. Аверинцев). Критерий точности в

гуманитарных науках согласно Бахтину: «преодоление чуждости чуждого без превращения его в чисто свое» (М.М. Бахтин. Эстетика ... С. 392).

5. Различные способы структурирования диалогической ткани социальности в зависимости от решения проблемы «Другого»: исключаящие дискурсы великих цивилизаций Востока и Запада и включающие дискурсы цивилизационного «пограничья». Концепция диалога Бахтина как наиболее ясное воплощение «включающего» дискурса, предполагающая включение «Другого» в собственное жизненное пространство всех участников диалога.

6. Условия осуществления подлинного диалога: необходимость одновременно слиться в «Другим» и сохранить основу собственной идентичности, дистанцию по отношению к иному участнику диалога. Соответствие бахтинской «диалогике» общенаучному принципу дополнительности (Н. Бор) и главным критериям новой научной парадигмы в гуманитарной сфере.

Шемякин Яков Георгиевич,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра культурологических исследований Института Латинской Америки РАН

О.Д. Шемякина (Москва)

Повседневность человека путешествующего и просвещенческий дискурс: вояж по Европе Д.И. Фонвизина

В просвещенческом мифе, по мнению М. Хоркхаймера и Т. Адорно, все особенное и маргинальное вызвало идиосинкразию и дурно пахло. Бесстрастность, дистанцированность, дисциплинированность эмоций и нос, улавливающий границы нормы, — это те изменения, которые приносит новая эпоха в поисках прозрачности и оппозиций центра и периферии. Феномен идиосинкразии являлся следствием визуальной революции – появляется пространство внешнего наблюдателя. Изобретение прямой перспективы предполагало внешнее наблюдение с фиксированной точки зрения, такого рода мышление в пространстве несло в себе императив навязчивой рубрикации (Н.Е. Коппосов). Когда разум являлся критерием подлинной человеческой сущности, неизбежно появлялась категория людей, еще не выделившихся из природного целого, которые дурно пахли и были неразумны. Контакт с объектом разложившимся или испорченным в физическом или психологическом смысле побуждает человека отстраниться от объекта, вызывающего отвращение, или устранить сам объект.

Один из парадоксов эпохи Просвещения заключался в том, что этот дискурс наиболее соприроден ситуации статики – кабинетного взирания на мир, способствующего работе с чистыми формами, а не с ситуацией движения. Движение особого рода – не просто перемещения в пространстве, а погружения в повседневность, в которой всегда царит случайное и избыточное, живость самой жизни (В. Малявин). Погружалось в эту живость самой жизни образованное дворянство в путешествиях, осваивая культурное пространство Европы.

Если путешественник обладал умом, но в сочетании и с эмоциональной ригидностью, склонностью к повышенной раздражительности, то запахи зловония (и фантомные и реальные или просто непривычные) пропитывали культурное пространство тех стран, где родились идеи Просвещения, и тогда оно могло представлять собой по Ю. Хабермасу незавершенный модерн-проект, а покинутое родное пространство обрести новый статус. В письмах Д.И. Фонвизина смердящая вонь городов Италии и Франции, которые были местом памяти античной цивилизации или интеллектуальной Меккой Европы, становится устойчивым фактором восприятия пространства. Перемещение в пространстве человека путешествующего, связанное со сменой точек зрения и настроения, порожденные бытовыми неудобствами и неоднородностью культурного пространства европейских городов, сохранивших средневековые черты и

пропитанных непривычными запахами, рождало отторжение от осваиваемого культурно пространства. Столкновение мыслительных конструкций с повседневной жизнью европейских городов заставляло автора стирать существующие границы и проводить новые, собственные, которые были открыты желанию вернуться домой.

Шемякина Ольга Дмитриевна
кандидат исторических наук,
научный сотрудник кафедры истории России до начала XIX в.
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Г. Г. Шеянов (Москва)

«По недоумению и усердию» (случай из истории российского патриотизма)

Когда последовала череда поражений России в войне с Турцией и союзниками, император Николай I издал манифест о призыве в ополчение. Предполагалось зачитывание манифеста в храмах, и Синод заблаговременно выпустил указания для духовенства. Священники должны были объяснять пастве, «что настоящая война... есть для нас, русских, война за святую веру», а служба в ополчении «есть священная, и кто на ней положит живот свой... тот отмоет грехи свои пред Богом». Но патриотизм должен был знать меру, и одновременно был издан «секретный указ» Синода, предписывающий пастырям следить, чтобы крепостные крестьяне «сохраняли... повиновение властям и своим помещикам» после заслушивания манифеста. Спустя месяц Синод разослал по церквям последование «молебного пения ко Господу Богу, певаемого во время брани против супостатов», и текст собственного патриотического воззвания «по случаю Государственного ополчения».

И тут произошло недоразумение в нижегородском селе Вильдеманово, известном как родина патриарха Никона. Воззвание Синода, зачитанное 10 апреля 1855 года, произвело особо сильное впечатление на священника и паству. В итоге 11 крепостных крестьян решили самовольно поступить в ратники, а священник напутствовал уходящих «ополченцев» молебном. Крестьяне пришли пешком в Нижний Новгород, и 13 апреля явились к епископу с вопросом, где принимают в ополчение? Владыка спокойно ответил, что им следует обратиться к своим помещикам, после чего несостоявшиеся ратники вернулись домой. Но малая родина встретила их неласково.

В день их ухода помещики донесли о происшедшем Княгининскому земскому исправнику, который инициировал расследование и доложил губернатору о «неповиновении» крестьян. Губернатор, в числе прочих распоряжений, направил епископу просьбу «для прекращения возникшего в селе волнения удалить оттуда приходского священника» (будто бы распространявшего слухи о получении ратниками свободы от крепостной зависимости). В ответ Нижегородский епископ Иеремия (Соловьев) изложил губернатору историю своего общения с мнимыми бунтарями, заострив внимание на том, что после устного вразумления крестьяне «благопокорливо, без всякого пререкания и в смиренном сознании невыразумения слышанного ими, возвратились к своим местам и делам».

Действительно, 16 апреля вотчинный начальник привел вернувшихся крестьян к исправнику. И губернатор сообщил архиерею, что исправник «принятыми мерами успел уничтожить возникшее между крестьянами села Вельдеманова волнение, но за дальнейшее сохранение спокойствия он не ручается», пока священник не удален из села. А вскоре дело дошло до столицы, и появился указ Синода «об удалении села Вельдеманова священника Василия Никольского за разглашение ложных слухов между крестьянами». 28 апреля злополучный священник был переведен в другое село.

На этом дело могло бы и закончиться. Но донесение губернатора «о ложных слухах, распространившихся между крестьянами Княгининского уезда по случаю Государственного ополчения» было представлено новому императору Александру II. Ознакомившись с делом, государь «высочайше повелеть соизволил: с священника села Вельдеманова сделать взыскание по

усмотрению св. Синода». 6 мая вышел новый синодальный указ с требованием, чтобы действия несчастного священника «подвергнуты были суду и строгому взысканию по законам».

10 мая епископ Иеремия отвечал Синоду с достаточной долей смелости. Он снова изложил свою версию событий, согласно которой никакого «волнения» крестьян в селе Вельдеманово не было, а имело место «недоразумение» — которое прекратилось после «вразумления» крестьян архиереем, а вовсе не какими-то «будто бы принятыми исправником мерами». А 17 мая все документы, связанные с этим делом, внимательно рассмотрела Нижегородская духовная консистория.

Провинившиеся крестьяне говорили, что «если бы не священник их возмутил, то они ни под каким бы видом не сделали самовольной отлучки», и что священник после зачитывания воззвания «толковал, если кто изъявит добровольное желание поступить в ратники, того никто удержать не может». Консистория сделала вывод, что по строгости закона Василия Никольского «следовало бы лишить священнического места и определить в причетники». Однако, поскольку «возбуждение крестьян к ополчению и прочее произведено без всякого злонамерения, а единственно по недоумению и усердию к защите Престола и Отечества», то следует ограничиться более мягким наказанием: 6-месячной ссылкой священника в Арзамасский Спасский монастырь. Епископ Иеремия утвердил это соломоново решение.

Шеянов Григорий Геннадьевич,
кандидат медицинский наук,
независимый исследователь

Р.И. Шилкин (Сергиев Посад)

«Поста́в Христу боготкан явилася еси»: «ткацкий стан» как образ Богородицы и Боговоплощения в гомилиях свт. Прокла Константинопольского

Образ «ткацкого стана» является одним из ведущих аллегорических наименований Богородицы в церковно-богослужебной и патристической письменности Православной Церкви. Его авторство принадлежит малоизвестному в русскоязычной среде свт. Проклу Константинопольскому. Языковая репрезентация образа «ткацкого стана» составляет одну из особенностей идиостиля гомилетических текстов Святителя.

Этот образ, с одной стороны, выполняет апологетическую задачу, направленную на защиту православного учения о Богородице в контексте его богословской полемики с Несторием, и в этом смысле посредством изображения производственного оборудования он иллюстрирует таинство Боговоплощения и роль в нём Девы Марии. А, с другой стороны, эта аллегория представляет собой изящный образец христианской риторики, которая гармонично соединила в себе недоступную для рационального объяснения истину таинства Богорождения с визуально-тактильным человеческим искусством ручного ткачества. С помощью именно этого образа свт. Прокл, подобно художнику, изображающему красотой красок благолепие жизни, через эстетику вербального образа описал воплощение Бога, человеческая плоть Которого уподоблена здесь осязаемому одеянию, «сотканному ткацким станом в мастерской Девы» (τό παρθενικόν ἐργαστήριον) [Proclus Constantinopolitanus. Homilia de laudibus sanctae Mariae. 2003. P. 136].

Художественный образ «ткацкого стана», употребляемый в контексте сотериологической доктрины и исторического события Благовещения, является богословской инновацией свт. Прокла. В корпусе его сочинений этот образ выступает одним из сквозных для большинства его гомилий, относящихся ко Христу или Богородице, и имеет содержательное развитие, которое в итоге находит своё логическое

завершение в слове на «Крестные страдания Христа». В нём автор показывает конечную цель «соткания» хитона человеческой плоти Христа и её реализацию.

Можно предположить, что свт. Прокл в своих гомилиях гармонично связывает в рассматриваемом образе раннехристианскую экзегезу ткани и одежды и согласует их в новый метанарратив, полноценно раскрывшийся в аллегории ткацкого стана (Быт. 3, 22; Гал. 3, 27). Поместив в центр аллегорической системы текстильного производства ткацкий стан, продуктом которого стало «одеяние плоти Христа», свт. Прокл, с одной стороны, завершил развитие этого образа, а с другой — установил непосредственную роль Богородицы в таинстве Боговоплощения, аллегорически изобразив Её не просто мастерской, а основой ткацкого стана [*Proclus Constantinopolitanus. Homilia de laudibus sanctae Mariae. 2003. P. 136*].

Изящество образа «ткацкого стана», судя по всему, послужило тому, что он был воспринят составителями «Октоиха» и введён в гимнографические тексты. Так, имеющиеся в его составе, богородичные песнопения (тропари, стихиры) наполнены идеей «ткачества» человеческой природы Христа, а в некоторых песнопениях она идентична образу свт. Прокла [(«*Ποστὰν Χριστῷ θεοτόκῃ ἐφάνη ἑσὶν, ἀπὸ τοῦ ἵματιος τοῦ θεοῦ ἀρχαίου τοῦ πνεύματος ἁγίου προετοίματον...*») — Октоих, 1996. С. 382]. Также этот образ присутствует в одном из богородичных тропарей «Покаянного канона» прп. Андрея Критского [*Andreas Cretensis. Canon magnus. Ode 8.1*].

Идея ткачества нашла своё выражение и в византийской иконописи и стала одним из главных изобразительных символов в иконографии праздника Благовещения. Одну из миниатюр нам удалось найти на полях греческой рукописи XIII века, в которой проиллюстрировано соткание Божией Матерью хитона человеческой плоти Бога Слова [*Hier. S. Taph. gr. 5 (XIII v.), fol. 234v.*]. Таким образом, образ ткацкого стана был рецептирован святоотеческой традицией и составил одну из главных идей изобразительного и гимнографического искусств.

Библиография

Proclus Constantinopolitanus. Homilia de laudibus sanctae Mariae / ed. by N. Constanas // Proclus of Constantinople and the Cult of the Virgin in Late Antiquity: Homilies 1-5, Texts and Translations. Leiden – Boston: Brill, 2003. P. 136–146. (Supplements to Vigiliae Christianae; vol. 66).

Proclus Constantinopolitanus. Homilia XXIX: In crucifixionem / ed. F. J. Leroy // L'homilétique de Proclus de Constantinople: tradition manuscrite, inédits, études connexes. Città del Vaticano, 1967. P. 204–212. (Studi e Testi; vol. 247).

Andreas Cretensis. Canon magnus / ed. X. F. Syriopoulou // 'Ο Μέγας Κανὼν Ἀγ. Ἀνδρέου τοῦ Κρήτης. Ἀθήνα: Χριστιανικὴ Ἐνωσις Ἑλληστίκῃ, 2000. Σ. 28–364.

Октоих, сиречь Осмогласник. М: изд-во Московской патриархии, 1996.

Шилкин Роман Игоревич,
магистр теологии, аспирант МДА,
помощник проректора, методист кафедры богословия МДА.

А.Д. Шмелев (Москва)

Правила русской пунктуации в компьютерных программах

Использование справочников при создании компьютерных программ проверки пунктуации затруднено тем, что правила, сформулированные в этих справочниках, неполны и недостаточно эксплицитны (а иногда при буквальном применении даже могут привести к неправильной расстановке знаков препинания). Работа над созданием современного свода правил русской пунктуации, на который можно будет ориентироваться при разработке новых компьютерных программ проверки пунктуации, должна в качестве первого этапа включать составление аннотированного предметного указателя к правилам, а также списка лексических единиц,

непосредственно влияющих на пунктуацию, и корректное описание роли этих единиц. Тогда мы приблизимся к тому, чтобы сделать правила не допускающими произвольное толкование. Поведение многих лексических единиц, упоминаемых в правилах пунктуации (в частности, в «Полном академическом справочнике» — ПАС), заслуживает отдельного рассмотрения, и подача их в виде списка может вводить в заблуждение. Так, среди вводных слов и сочетаний слов, которые «заключают в себе указание на источник сообщения», в ПАС приведены формы *вижу* и *слышу* (всего список включает 30 с лишним выражений, причем список явно не исчерпывающий). Глаголы *видеть* и *слышать* упомянуты также среди глаголов, после которых ставится двоеточие в бессоюзном сложном предложении. Может создаться впечатление, что поведение этих глаголов совершенно одинаково. Однако такое впечатление ложно. Форма *вижу* свободно используется как в бессоюзном сложном предложении, так и в качестве вводного слова, в том числе в прямом режиме, причем в этом последнем случае при этой форме может быть или не быть подлежащее *я*. Ср. примеры из НКРЯ:

- *Вдруг вижу: идет мужчина с портфелем...* [Григорий Горин] — бессоюзное сложное предложение.
- *Он вот и с вами, вижу, коньяк выпивал...* [Василий Шукшин] — вводное слово.
- *Вот вы, я вижу, считаете это дело законченным.* [Вера Белоусова] — употребление в составе вводного оборота.

Напротив того, для формы *слышу*, свободно используемой в бессоюзных сложных предложениях, употребление в прямом режиме в качестве вводного слова не очень характерно. Зато чрезвычайно часто встречается употребление в качестве вводного слова оборота *я слышал(а)*, тогда как совершенно не характерно такое употребление для оборота *я видел*. Ср. примеры из НКРЯ:

- *Иду по коридору и слышу: во всех кабинетах, на всех этажах включено радио.* [Светлана Алексиевич] — бессоюзное сложное предложение.
- *Коньяк, я слышал, требует больших бокалов, не так ли?* [И. Грекова] — употребление в составе вводного оборота.

Шмелев Алексей Дмитриевич,
доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
главный научный сотрудник, заведующий отделом,

Е. Я. Шмелева (Москва)

Общение в социальных сетях глазами лингвиста

Новый канал коммуникации – социальные сети во многом изменили представления лингвистов о речевой коммуникации, личности коммуникантов, стратегии и тактике построения диалога, речевых приемах и прагматике общения в целом. В докладе на примерах постов и комментариев в социальной сети Фейсбук будут рассмотрены типичные речевые маски авторов постов и комментариев, приемы ведения диалога, в том числе, приемы речевой агрессии, такие, как переход на личности, флейминг (разжигание спора ради спора) и троллинг (речевая провокация). Социальные сети наглядно демонстрируют тот факт, что вопреки теории коммуникации, постулатам речевого общения Грайса и др. для многих активных блогеров прагматической целью общения является не успех коммуникации, а дестабилизация коммуникативного процесса, создание коммуникативного конфликта и «победа» в этом конфликте.

Шмелева Елена Яковлевна
кандидат филологических наук, заместитель директора ИРЯ РАН

О.В. Яблонская (Арзамас)

«Карандаш времени»: фотографии и социальная реальность

Изображения существовали всегда и практически везде, их вездесущность привела в XX веке к «изобразительному повороту в истории», как выразился У.Дж. Митчелл. Одной из форм визуального осмысления и представления окружающей действительности является фотография. По информативному потенциалу она не уступает вербальным текстам. С прошлого столетия появилось большое количество снимков, демонстрирующих жизнь средних и низших слоев населения, традиционные письменные источники о которых ограничены, поэтому фотоматериалы особенно важны для написания «истории снизу».

Но стоит ли и до какой степени можно доверять продуктам светописи? «Фотографическую точность» зачастую представляют синонимом абсолютной точности, подтверждая объективность аргументом, что фотография – это не творческая работа человеческих рук, а «карандаш времени». Но это миф, что камера никогда не лжет. В действительности, она может ввести зрителя в заблуждение. Снимки – это результат «кадрирования», перед нажатием на кнопку фотограф выбирает, что и как он будет изображать. Семейные альбомы являются яркой демонстрацией того, как можно приукрашивать реальность.

Анализируя фотографии с точки зрения достоверного отображения окружающего мира, мы должны учитывать технические возможности светописи, особенно это важно при работе с материалами XIX века. Время экспозиции первых аппаратов не позволяло снимать движущиеся объекты, поэтому в снимке «Вид бульвара Тампль» Л. Дагерра запечатлены лишь чистильщик обуви и его клиент. Фотография во многом напоминала создание картин. Снимки ретушировали, авторы сочиняли сцены, продумывали композицию, указывая изображаемым персонажам, как выглядеть.

Конструирование действительности проявляется и в документальной фотографии. Не всегда натурные съемки позволяют выразить идею автора, события бывают размыты во времени и пространстве, поэтому фотографы могут искусственно создать «нужную реальность». Так, постановочными признаются кадры беспризорников Г. Рейландера, некоторые из «трупов» «Урожай смерти» Т. Салливана и А. Гарднера, вероятно, были живыми солдатами, согласившимися услужливо позировать перед камерой. Возможно, и в знаменитом кадре Р. Капы – «Смерть республиканца», зрители видят лишь хорошую игру перед объективом. Но искусственный характер этих талантливых снимков не умаляет их значимости в сохранении исторической памяти.

Однако художественное конструирование снимков может быть нацелено и на грубое искажение реальности. Советские фотографы назвали этот прием «пальмированием» – на месте убранных «ненужных» фигур вставляли кадку с пальмой или что-то подобное. Например, с кадра, изображающего Сталина, Ежова, Ворошилова и Молотова, через несколько лет исчез Ежов. В частных альбомах семей, чьи близкие были репрессированы, также можно встретить фотографии, где была проведена «хирургическая» работа с исторической памятью и скальпелем были удалены «опасные» родственники.

Итак, фотоснимки – важные исторические источники, они способны создавать чисто механическими средствами объективные образы видимого мира. Но не следует преувеличивать достоверность светописи. Авторы съемок могут создавать «нужную реальность» посредством художественных приемов или путем «хирургического вмешательства» в негатив. Но, несмотря на все возможные манипуляции с изображаемым, фотография не может быть чистым продуктом воображения художника, она всегда будет нести на себе отпечаток реального, «трубка на ней неуступчиво остается трубкой» – писал Р. Барт.

Яблонская Ольга Васильевна,

М.В. Ясинская (Москва)

Лингвистический ландшафт в Венецианской Словении: словенский язык в романском окружении

Словенское этническое меньшинство в провинции Фриули-Венеция-Джулия является автохтонным и проживает в данном регионе с VII в. С середины XIX в. Венецианская Словения (*Beneška Slovenia, Slavia Friulana*) находится в границах Италии. Словенские диалекты в этом регионе являются самыми западными славянскими диалектами и граничат с романскими языками – итальянским и фриульским, относящимся к ретороманской группе. Лингвистический ландшафт в данном регионе представлен итальянским, фриульским и словенским языками, в редких случаях появляется также французский язык, причиной чему является трудовая миграция словенцев в Бельгию в XX в. (подобные надписи встретились на памятнике шахтерам в Сан-Пьетро-аль-Натизоне и на надгробии на кладбище близ Проссеникко).

Цель доклада – выявить и продемонстрировать области присутствия словенского языка в исследуемом регионе (на примере лингвистического ландшафта города Чивидале-дель-Фриули, а также населенных пунктов Сан-Пьетро-аль-Натизоне, Лузевера, Проссеникко и др.), где проживают представители словенского этнического меньшинства и имеются словенские культурные центры. Словенские надписи, например, можно встретить в церквях (подписи под останками «Крестного пути», отдельные молитвы в молитвословах), на дорожных указателях (параллельно с итальянскими и фриульскими названиями), в обозначениях различных частей населенных пунктов (*ledinska imena*), а также «имен домов» (*hišna imena* – традиционные, исторически сложившиеся наименования того или иного дома и, соответственно, их хозяев), реже на кладбищенских памятниках. «Словенский след» наблюдается и в традиционной кухне региона, в том числе в названиях ресторанов, кафе и магазинов, где продаются локальные продукты, а также в вывесках меню (*La Gubana della Nonna, Dorbolo' Gubane*). Несмотря на то, что почти все словенцы в регионе владеют итальянским и фриульским языками окружения, наличие надписей на собственном языке несет для них особую ценность. В то же время словенские надписи на дорожных указателях порой становятся объектом нападок национально настроенных этнических соседей. Несмотря на это, роль словенского языка в лингвистическом ландшафте региона не ослабевает во многом благодаря действиям словенских культурных центров, популяризирующих словенский язык и традиции словенского этнического меньшинства.

Мария Владимировна Ясинская
кандидат филологических наук,
Институт славяноведения РАН (Москва),
научный сотрудник